

STAGE DIVE & PLANET OF BOOKS | K.SCOTT | T.COLE

КОРОЛИ МАРИИ:

ДАРИО

КНИГА ПЕРВАЯ

ОЛИВИЯ ТОРН

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Автор: Оливия Торн

Название: «Дарио»

Серия: «Короли Мафии». Книга первая

Перевод: Julia Ju

Редактура: Ольга Зайцева

Вычитка: Виктория Морозова

Обложка: Ленчик Lisi4ka Кулажско

Оформление: Ленчик Lisi4ka Кулажско

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>

18+

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

*Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

Аннотация:

Алессандра

Вся моя жизнь изменилась, когда он вошел в кафе моего отца в Тоскане...
Il Mostro. Монстр. Дьявольски красивый дон мафии Дарио Розолини.
Он и его братья правят в этом регионе... и владеют всем, чем хотят.
В том числе и мной. Хотя Дарио ясно дал понять, что я его, и только его.
Но я буду сопротивляться, как бы тяжело это ни было.
Не потому, что я его боюсь (хотя и боюсь)...
А потому, что в глубине души я его хочу...
И знаю, что, уступив ему, погублю себя навсегда.

Дарио

Как только увидел ее, я понял, что она должна принадлежать мне.
Она была невинна и прекрасна... так не похожа на все остальное в моем мире.
Теперь я глава своей семьи.
Все мафиози в Италии хотят убить меня и моих братьев.
Я живу с мечом, висящим над головой...
Но все это не имеет значения, когда я смотрю в ее глаза.
Я хочу ее.
Я должен обладать ею.
И как бы она ни протестовала и ни сопротивлялась...
Я овладею ее душой и телом.

Глава 1

Алессандра

Я жила тихой и скучной жизнью, работая в крошечном кафе моего отца в Тоскане...

До той ночи, когда он вошел в кафе.

Il Mostro.

«Монстр».

Дьявольски красивый мафиози Дарио Розолини.

Он и его братья управляли этим регионом Италии... и брали все, что хотели.

Видимо, *Il Mostro* посчитал, что это относилось и ко мне.

С самого начала он дал понять своим братьям, что я — его, и ТОЛЬКО его.

Но до встречи с ним меня оберегали — я была доброй католичкой.

Теперь же я столкнулась с самим дьяволом.

Единственное, что меня защищало — это обещание, данное им моему отцу...

В ту же ночь он увез меня в свое мрачное сказочное поместье.

Не имело значения, сколько соблазнов будет на моем пути, я поклялась никогда не поддаваться.

Не только потому, что боялась его — хотя боялась...

Но потому, что в глубине моей души росло желание...

Он стал самым большим желанием в моей жизни...

Огнем, который грозил поглотить меня, как адское пламя.

Но я знала, кто он.

Мафиози. Убийца.

Он — *Il Mostro*... зверь... сам дьявол.

И как бы сильно я его не хотела...

Если я уступлю ему, это погубит меня навсегда.

Глава 2

Я жила недалеко от городка под названием Менсано, примерно в часе езды к югу от Фиренце, который вы, вероятно, знаете как Флоренцию.

Менсано — крошечное, но красивое местечко. Это средневековая деревня, обнесенная стеной, с которой открывался вид на великолепные поля Тосканы. Внутри городских стен жило около двухсот человек.

Но я жила даже не в Менсано. А возле горной дороги, ведущей к деревне.

Мой отец держал кафе, которое посещали местные жители и немногочисленные туристы, проезжавшие мимо по пути в другие места.

Моя мать умерла, когда мне исполнилось всего двенадцать лет, и с тех пор я была его единственной помощницей в кафе. Он готовил те немногие блюда, которые мы предлагали в меню, а я обслуживала клиентов.

Это была одинокая, скучная жизнь.

Я любила отца, но это было не то, чего я хотела для себя.

Мне было двадцать лет. Я надеялась уехать, когда закончу школу в восемнадцать, возможно, даже во Флоренцию! Но у меня не было достаточно денег.

А отец умолял меня остаться. Без моей помощи кафе разорилось бы, потому что он не мог позволить себе платить кому-то еще.

К тому же он сказал, что без меня умрет от одиночества, и это разбило мне сердце.

Поэтому я осталась.

И все же я жаждала чего-то — *чего угодно* — другого.

Вскоре я поняла, что нужно быть осторожней в своих желаниях.

Мы жили с папой над кафе. Ближайшей соседкой была шестидесятипятилетняя вдова,

которая каждое утро проходила четверть мили, чтобы выпить кофе и пофлиртовать с моим отцом.

В свои пятьдесят один папа выглядел намного моложе ее. Он был старше моей матери, и я родилась у него достаточно поздно (по крайней мере, по сравнению с тем, что было принято в сельской Италии).

Несмотря на шесть лет флирта, вдова так ничего и не добилась.

Папа горячо любил мою мать и до сих пор каждый день оплакивал ее уход.

Иногда мне казалось, что моя собственная жизнь закончилась вместе с ее жизнью.

Семь дней в неделю я принимала заказы на кофе, выпечку и иногда еду.

По воскресеньям я ходила пешком в церковь в Менсано на мессу, потому что мы были слишком бедны, чтобы приобрести машину. Возвращаться мне приходилось тоже пешком, топясь пообедать в кафе.

Мой отец не был набожным. Он никогда не посещал мессу и, несмотря на мои жалобы, заставлял меня работать по субботам.

Каждое воскресенье я шутила:

— Из-за тебя мне придется провести лишний год в чистилище...

— Разве ты не слышала, Алессандра? Папа Римский давно избавился от чистилища, — дразнил он меня. — И ты не делаешь ничего ужасного, чтобы попасть в ад, так что все в порядке.

— Это потому, что здесь невозможно *сделать* ничего такого, что было бы достаточно плохо для ада.

Я и не подозревала, что что-то «достаточно плохое» само придет и найдет *меня*.

Это был вечер понедельника. Я помнила этот день, потому что было странно, что в понедельник в кафе ужинал *кто-то*, тем более незнакомый.

Ему было около тридцати лет, он был уродлив, как жаба с толстыми губами. По его акценту я поняла, что он с севера, далеко от Флоренции. Когда он вошел, то потребовал столик, за которым мог бы сидеть, прислонившись спиной к стене.

Он производил впечатление грубого и неотесанного человека, и у него была отвратительная манера пялиться на мою грудь, когда он со мной разговаривал. Всегда одеваясь очень консервативно, я не провоцировала его взгляды, но он все равно смотрел на меня, как на кусок мяса, от чего у меня бежали мурашки по коже.

Как только я приняла его заказ, то удалилась в дальний конец кафе и стала ждать, пока отец закончит готовить еду.

Уродливый мужчина постоянно обводил глазами каменные стены кафе. Кроме него, меня и папы, работавшего на кухне, тут никого не было, но мужчина, похоже, боялся, что из тени вдруг появится бугимен.

Видимо, он знал что-то такое, что было неизвестно мне.

Я как раз принесла ему *pollo al limone* — курицу с лимоном, когда мужчина сказал что-то странное на своем итальянском с северным акцентом.

— Передайте вашему отцу мои комплименты шеф-повару.

Меня поразило то, что он сказал это еще до того, как попробовал блюдо.

Потом я поняла, он не знает, что мой отец — повар.

Этот уродец никак не мог *знать*, что мой отец готовил ему еду, если только он не бывал здесь раньше... или не узнал о нашем кафе заранее.

Я подумала, не спросить ли его, откуда он услышал о нас, но этот человек мне так не понравился, что я просто кивнула и вернулась на свое место в дальнем конце кафе.

Поглазев на меня еще немного, уродливый мужчина принялся поглощать свою еду.

И тут дверь кафе открылась, и вошел еще один мужчина.

Он был высокого роста, намного выше шести футов. Одет, в черное пальто и черную шляпу, поэтому трудно было разглядеть его черты, но короткая светлая борода и ледяные голубые глаза говорили о том, что он не итальянец. Однако он был *очень* красив.

Как раз в тот момент, когда я собиралась поприветствовать его, незнакомец повернулся к мужчине и достал пистолет.

Тот застыл с вилок, поднесенной ко рту. Затем он попытался достать что-то из кармана — вероятно, тоже пистолет, но его скорость была недостаточна.

БАХ-БАХ-БАХ!

Из пистолета светловолосого незнакомца вырвался огонь.

Тело уродливого мужчины трижды дернулось. Затем он завалился набок и упал со стула.

Я вскрикнула от ужаса, увидев, что кровь растеклась по каменному полу.

Блондин повернулся ко мне, и я почувствовала электрическую искру, когда его ледяные голубые глаза встретились с моими.

Я была уверена, что мне конец, и сейчас он направит на меня свой пистолет.

Но вместо этого красивый незнакомец убрал оружие и поспешно вышел из кафе.

Отец вбежал как раз в тот момент, когда входная дверь с грохотом захлопнулась.

— Алессандра, что случилось?! — закричал отец.

Я просто в шоке смотрела на труп.

Единственным мертвым человеком, которого я видела, была моя мама на ее похоронах...

И уж точно на моих глазах не убивали человека.

А ведь скоро я увижу еще много-много других. Мой отец, взглянув на мертвеца, вдруг испугался еще больше.

Позже я буду гадать, узнал ли он этого уродливого человека, хотя тогда, в состоянии шока, не задумывалась об этом.

— Ты видела, кто это сделал? — прошептал он.

Я беззвучно кивнула.

Он схватил меня за плечи и заставил посмотреть на него.

— Ты *никогда* и никому не должна говорить, как он выглядел, — хрипло проговорил он.
— Особенно полиции.

— Но...

— ОБЕЩАЙ мне.

Я пообещала ему.

Возможно, это было единственное, что спасло нас обоим жизнь.

Глава 3

Местная полиция прибыла почти сразу — но как только узнали о случившемся, вызвали Флоренса. Никто другой не мог расследовать столь дерзкое убийство.

Однако детектив, появившийся через два часа, выглядел скучающим. Возможно, он посчитал, что расследование убийства в глуши ниже его достоинства.

Он спросил меня, что произошло. Я рассказала ему все, но солгала, что видела человека в черном пальто и шляпе, но лица его не разглядела.

После того, как я закончила говорить, папа ободряюще улыбнулся мне.

Мне стало совестно из-за вранья, но я убедила себя, что важнее послушаться отца.

Детектив обыскал одежду убитого и нашел в кармане его пиджака пистолет.

Значит, он искал оружие, когда в него стрелял светловолосый незнакомец...

Детектив разрешил местной скорой помощи увезти тело. Затем он приказал отбуксировать машину мужчины во Флоренцию.

Когда все уехали, было уже почти одиннадцать часов вечера... А мне еще нужно было отмыть кровь с каменного пола.

— Я тебе помогу, — тихо сказал отец и пошел на кухню за ведрами и щетками.

Пока его не было, я услышала, как за моей спиной открылась дверь.

Я подумала, что это вернулся кто-то из полиции, и не испугалась.

Но как только я обернулась, мне *стало* страшно.

В дверном проеме стояли трое мужчин.

Все трое были сравнительно молоды, выглядя примерно лет на двадцать.

Все трое были одеты в дорогие костюмы и по-своему красивы.

Черты их лиц были достаточно похожи, чтобы показаться родственниками.

На этом сходство заканчивалось.

Слева стоял человек-гора — не менее двухсот сантиметров, или около шести с половиной футов по-американски. У него были широкие плечи и огромные мышцы под темным костюмом. Он напомнил мне циркового силача из старых черно-белых фильмов. Мужчина обладал густыми каштановыми волосами и аккуратно подстриженной бородой. Я подумала, что это *orso* (ит. — медведь). Несмотря на внушительные размеры, его теплые карие глаза светились добротой.

Справа стоял мужчина немного ниже, хотя его рост составлял не менее ста восьмидесяти сантиметров. Его темно-каштановые волосы слегка завились, на лице — легкая щетина, а одет он был в яркий синий костюм с шелковой рубашкой. Фигура была подтянутой и мускулистой.

Хотя он был не так велик, как Медведь, но выглядел более грозно. Его красивое лицо было разъяренным, как будто его кто-то оскорбил, и он хмурился так, будто хотел меня убить.

Я сразу подумала, что это Горячая Голова.

Но он не был самым страшным... или самым красивым.

Им являлся человек в центре.

Он был среднего роста — примерно метр восемьдесят четыре, но его плечи были почти такими же широкими, как у Медведя.

Его иссиня-черные волосы были зачесаны назад, а короткая черная бородка идеально подстрижена.

Модели могли позавидовать его скулам. А из-под нахмуренных бровей смотрели пронзительные черные глаза.

На нем был темно-синий костюм и светло-голубая рубашка, расстегнутая у горла. В верхней части его груди и на шее виднелись татуировки.

На вид он был самым старшим в группе, возможно, ему было около тридцати лет. Кроме потрясающей внешности, от него исходило ощущение власти. Двое других мужчин, похоже, подчинялись ему.

Медведь выглядел угрожающе из-за своих размеров...

Горячая Голова казался агрессивным из-за своей злости...

Но человек в центре был загадочен и спокоен... и это делало его еще более опасным.

Не говоря уже о том, что он смотрел на меня, как ястреб на крольчонка.

Я уставилась на него, слегка приоткрыв рот.

Потом он улыбнулся... чуть-чуть... слегка приподняв уголок рта...

И мое сердце заколотилось.

— Я так понимаю, сегодня ночью здесь что-то произошло, — произнес он глубоким хриплым голосом.

Я тяжело сглотнула и кивнула, не в силах ответить.

Мне казалось, что я тонула в его глазах — его голос заворожил меня еще больше.

Как раз в этот момент из кухни появился мой отец.

— Извините, мы...

Но слова замерли в его горле, когда он увидел этих мужчин.

Точнее, когда он увидел мужчину посередине.

Красивый незнакомец смотрел на него.

— Вы знаете, кто я?

— Конечно, Дон Розолини.

Как только папа произнес это имя, кровь застыла у меня в жилах.

Дон Розолини.

Il Mostro.

Монстр.

Розолини были *мафиозной семьей* и контролировали этот регион Тосканы уже более пятидесяти лет. Их дед приехал с Сицилии полвека назад, кровью и огнем утвердив свою власть.

Их фамилия внушала страх. Никто не переходил дорогу Розолини — *никто*.

А те, кто делали это, либо сожалели, либо исчезали без следа.

Главу семьи часто называли *Il Mostro* за его чудовищные акты насилия над своими врагами. Дон не трогал ни в чем не повинных местных жителей, находившихся под его защитой, но уничтожал других *мафиози*, осмелившихся посягнуть на его территорию.

Но имя *Il Mostro* всегда произносилось шепотом, как будто могло вызвать самого дьявола.

Конечно, мой отец выглядел испуганным. Он слегка вздрогнул, когда сказал:

— Я сожалею о вашем отце, упокой Господи его душу.

... *Вашем отце?*

Упокой Господи его душу?

Для меня это стало новостью.

— *Grazie*¹, — сказал таинственный человек. — Как вас зовут?

— Энцо Кальвано. Могу я предложить вам выпить, Дон Розолини?

— Единственное, что мне нужно, — это информация. Насколько я понимаю, сегодня ночью в вашем заведении был убит человек.

— Да, — сказал мой отец, указав жестом на засохшую лужу крови на полу.

— Вы видели убийцу?

— Нет, — сказал отец. — Я был на кухне.

¹ Ит. - спасибо

Дон Розолини обратил свои темные глаза на меня.

— А ваша... дочь видела его? Я полагаю, она ваша дочь?

— Да, — сказали сразу и отец, и я.

Мафиози улыбнулся, посмотрев мне в душу.

— А ты видела убийцу?

Прежде чем я успела ответить, отец поспешно перебил.

— Нет, она видела только человека в черном пальто и шляпе.

Горячая Голова впервые заговорил:

— Он спросил ЕЕ, старик, а не тебя...

Дон Розолини поднял руку, и Горячая Голова тут же замолчал.

Таинственный человек повернулся ко мне.

— Ну? Ты видела его или нет?

Я взглянула на отца.

— Не смотри на него. Смотри на меня, — приказал *мафиози*.

Я посмотрела в его глаза, которые, казалось, затягивали меня в свою глубину.

— И предупреждаю тебя, — продолжил он, — ты должна *всегда* говорить мне правду.

Потому что ты даже не представляешь, что я знаю. И если я поймаю тебя на лжи, последствия будут *очень* неприятными. Ты поняла?

Я тяжело сглотнула.

— Да.

— Ты видела убийцу?

— ... да.

— Как он выглядел?

— Он был высокий... блондин, с бородой... голубые глаза. Возможно, швед.

Я взглянула на отца, который выглядел ужасно испуганным. И подумала, правильно ли я поступила.

Когда Дон заговорил снова, его голос звучал тише.

— Почему ты солгала полиции?

— Откуда вы это знаете? — удивленно нахмурилась я.

Он улыбнулся, и от этой улыбки у меня по позвоночнику пробежали мурашки.

— У меня есть друзья в *Квестуре*.

Квестура — это полицейское управление, расположенное во Флоренции.

Значит, дьявол проник и в правоохранительные органы.

— Это моя вина, *синьор*, — умоляющим голосом произнес отец. — Она — мой единственный ребенок, и я не хотел, чтобы она оказалась втянута в эту... эту...

— Ситуацию? — закончил за него Дон Розолини.

— ... да.

Таинственный человек долго смотрел на моего отца, прежде чем заговорить.

— Понятно. Я уверен, что она — ваша самая дорогая собственность.

— Я никому не *принадлежу*, — огрызнулась я.

Это вызвало бурную реакцию.

Мой отец выглядел так, будто у него мог случиться сердечный приступ.

Медведь выглядел удивленным.

Горячая Голова разозлился еще больше.

А вот *мафиози* смотрел на меня с весельем.

— Конечно, нет, — сказал он своим глубоким хриплым голосом. — Я лишь хотел сказать, что твой отец дорожит тобой... и не должен больше лгать мне, пытаясь обеспечить твою безопасность. Вы согласны, *синьор*?

— Д-да, *господин*, — заикнувшись, сказал отец.

— Хорошо. Что жертва делала в вашем кафе?

Отец издал принужденный смешок, полный страха.

— Полагаю, то же самое, что и все остальные! Просто ел.

— Ваше кафе находится в стороне от проезжей части. Может, у него была другая причина?

— Нет! То есть... насколько я знаю, нет.

Внезапно я вспомнила странные слова этого уродливого человека:

«Передай своему отцу мои комплименты шеф-повару».

Я вспомнила и о своем подозрении, что этот урод знал моего отца.

Но побоялась сказать об этом.

Я также боялась снова солгать *мафиози*.

Но он ни о чем меня не спрашивал.

Так что, если бы я промолчала, то не солгала бы... Что я и сделала.

Незнакомец смотрел на моего отца так, словно пытался заглянуть ему в душу. С его пронзительными глазами я почти поверила, что ему это удалось.

— Позволь мне отвести его на задний двор, — вмешался Горячая Голова. — Я развяжу ему язык.

Дон поднял руку, и Горячая Голова продолжил кипятиться молча.

Но красивый незнакомец не сводил с отца глаз.

Наконец он сказал.

— Человек, который посетил ваше заведение сегодня ночью... тот, который умер вон там...

Он жестом указал на высохшую лужу крови.

— Мне сообщили, что он участвовал в заговоре против меня и моей семьи. Но я не знаю, в чем заключался этот заговор.

— Это ужасно, — серьезно сказал мой отец.

— Действительно. Если вы узнаете что-нибудь интересное, немедленно свяжитесь со мной. Массимо, дай этому человеку наш номер.

Медведь полез в костюм и достал визитную карточку. Она казалась до смешного маленькой в его огромных пальцах.

Значит, Медведя звали Массимо...

Отец взял визитку и кивнул.

— Конечно, господин.

— Я был бы очень признателен вам за содействие в этом деле.

— Безусловно, Дон Розолини.

— И пока я не буду уверен в вашем максимальном содействии... я заберу вашу дочь с собой в качестве залога.

Эти слова ошеломили меня — и в равной степени удивили моего отца.

Папа моргнул.

— Э-э... простите, *господин*?

— Ты что, оглох? — прорычал Горячая Голова.

Мафиози посмотрел на Горячую Голову.

— Адриано.

Значит, этого звали Адриано.

После односложной реплики Адриано замолчал.

Тогда Дон Розолини снова повернулся к моему отцу.

— Повторяю — я беру вашу дочь в залог, пока вы собираете для меня информацию.

— Что?! — возмущенно воскликнула я. — Нет!

Все четверо мужчин — мафиози, Массимо, Адриано и мой отец — удивленно посмотрели на меня.

Конечно, удивление отца было больше похоже на шок от ужаса.

Выражение лица мафиози было гораздо более забавным.

— Боюсь, что у тебя нет выбора, — сообщил он мне.

— Вот как? — огрызнулась я и повернулась, чтобы выйти из комнаты.

Но тут передо мной возник Медведь Массимо. Его скорость была удивительной для человека такого роста.

Он посмотрел на меня сверху вниз и легонько покачал головой, как бы говоря: «*Это не очень хорошая идея*».

Я отступила назад и не двигалась.

— *Господин...* пожалуйста, умоляю вас, только не моя дочь, — прошептал мой отец.

— Не волнуйся — о ней позаботятся. Ты сможешь вернуть ее, когда соберешь больше информации о твоём сегодняшнем посетителе.

— Но, сэр, я ничего не знаю...

— Вот поэтому я уверен, что ты выяснишь *что-нибудь* для меня. — Дон повернулся к Массимо. — Отведи ее, пусть соберет вещи.

— Сэр, — сказал мой отец, резко шагнув вперед, что, как я полагаю, выглядело немного угрожающе.

Потому что Адриано бросился вперед, схватил отца за воротник и толкнул его назад.

— НЕТ! — закричала я.

Главный мафиози наклонил голову в сторону, и Адриано ослабил хватку.

— Дон Розолини... — шептал отец, — Алессандра — хорошая девушка... она ходит на мессу каждое воскресенье... она девственница, господин...

Мое лицо покраснело.

Я была девственницей, это было правдой — из-за моих религиозных убеждений.

... но отчасти и из-за отсутствия возможностей в маленькой деревушке, где я жила.

Слышать, как отец произнес это вслух, было ужасно.

Красавец-мафиози впери в меня такой взгляд, словно собирался сорвать с меня платье.

— Интересная информация, конечно, но какое отношение она имеет ко мне?

— Сэр, ваша репутация опережает вас, — прошептал мой отец. — Вы мирской человек... и берете, что хотите. Моя дочь невинна...

Мафиози говорил с моим отцом, а сам медленно шел ко *мне*.

— Вы хотите сказать, что я могу воспользоваться вашей дочерью?

Я почувствовала страх при этих словах — но еще жарче пылало мое лицо.

Ужас от того, что этот незнакомец и мой отец обсуждали меня таким образом, был слишком силен.

И все же, посмотрев в завораживающие глаза незнакомца, я почувствовала, как между ног у меня разгорелся жар иного рода.

— Я... — сказал отец и остановился. Он явно боялся обидеть *Il Mostro*.

— Я даю вам слово, — сказал мафиози, остановившись в нескольких сантиметрах от меня. — Я не буду лишать девственности вашу дочь...

Улыбка, которой он одарил меня, была одновременно соблазнительной и ужасно жестокой.

— ... пока она сама не попросит меня об этом.

Мой отец не знал, что на это ответить. Он ошеломленно молчал.

Я же, напротив, знала.

— Я не *шлюха*, чтобы быть предметом торга, — прорычала я.

Мафиози молниеносно прижался к моему телу и вцепился в волосы на затылке.

Он откинул мою голову назад так, чтобы я смотрела на него снизу.

Я чувствовала, как он прижимался ко мне — его мускулы под костюмом прижимались к моему мягкому телу.

Я была в ужасе.

И в то же время вождеделение охватило меня, как огонь.

Кроме отца, я никогда в жизни не находилась так близко к мужчине.

И уж точно не с самым привлекательным и сильным мужчиной, которого когда-либо видала.

Мое сердце колотилось в груди одновременно от страха и волнения.

Он так крепко прижался ко мне, что явно чувствовал мое сердцебиение.

Затем наклонился, чтобы прошептать что-то мне на ухо.

Я ощутила запах его одеколона — тонкий, дорогой и очень мужественный.

Его губы коснулись моего уха, и мои глаза прикрылись в дымке желания.

— Ты *будешь* моей шлюхой, — прошептал он. — Но *только* моей... и ничьей больше.

Затем он отпустил мои волосы и отстранился от меня.

Я была в ярости...

Мне было страшно...

И в то же время во мне бушевало нечто более сильное, чем все, что я когда-нибудь чувствовала раньше.

— Массимо, отведи ее за вещами, пока я поговорю с ее отцом, — сказал незнакомец.

Массимо сделал жест головой, пригласив меня двигаться.

Я посмотрела на отца.

Он взглянул на Дона Розолини... потом снова на меня и кивнул.

Я сердито направилась в свою комнату наверху, а Медведь последовал за мной.

Глава 4

Массимо стоял на страже, пока я вытаскивала из гардероба несколько платьев и пеньюар. Когда пришло время доставать бюстгалтеры и трусы, я прочистила горло.

— Не могли бы вы?..

— О, — сказал он голосом, еще более низким, чем у его босса. Затем почти в смущении отвел взгляд в сторону.

— Конечно.

Я собрала вещи из комода и завернула их в свои платья.

— Готово.

Он посмотрел на мою связку одежды и нахмурился.

— А чемодана у тебя нет?

— Нет.

Он выглядел озадаченным.

Я пожала плечами.

— Я никогда раньше не уезжала из дома, так что в этом не было необходимости.

Он поднял брови и наклонил голову, как бы говоря, «Логично».

Затем пошел обратно в кафе...

Но я стояла на месте, в тревоге ожидая, что ждет меня внизу.

Массимо понял, что я не последовала за ним, и оглянулся.

Вместо того, чтобы проявить нетерпение, он мягко улыбнулся.

— С тобой ничего не случится. Когда мой брат дает слово, он никогда его не нарушает.

Я в шоке посмотрела на него.

— Он твой брат?!

— И Адриано тоже. Нас шестеро.

Я поняла, что это не должно было меня так удивить. В Cosa Nostra были отцы, сыновья, братья, дяди, двоюродные братья...

Не было никаких причин, чтобы все они не были вовлечены в семейный бизнес.

А семейный бизнес — это преступность... и убийства.

Я покачала головой.

— Я беспокоюсь не столько о себе, а о том, что будет с моим отцом.

— Если он не участвовал в заговоре, за который застрелили *stronzo* (ит. — мерзавец), то твоему отцу нечего бояться.

Я вспомнила слова убитого: «Передай своему отцу мои комплименты шеф-повару» — и подумала, стоило ли мне беспокоиться.

— Ваш брат — судья, присяжный и палач, верно? — спросила я.

Массимо пожал плечами.

— Наверное, не палач.

От этих слов у меня по сердцу пробежал холодок, но я заставила себя продолжить не с ужасом, а с гневом.

— Я не хочу, чтобы он принимал скоропалительные решения на основании слухов или сплетен.

Массимо улыбнулся мне почти доброй улыбкой.

— Он самый уравновешенный человек из всех, кого я встречал. Как я уже сказал, твоему отцу нечего бояться... если он невиновен.

Я еще секунду смотрела на Массимо, потом взяла себя в руки и пошла мимо него вниз по лестнице.

Когда я вернулась в кафе, мой отец сидел на стуле. Вид у него был испуганный. Неудивительно, ведь Адриано стоял за его спиной, как мрачный жнец.

Дон Розолини посмотрел на сверток с одеждой в моих руках и поднял одну бровь.

— У нее нет сумки?

— Она никуда не уезжала из дома, — пояснил Массимо.

— Это все, что тебе нужно? — спросил меня незнакомец.

— Мне нужно еще кое-что, прежде чем мы уйдем, — сказала я.

— Тогда иди и возьми.

— Это не вещь. Мне нужно *обещание*, что ты не тронешь моего отца, — выпалила я, сама удивившись своей смелости.

Для Горячей Головы это было слишком.

— Ты не в том положении, чтобы *что-то* требовать! — огрызнулся Адриано.

Красивый мафиози поднял руку, и Адриано снова замолчал.

Это было удивительно — они могли быть братьями, но это было похоже на то, как хозяин успокаивал свою собаку.

— Я уже сказал ей, что если ее отец не присоединился к заговору против тебя, то он будет в безопасности, — объяснил Массимо.

Мафиози посмотрел на меня.

— Я сделаю еще один шаг тебе навстречу. Обещаю, что твой отец будет в безопасности, даже если он вступил в заговор против меня... если только он раскается в своей ошибке и расскажет мне *все*, что знает. И если ты пойдешь со мной добровольно. Договорились?

Я тяжело сглотнула.

— ... да.

И взглянула на отца.

Он выглядел испуганным, но молчал.

Я не знала, нужно ли мне рассказать о том, что сказал мне этот уродливый человек.

Но потом вспомнила, что эти люди состоят в Cosa Nostra.

Я не собиралась рисковать жизнью отца из-за пустых обещаний убийц.

— Ничего? — обратился мафиози к отцу, затем снова повернулся ко мне. — Возможно, ему нужно еще немного времени на размышления. Ты готова?

Я наклонилась и поцеловала отца в щеку. Он схватился за мою руку.

— Все будет хорошо, — прошептал папа. Он слабо улыбнулся, словно пытался убедить меня в том, во что сам не верил.

Я кивнула и постаралась быть храброй. Затем снова повернулась к мафиози.

— Я готова, Дон Розолини.

Красавец-мужчина одарил меня дьявольской улыбкой, которая была одновременно и соблазнительной, и пугающей.

— Мой отец был Дон Розолини, — сказал он. — Можешь называть меня Дарио.

Глава 5

Дарио

Первым, что я увидел, войдя в кафе, была она.

Длинные каштановые волосы, волнами рассыпающиеся по спине... простое белое платье...

Карие глаза, в которых отражалась душа, на самом невинном лице.

Я просидел в тюрьме четыре года, и всего семь дней, как вышел на свободу.

После моего возвращения братья пытались свести меня с разными дорогостоящими эскортницами.

Но я сопротивлялся.

И говорил им, что это слишком опасно. Что наши враги попытаются добраться до меня через женщину.

Но все это было удобным оправданием.

На самом деле я не знал, *чего* ждал.

Но теперь понял.

Я впился в нее взглядом, вобрав в себя каждый сантиметр.

Под скромным платьем у нее была небольшая, но упругая и красивой формы грудь.

Обладая тонкой талией, девушка не была совсем уж худой, а скорее фигуристой, как мне нравилось. Я хотел, чтобы в моей постели обнаженная женщина была *женщиной*, а не палкой.

Внезапно мне захотелось сорвать с нее одежду и взять ее.

Но меня завораживала ее невинность...

Эти глаза, в которых отражалось все, о чем она думала и что чувствовала.

Едва увидев ее, я понял, что она должна быть моей.

Она боялась меня — это было очевидно.

Но в то же время она была удивительно смелой, готовой высказать свое мнение.

Как, например, когда она заявила: *«Я никому не принадлежу»*.

Мне это понравилось.

Очень понравилось.

Если бы она была маленькой церковной мышкой, я бы потерял к ней интерес.

Но она скорее похожа на дикую лошадь, которая так и просится, чтобы ее усамирили.

Лишь в один момент я потерял контроль над собой, да и то лишь слегка...

Когда она гневно заявила: *«Я не шлюха, чтобы быть предметом торга»*.

Ее гнев скрывал страх, который я чувствовал под этой бравадой...

Но еще отчетливее я ощутил ее желание.

Она излучала его, как тепло.

И моя потребность ответила ей тем же.

Я подошел к ней, схватил за волосы и заставил откинуть голову назад, чтобы она посмотрела на меня.

Я увидел ужас в ее глазах.

Но и желание.

Желание принадлежать.

Хорошая маленькая католичка, которая и пальцем не пошевелит, чтобы согрешить...

Но которая не возражала бы, если бы за нее грешил плохой мужчина.

Я наклонился и прошептал ей на ухо так, чтобы остальные не услышали.

Просто кое-что для нее, и ни для кого больше — для нас двоих.

Предвкушение того, что ждало нас впереди.

Ее волосы слабо пахли розами, и я захотел ее еще сильнее.

— Ты *будешь* моей шлюхой, — прошептал я. — Но только моей... и ничьей больше.

Затем отпустил ее.

Ее взгляд, полный шока и желания, был бесценен.

Часть меня хотела изнасиловать ее прямо здесь — положив на спину на стол и трахать, как животное.

После четырех лет тюрьмы, в течение которых я ни разу не прикоснулся к женщине... и вдруг встретил самую манящую красавицу, которую я когда-либо видел в своей жизни...

Это было трудно, но я контролировал себя.

Сейчас ее отец имел стратегическое значение для семьи.

А семья была на первом месте.

Мне было необходимо узнать, что мог сообщить ее отец. Нужно было выяснить, *почему* мой враг был в его кафе в тот вечер.

Именно поэтому я дал обещание не лишать ее девственности.

Чтобы завоевать *его* доверие... и ее.

Конечно, я вставил фразу про «пока она меня не попросит», потому что это меня позабавило...

А также я дал старику понять, что его дочь в опасности, если он не будет сотрудничать.

И потому, что я хотел, чтобы она понимала, что именно произойдет между нами.

Я вспомнил старую фразу из фильма. Один генерал говорил о том, что покорить Древний Рим можно, завоевав любовь народа, а не угрожая ему своей армией.

Я НЕ уничтожу Рим, пока буду его завоевывать.

Именно так я относился к этой девушке.

Я мог бы легко взять ее... одолеть физически...

Но мне нужно было не только ее тело.

Мне нужна была ее *душа*.

Я хотел, чтобы она стонала — не от страха и боли, а от желания.

Хотел сломать ее...

Почувствовать, как ее невинность превратится в похоть, когда я заставлю ее кончать снова и снова.

Я знал, что мои братья не одобряют этого. Никколо, в частности, стал бы разглагольствовать о том, что я позволил своему члену руководить мной.

Но на самом деле она была ценна как предмет торга.

Я мог бы легко убедить старика раскрыть все свои секреты, заставив Адриано или Массимо пытаться его дочь у него на глазах...

Но я бы скорее уничтожил *Мону Лизу*.

Поэтому я решил украсть *Мону Лизу* и забрать ее с собой.

Глава 6

Алессандра

Моим отцом был Дон Розолини.

Ты можешь называть меня Дарио.

Его слова эхом отдавались в моей голове, когда мы выходили из кафе.

Для меня он все еще был *Il Mostro*... монстром Тосканы...

Но, может быть, это был его отец?

Может быть, сын был не так плох...

Потом я напредила себе, что он был *мафиози* и возглавил семью после смерти отца.

Каким бы он ни был, Дарио все равно оставался преступником и бандитом.

Если бы только он не был таким красавцем...

С такими завораживающими глазами...

Мы вышли на холодный ночной воздух. В мае в Тоскане днем теплый, но ночью может быть холодно.

Я прижимала одежду к груди, не желая, чтобы Дарио увидел мои соски под платьем.

По правде говоря, я не была уверена, что они были твердыми не только из-за холодного воздуха.

Молча укорила себя за слабость и добавила еще одну вещь в список грехов, с которым мне придется поделиться со священником на исповеди.

... хотя я бы опустила *подробности* того, что взгляд Дарио делал с моим телом.

Мужчины подвели меня к красивому черному седану мерседес, припаркованному на гравии у кафе. Адриано сел на водительское место, Массимо — на переднее пассажирское, а Дарио открыл для меня заднюю дверь.

— Какой джентльмен, — съязвила я.

Он только ухмыльнулся.

Устроившись на кожаном сиденье, поразилаcь тому, насколько оно мягкое и роскошное. Никогда раньше я не чувствовала ничего такого греховно приятного.

Дарио закрыл дверь, затем обошел машину с другой стороны и сел рядом со мной.

Адриано завел двигатель, звук которого больше походил на мурлыканье, чем на рев, и вывел машину на дорогу.

— Твой телефон, — сказал Дарио, протянув руку.

— Что?

— Твой мобильный телефон. Отдай его мне.

— Зачем?

— Я не могу позволить тебе общаться со всеми, с кем ты захочешь, не так ли?

Я хмыкнула и отдала свой телефон, который спрятала в собранной одежде.

Это была моя единственная роскошь — единственная вещь, связывающая меня с внешним миром.

Адриано наблюдал через зеркало заднего вида, как Дарио выключил телефон.

— Сколько лет этой штуке?! Когда ты его купила, десять лет назад?

— Я не так обеспечена, как некоторые маленькие богатые мальчики в этой машине, — огрызнулась я.

Адриано покраснел от гнева. Я испугалась, что моя вспыльчивость дорого мне обойдется. Пока Массимо не фыркнул от удовольствия.

Я взглянула на Дарио, когда он убирал телефон в карман. Он тоже сдерживал улыбку.

Адриано что-то пробурчал себе под нос, но снова уставился на дорогу.

Мы ехали полчаса. Говорили очень мало. Дарио и остальные не делали попыток завязать светскую беседу, а я довольствовалась тем, что смотрела в окно на лунный свет, освещающий сельскую местность Тосканы.

Уже далеко за полночь мы свернули с небольшой двухполосной дороги на асфальтированную. Несколько минут мы ехали сквозь ряды кедров, затем оказались у стены высотой в десять футов с массивными железными воротами. Видимо, там находилась камера или какой-то датчик, потому что ворота медленно открылись, и «мерседес» проехал внутрь.

Еще несколько минут мы ехали мимо великолепных виноградников и фруктовых садов. Постепенно дорога пошла под уклон, и наконец мы оставили зелень позади, выехав на открытое пространство, и тут я задохнулась от удивления.

На вершине холма стоял огромный трехэтажный особняк, в котором было два больших крыла. Его крыша, покрытая шифером, блестела под луной, а из примерно четверти огромных окон лился теплый желтый свет.

Дом был похож на дворец из сказки... хотя я сомневалась, что она будет со счастливым концом.

Мерседес заехал на круговую дорожку перед особняком, где нас ждали четверо мужчин в черной одежде. Они открыли двери нашей машины и пробормотали что-то вроде «*Padrone*» (*ит. – господин*) и «*Дон Розолини*», когда мы вышли из нее. Дарио похлопал одного из них по плечу и кивнул остальным, когда мы проходили мимо.

На мгновение я подумала, что, возможно, это другие братья, но они остались позади, пока мы вчетвером поднимались по величественным мраморным ступеням к паре бронзовых дверей в передней части особняка.

Одна из дверей распахнулась, открыв огромный холл, украшенный хрустальными люстрами.

В дверном проеме появился красивый мужчина в белой рубашке. По цвету кожи и росту он был ближе к Дарио и Адриано, хотя и чисто выбрит. Его глаза озорно блестели, пока он разглядывал меня с ног до головы.

— А, так хозяин и его полезные идиоты вернулись с заложницей! — сказал он шутливым голосом. — По крайней мере, она красавица — спасибо небесам за маленькие радости.

Он взял мою руку в свою и поцеловал ее.

Он был очарователен, надо отдать ему должное.

— Никколо Розолини к вашим услугам, *bella* (*ит. – красавица*). Я приготовил для тебя комнату наверху. Филомена проводит и покажет твои покои. Пожалуйста, разложи свои вещи и освежись, а когда будешь готова, присоединяйся к нам внизу.

Он жестом указал на высокую пожилую женщину у подножия великолепной лестницы. У нее были седые волосы и морщинистое, как грецкий орех, лицо, но она стояла прямо в своем черном платье прислуги. И с добротой улыбалась мне.

— Следуй за мной, дитя, — сказала она с сицилийским акцентом и повела меня вверх по лестнице.

Я оглянулась, чтобы посмотреть, куда ушли остальные.

Адриано и Массимо уже входили в гостиную, расположенную в стороне от главного холла.

Дарио смотрел на меня голодными глазами, пока я поднималась по ступенькам...

... а Никколо махнул мне рукой.

— Кыш, кыш! У нас есть к тебе вопросы, так что не мешкай!

Я повернулась и последовала за старой сицилийкой.

Мне стало интересно, когда Никколо узнал обо мне. В конце концов я решила, что Дарио позвонил, пока я собирала свои вещи в спальне.

Филомена повела меня по длинному коридору на третьем этаже, мимо картин, которые выглядели так, будто им место в музее эпохи Возрождения. Вообще, весь дом напоминал музей, так много здесь было предметов искусства.

Наконец мы дошли до комнаты с деревянными дверями, и Филомена открыла их.

Внутри оказалась самая роскошная спальня, которую я когда-нибудь видела. На огромной кровати с балдахином лежало покрывало чистого белого цвета, которое было откинута, чтобы продемонстрировать шелковые простыни и полдюжины подушек. В комнате было много картин и старинный камин.

Стеклянные двери выходили на небольшой балкон. Сквозь стекло виднелась огромная лужайка и красивый бассейн, сверкающий в лунном свете.

Я с изумлением смотрела на все вокруг. Комната была в десять раз больше и намного красивее, чем моя спальня дома.

— Вот ванная, — сказала женщина, направив меня к двери, ведущей из главной комнаты. — Туалетные принадлежности для тебя на стойке.

Она включила свет, и я увидела современную мраморную столешницу со сверкающими золотыми кранами. Новая зубная щетка лежала в коробке рядом с нераспечатанным тюбиком зубной пасты.

Когда я заглянула в комнату, то увидела огромную ванну с двойным душевым комплектом на потолке.

Мне показалось, что я умерла и попала в рай.

— Я буду ждать тебя в коридоре, — сказала женщина и собралась уходить.

— О, я смогу найти дорогу обратно, — сказала я.

Она улыбнулась.

— Я буду ждать тебя в холле. Приказ Дона Розолини.

Затем она вышла и закрыла дверь.

Я положила нижнее белье в комод, затем повесила оставшуюся одежду в красивый платяной шкаф из красного дерева.

Затем быстро сходил в ванную, вымыла руки и лицо и уставилась на себя в зеркало.

Без макияжа, с растрепанными волосами...

Я выглядела неважно.

Поэтому попыталась привести себя в более презентабельный вид, но вспомнила, для кого я это делала. Для кучки бандитов и убийц, вот для кого.

Надо было постараться стать еще *уродливее*, чтобы они меня не трогали...

Хотя, когда я вспомнила, как Дарио схватил меня за волосы в кафе, все мое тело вспыхнуло жаром.

Я быстро выбросила эту мысль из головы и вышла обратно в коридор.

Филомена ждала меня.

— Я готова, — сказала я.

Она улыбнулась.

— Ты такая красивая.

— Спасибо, — сказала, покраснев.

— Не хочешь ли послушать совета старой женщины?

— Конечно.

— Дон Розолини только что вернулся домой после четырехлетнего заключения. Насколько мне известно, с момента приезда в поместье у него не было ни одной женщины. — Она строго посмотрела на меня. — *Никогда* не оставайся с ним наедине в одной комнате. Это все, что я могу сказать.

Ее слова пробрали меня до костей...

Но в то же время от них мне стало странно тепло.

Я подумала о том, что Дарио уже четыре года не прикасался к женщинам...

А потом я вспомнила его тело, прижавшееся к моему, там, в кафе, и задалась мыслью — что в порыве похоти может сделать такой грубый человек, столь долго лишенный женских ласк...

Я тяжело сглотнула и кивнула в знак того, что поняла предупреждение.

— Следуй за мной, — сказала Филомена. — Я отведу тебя обратно к Розолини.

Мы прошли по коридору и спустились по лестнице в холл.

За закрытыми деревянными дверями гостиной слышались голоса. Один из них звучал раздраженно, почти на грани крика.

Затем Филомена дважды постучала.

— Войдите, — раздался приглушенный голос.

Она открыла мне дверь и улыбнулась — хотя в ее глазах было что-то такое, что заставило меня насторожиться.

— Все будет хорошо, — сказала она тихим голосом. — Увидимся завтра утром.

Я кивнула, затем осторожно вошла в комнату.

И столкнулась лицом к лицу с белокурым убийцей из кафе.

Глава 7

Я вскрикнула и попыталась отпрянуть от убийцы, но дверь уже закрылась за мной.

Прижавшись к двери, в ужасе уставилась на него.

Но он лишь смотрел на меня своими голубыми глазами и весело улыбался.

Никколо крикнул с расстояния двадцати футов.

— Ларс, ради Бога, отойди от нее! Ты пугаешь бедняжку до смерти!

— Я не собираюсь причинять тебе вреда, — сказал он мне глубоким, мягким голосом.

— Я сказал, отойди от нее, а не *разговаривай* с ней! — крикнул Никколо.

Блондин еще раз улыбнулся мне, затем прошел через комнату.

— Это обязательно должно произойти *сейчас*? — сердито спросил Адриано.

— Она будет здесь в обозримом будущем, — сказал Никколо, — и мы не можем держать Ларса в подвале, не так ли? Лучше как можно скорее вывести все на чистую воду.

Никколо подошел и взял меня за руку, затем подвел к мягкому кожаному креслу и мягко заставил сесть.

— Не волнуйся, Ларс — плюшевый мишка... если только ты не пойдешь против семьи, в этом случае тебе *стоит* опасаться. Вот, выпей, — сказал Никколо, налив светло-коричневую жидкость в стакан, стоящий на столе рядом со мной. — Тебе не мешает что-нибудь, чтобы кровь вернулась к твоим щекам.

Я огляделась по сторонам, испугавшись до безумия, поскольку находилась в каком-то салоне с кожаными креслами, темными деревянными панелями и тусклым освещением. В воздухе витал слабый аромат сигарного дыма. Все было очень по-мужски, как в частном клубе при доме.

Ларс подошел к Адриано и Массимо. Они стояли в стороне с напитками в руках.

— Это та девушка, которую ты видел? — спросил Адриано.

— Если бы это *была* не она, я не думаю, что она чуть *не упала бы в обморок*, когда увидела его! — крикнул Никколо через плечо.

Ларс только кивнул Адриано, мол, *это она*.

Дарио сидел в дальнем конце салона в кожаном кресле с высокой спинкой за массивным письменным столом. Он выглядел как император на своем троне.

В комнате находились еще двое мужчин, которых я раньше не видела.

Один из них был очень похож на Никколо, но с зачесанными назад волосами и мрачным выражением лица. Он был единственным человеком в комнате, одетым в костюм-тройку с галстуком.

Последний, самый молодой из всех, прислонился к стене. Он был очень красив, с чувственными губами, небольшой небритостью и копной неухоженных волос. Он мог бы стать всемирно известной поп-звездой или киноактером, настолько он был великолепен. Поймав мой взгляд, он улыбнулся и подмигнул.

Я смущенно отвернулась.

— Пей, пей, — сказал Никколо, протянув мне бокал.

— Нет, спасибо, — пробормотала, посмотрев на Ларса, и во мне окончательно поселилась паника.

Неужели они привели меня сюда, чтобы убить — как Ларс убил того человека в кафе?

Но... зачем?

— Это всего лишь бренди — пей! — приказал Никколо.

— Она, наверное, думает, что вы его отравили, — сказал мрачный человек в костюме-тройке.

— Не *говори* так, Роберто, ты подкидываешь ей в голову ненужные мысли — *Madonn*, — ругался Никколо, всеу произнося имя Девы Марии: *Ma-Donn*, сокращенно от *Madonn*. Он одним глотком выпил половину коньяка и поставил бокал рядом со мной. — Видишь? Никакого яда, только бренди! И теперь мои микробы, да, но алкоголь все это убьет. Пей, ради Бога!

Сделала глоток, в основном для того, чтобы успокоить его, и он отстал от меня, и закашлялась, когда жидкость обожгла мне горло.

— Ты в порядке?! — встревоженно спросил Никколо.

— У меня такое ощущение, что она никогда раньше не пила спиртного, — сказал Массимо.

— Это не скотч и не виски, это *бренди*! — воскликнул Никколо.

Великан пожал плечами.

— Она довольно невинна.

Никколо посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты уже пила бренди?

Я отрицательно покачала головой, закашлявшись еще больше.

— *Madonn*, — снова выругался он. — Сама невинность.

— И при этом красивая, — ухмыльнулся кинозвезда, прислонившись к стене.

— Руки прочь, Валентино! — пригрозил ему Никколо. — Занимайся тем, что трахай прислугу!

— Я не собирался ее трогать, — запротестовал Валентино.

— Ты трогаешь *все*, что имеет киску, — огрызнулся Никколо, а затем снова повернулся ко мне. — Простите за мой французский.

— Не «все», — сказал Валентино. — Она должна, по крайней мере, хорошо выглядеть.

— О, так у тебя есть стандарты — замечательно, — усмехнулся Никколо.

Впервые с тех пор, как я вошла в комнату, Дарио заговорил.

— Алессандра — наша гостя, — сказал он своим глубоким, хриплым голосом. — Никто не должен к ней прикасаться. Понятно?

— Я не хотел показаться неуважительным, — мрачно пробубнил Валентино, обратившись к Дарио.

— Не говори этого *мне* — скажи это *ей*.

Великолепный молодой человек посмотрел на меня настороженными глазами.

— Простите, *синьорина*. Я не хотел вас обидеть.

Я только молча кивнула.

— Прекрасно, все поцеловались и помирились, — сказал Никколо, а затем начал кричать на Дарио. — О чем ты, черт возьми, думал?!

Никколо, безусловно, был самым театральным и громким человеком в комнате. И он являлся единственным, кто, похоже, был готов выступить против Дарио. Все остальные оказывали Дону мафии почтение, но только не Никколо.

Это было бы забавно, если бы они не были бандой головорезов и убийц.

Дарио ответил слегка насмешливым тоном.

— Ее отсутствие развяжет язык ее отцу — или вы не согласны, *консильери* (ит. consigliere — советник)?

Так называли правую руку Дона, самого доверенного советника крестного отца.

Так что Никколо был не только братом Дарио... но и консильери Дона, вторым по влиянию человеком в комнате.

Неудивительно, что он шутил и кричал, а остальные молчали.

— Ты мог бы сделать это, не приводя ее *сюда*! — возмущался Никколо. — Ты что, забыл, чем занимаешься?! Несколько угроз вполне бы сработали!

Затем Никколо поспешно обернулся ко мне и сказал успокаивающим голосом.

— Не то, чтобы мы обязательно выполнили бы эти угрозы, заметьте.

Слово «обязательно» было единственным, которое выделялось.

Я слишком хорошо понимала, что речь шла об угрозе.

Но, несмотря на опасность, которой подвергалась, я оглядела комнату и не могла не представить себе Семь Гномов из *Белоснежки*.

Однако вместо Ворчуна, Дока, Башу и Дурня все выглядело примерно так:

Адриано — Горячая голова.

Массимо — Медведь.

Ларс — Блондин.

Роберто был банкиром. Я, честно говоря, ожидала, что он будет работать в финансовой сфере, а не в мафии.

Валентино был ловеласом, дамским угодником.

Никколо был трикстером².

Но Дарио оставался *Il Mostro*.

Каждый раз, когда я бросала на него взгляд и видела, что он наблюдает за мной, как хищник за своей жертвой, у меня по позвоночнику пробегал холодок.

Я вспомнила о предупреждении Филомены:

«Дон Розолини только что вернулся домой после четырехлетнего заключения... С тех пор, как он приехал, в его поместье не было ни одной женщины... Никогда не оставайся с ним в комнате наедине».

По тому, как Дарио смотрел на меня, я слишком хорошо поняла, что она имела в виду.

Внезапно Никколо опустился на кожаное сиденье напротив меня. Он тепло улыбнулся.

— Ну, *bella*, ты, конечно, неплохо провела вечер, не так ли? Выпей еще глоток своего бренди.

Я подавилась еще одним глотком. Не хотелось нарываться на конфликт с консьюери.

— Итак... этот парень, которого Ларс так внезапно отправил в отставку... — Никколо бросил на блондина строгий взгляд, словно тот был очень непослушным мальчиком, затем снова обратился ко мне. — Ты видела его раньше в вашем кафе?

— Нет.

— Подумай хорошенько. Ты уверена, что никогда не видела его раньше?

— Уверена.

— Как ты думаешь, твой отец мог быть с ним знаком?

Я подумала об этом уродливом человеке и его последних словах, обращенных ко мне:

«Передай своему отцу привет шеф-повару».

Во мне мелькнул страх, и он не остался незамеченным.

Никколо наклонился вперед. В его манере поведения было что-то такое, что напомнило мне змею, следящую за птенцом.

— Что это было?

— Что — это?

— Это небольшое подергивание, — проговорил он, указав жестом на мое лицо. — Ты только что о чем-то подумала. Что это было?

² Плут, ловкач, обманщик

Возможно, это коньяк придал мне смелости...

А может быть, я просто устала от того, что мной весь вечер помыкали.

В любом случае, я ответила:

— Я удивилась, что за мужчина пристаёт с расспросами к женщине, у которой на глазах недавно совершили *убийство*, и человек, сделавший это, сейчас с ней в одной комнате.

Валентино захихикал у стены.

Но Никколо... Никколо одарил меня холодной улыбкой, которая не достигла его глаз.

— Ты лжешь мне, *bella*, — тихо сказал он. — Было бы очень хорошо, если бы ты сказала мне правду.

Когда он пристально посмотрел мне в глаза, я вдруг поняла, что смех, крики, обаяние — это все фасад.

Никколо прикидывался дурачком, но это было лишь для того, чтобы пробраться сквозь твою защиту...

Достаточно близко, чтобы вонзить в тебя кинжал.

Меня испугала перемена в его настроении, но я постаралась скрыть это, напустив на себя побольше серьезности.

— Я хочу лечь в постель. Или ты собираешься меня остановить?

— Здесь никто не будет мешать тебе, Алессандра, делать *что угодно*, — промурлыкал Никколо. — Кроме как покинуть поместье. *Это* карается...

Внезапно голос Дарио прервался из глубины комнаты.

— Никколо.

Это было предупреждение.

Приказ отступить.

Потому что я знала, что было бы следующим словом:

Карается смертью.

В глазах Никколо мелькнул гнев... а потом он снова стал прежним обаятельным человеком.

— Конечно, конечно, — сказал он, откинувшись в кресле. — Ты, наверное, очень устала, *bella*, тебе нужно пойти поспать. Мы сможем продолжить наш разговор утром.

Я кивнула и неуверенно поднялась на ноги.

— Массимо, проводи ее в комнату, — приказал Дарио.

— Я сама могу найти дорогу назад, — запротестовала я.

— Знаю, что можешь. В любом случае, он пойдет с тобой.

Я уставилась на Дарио, но он лишь спокойно смотрел на меня своими завораживающими глазами.

Мне было трудно отвести взгляд, но в конце концов я это сделала.

Другие глаза в комнате были не такими манящими.

А некоторые из них были гораздо более угрожающими.

Адриано с его гневом...

Ларс с его спокойным весельем...

Роберто с его расчетливым взглядом...

Валентино с его соблазнительной улыбкой...

И Никколо с его пронзительным взором, который просеивал мою ложь, как пшеницу.

— ... хорошо, — сказала я, желая поскорее уйти оттуда.

Когда я встала, чтобы удалиться, Массимо подошел и проводил меня в комнату.

— *Sogni d'oro*, — сказал Никколо с ноткой насмешки в голосе.

«Сладких снов». Буквально, «золотых снов».

Меня держали здесь против моей воли, в доме, полном мафиозных бандитов?

Я была уверена, что мои сны будут совсем не такими.

Поэтому как можно быстрее вышла из комнаты, и Массимо последовал за мной по лестнице.

Когда я добралась до своей комнаты, он остановился на пороге.

— Приятных снов, — сказал он и закрыл дверь.

Я услышала *щелчок*.

Когда он ушел, я попробовала ручку двери...

... и обнаружила, что заперта.

Я легла в постель, но заснуть смогла только через много часов.

Потому что, хотя я и была заперта...

... *они* не были заперты.

Глава 8

На следующее утро я проснулась рано — не потому, что в комнату заглянуло солнце, а по привычке.

Я работала в кафе отца шесть дней в неделю, и только в воскресенье утром из-за мессы у меня была возможность поспать подольше, поэтому я просыпалась в одно и то же время. Это не зависело от того, когда я легла и сколько спала.

Но я должна была признать, что кровать была мечтой... как будто плывешь на облаке.

Я перевернулась на бок и впервые за много лет подумала о том, чтобы еще поспать...

И тут я увидела это.

На стуле возле двери висело чужое платье.

Платье, которое, должно быть, *кто-то повесил туда, пока я спала*.

Я села в постели, резко очнувшись ото сна, как будто меня облили ледяной водой.

Представила, как Дарио стоял надо мной и смотрел, как я спала, и задрожала от страха...

Хотя что-то в этой фантазии заставляло меня краснеть.

На мне был только пеньюар, и одна из бретелек свалилась с плеча.

Что он увидел?

... И что бы он мог сделать, если бы не дал обещание отцу вчера вечером?

Я снова слышала его голос в своем сознании:

«Я даю тебе слово, что не лишу девственности твою дочь... пока она сама не попросит меня об этом».

Потом я вспомнила еще кое-что, сказанное им мне на ухо так, чтобы слышала только я:

«Ты БУДЕШЬ моей шлюхой. Но только моей... и ни чьей больше».

Я задрожала — и не только от страха.

Признаться, во мне было какое-то греховное желание, но я никогда не стала бы *умолять* его об *этом*.

Если он сдержит свое слово, то я буду в безопасности.

... *если* он сдержит свое слово.

Я встала с кровати и подошла к платью.

Оно было очень красивым — и скромным. Сшитое из голубого шелка, и, следовательно, слишком дорогое, чтобы купить его, я, возможно, выбрала бы его.

Но я не стала его надевать.

Не потерплю, чтобы он врвался в мою комнату посреди ночи и наблюдал за тем, как я спала...

И я не доставлю ему удовольствия сделать то, что он хотел.

Поэтому надела одно из платьев, которые принесла с собой, затем почистила зубы зубной щеткой, приготовленной для меня Филоменой.

Там же была и щетка для волос, и я постаралась привести в порядок свои непокорные локоны.

Я задумалась о том, чтобы принять душ, но в животе заурчало. Я не ела с полудня прошлого дня. Шок от убийства и всего, что произошло после него, притупил голод, но теперь аппетит вернулся с новой силой.

Я вздохнула и подошла к двери. Возможно, если я постучу в дверь, кто-нибудь придет и выпустит меня.

Чтобы убедиться в этом, подергала ручку двери.

И дверь распахнулась.

Я замерла от неожиданности... и тут же высунула голову.

В коридоре никого не было, поэтому я быстро надела сандалии и поспешила к лестнице.

В глубине дома слышались какие-то звуки, но в холле тоже никого не было.

Я подумала, не выскользнуть ли мне через парадную дверь и не броситься ли наутек, но тут же вспомнила, как велико поместье. Шансов убежать у меня не было, поэтому я просто последовала на звук голосов и вкусный запах пекущегося хлеба — пока не оказалась на кухне.

Там находилась женщина на несколько лет старше меня. Симпатичная, с короткой стрижкой, она напевала про себя, взбивая яйца в большой миске.

Я прочистила горло, чтобы дать знать о своем присутствии.

— Кхм...

Женщина оглянулась и вскрикнула. Затем прижала руку к груди и начала смеяться.

— О, *синьорина*, ты меня напугала!

— Простите...

— Не надо, не надо! Иди в постель и отдыхай — я сейчас же принесу тебе поесть!

Но я больше не хотела представлять себе Дарио в моей спальне.

А кухня — с ее старыми каменными стенами и современной техникой — успокаивала. Здесь я чувствовала себя как дома больше, чем в любом другом месте этого особняка.

Не говоря уже о том, что от запаха свежее испеченного хлеба у меня перехватывало дыхание.

— Вы... не будете возражать, если я останусь?

Женщина снова засмеялась.

— Если хочешь — я бы не отказалась от компании! Меня зовут Кэт — сокращенно от Катерины.

— Алессандра, — робко сказала я.

— Очень приятно! Что бы ты хотела съесть?

— Я чувствую запах свежего хлеба?

— Конечно, прямо из печи!

Она подошла к стоящей рядом разделочной доске и принесла мне небольшую буханку *mugello* — одного из традиционных тосканских хлебов. Она также дала мне нож, тарелку и маленькое блюдечко со сливочным маслом.

— Это с молочной фермы, расположенной неподалеку, тебе понравится. Хочешь оливки? Фрукты? Что-нибудь выпить? Если скажешь мне, чего бы ты хотела, я тебе все дам!

Кэт предложила мне на выбор фрукты, оливки и соки, а затем вернулась к своей работе.

— Ты единственный повар? — спросила я.

— Нет, конечно! Но Марьяна сегодня заболела, поэтому завтрак готовлю я. Обычно до обеда мы работаем вдвоем, а ужином занимается отдельный персонал. Раньше у нас было гораздо больше людей... пока не умер Дон Розолини, упокой Господь его душу.

Она перекрестилась.

Когда *это* случилось? — нахмурилась я.

— Около трех месяцев назад.

— Дарио был еще в тюрьме, когда он умер?

Сама мысль была такой печальной...

Даже если я боялась этого человека и считала его бандитом, в конце концов, никто не должен терять возможность попрощаться с родителями.

Кэт обернулась, ее глаза расширились.

— Как ты об этом узнала? Он тебе сказал?

— Нет, Филомена сказала.

Кэт фыркнула.

— Эта женщина не умеет держать язык за зубами.

Мне это показалось немного забавным, поскольку Кэт сама сейчас рассказывала о погибшем бывшем главаре мафии, но я решила промолчать.

— Значит... Дарио был в тюрьме, когда умер его отец?

— Да. — Кэт тяжело вздохнула. — Это был печальный и ужасный день.

— Но... как это может повлиять на то, сколько человек работает на кухне?

Кэт вздрогнула, словно раздумывая, стоило ли говорить дальше.

Затем ее болтливость взяла верх.

— Ну, после смерти Дона многие ушли.

— Почему?

— Они боялись.

Я нахмурилась.

— Чего боялись?

Вдруг позади меня раздался мужской голос.

— *Опять* сплетничаешь?

Я обернулась и увидела Валентино, который вошел на кухню.

Он улыбнулся мне, но тут же прошел мимо.

Пройдя мимо Катерины, он схватил ее за ягодицы и сжал.

Не знаю, задумывался ли он, что я все видела.

Или ему просто было все равно.

Катерине, конечно, было не безразлично. Она покраснела и посмотрела на него взглядом «*Что ты ДЕЛАЕШЬ?!*»

Но при этом на ее лице была широкая улыбка.

Выйдя из комнаты, Валентино схватил яблоко из вазы с фруктами.

— Не выдавай *все* семейные секреты, *capiche* (ит. — *понятно*)?

Он подмигнул Кэт, улыбнулся и ушел.

В ее тяжелом вздохе я уловила любовную тоску.

Мой взгляд проводил его, затем вернулся к Кэт.

— Вы с ним...?

Она хихикнула, затем стала очень серьезной.

— Ты никому не должна говорить, хорошо?

Внезапно я вспомнила слова Никколо, сказанные вчера вечером:

«*Руки прочь, Валентино! Занимайся тем, что трахай прислугу!*»

Мне не хотелось говорить ей, что это не совсем секрет, поэтому просто кивнула.

— Унесу в могилу.

Она снова хихикнула и мечтательно посмотрела вдаль.

— Это длится уже два месяца...

— Значит... вы тайно встречаетесь?

— Я бы не назвала это «встречаться», — ухмыльнулась она.

— Вы собираетесь пожениться? — невинно спросила я.

Если они спят вместе, если уж на то пошло, это единственный достойный итог.

Катерина разразилась хохотом.

— МНЕ? Выйти замуж за Розолини? Если бы. Я бы никогда в ЖИЗНИ больше не работала.

Она снова вздохнула, на этот раз с тоской.

— Он практически член королевской семьи, а я всего лишь служанка.

Затем по лицу Кэт пробежала тень, а следом за ней и приступ гнева.

— К тому же он никогда не остепенится. Не говоря уже о том, что ВСЕ мужчины Розолини — кобели.

Затем она усмехнулась и закатила глаза.

— Но они хорошо ТРАХАЮТСЯ. *Madonn*, они могут отлично трахаться. — Она помахала на себя рукой. — Безусловно, это лучший секс в моей жизни.

Я покраснела, услышав ее слова.

Никто из моих знакомых не говорил так, как Кэт.

Но ее слова заставили меня снова вспомнить Дарио, стоящего над моей кроватью, когда я лежала там в своем пеньюаре... и жар от моего лица, казалось, распространился между моих бедер...

Вдруг позади меня *раздался* голос.

Я обернулась и увидела Филомену, стоящую в дверях.

Кэт стала красной, как свекла, когда старуха подошла к кухонному островку, где я сидела.

Филомена бросила на Кэт злобный взгляд, затем повернулась ко мне.

За спиной Филомены Кэт сделала лицо, выражение которого говорило: «*О, Боже мой!*», и подавила смех рукой.

Мне пришлось сосредоточиться на Филомене, чтобы тоже не разразиться хохотом.

Старуха хмуро посмотрела на меня.

— Ты должна немедленно пройти со мной во внутренний дворик.

— Да, мадам.

Филомена резко повернулась и пошла в сторону двери, из которой вышел Валентино.

Кэт скорчила еще одну рожицу, как будто не могла поверить, что попала в неприятности, но тем не менее находила это забавным.

Я нахмурилась и одновременно подавила смешок, поспешив за Филоменой.

Кэт помахала мне рукой и беззвучно сказала: «*Приходи позже!*»

Я кивнула:

— «*Обязательно!*»

Сколько бы хлопот она ни доставляла, Катерина мне очень понравилась, и я решила, что при первой же возможности навещу ее снова.

Когда я догнала Филомену, пожилая женщина сказала с сицилийским акцентом.

— Тебе не стоит с ней общаться. Она обычная вульгарная девушка, бродяжка.

— Мм, — сказала я безразлично.

Старуха остановилась и повернулась ко мне.

— Твоя мать жива?

Я побледнела от этого вопроса.

Мне не хотелось отвечать... но понимала, что не могла промолчать.

— ... нет, — наконец сказала я.

— Когда она умерла?

— Когда мне было 12 лет.

Филомена изменилась в лице, и его выражение превратилось из сердитого в печальное.

Она нежно положила руку мне на щеку.

В этом жесте было столько любви... столько материнской ласки... что у меня на глазах неожиданно навернулись слезы.

— Катерина дружелюбна, да, но она оказывает дурное влияние, — сказала Филомена добрым голосом. — Ее поведение не подходит для юной леди. А ты хорошая девушка, я это знаю. И думаю, что твоя мать хотела бы оградить тебя от дурного влияния.

Я ничего не ответила. Кэт мне по-прежнему нравилась — этого уже не изменить, но нежная забота женщины была так трогательна, что мне не хотелось с ней спорить.

Она убрала руку и вздохнула.

— Плохо, что тебе приходится оставаться в этом доме убийц...

Слова прозвучали неожиданно.

Еще секунду назад мы говорили о моей новой подруге, а теперь речь шла о том, что я окружена убийцами.

— Почему же вы остаетесь здесь? — спросила я, постаравшись быть деликатной.

Она грустно улыбнулась.

— У некоторых из нас нет других вариантов, моя дорогая.

Из всего, что она говорила до сих пор, эти слова звучали наиболее правдиво...

... потому что они как нельзя лучше описывали мою жизнь.

Глава 9

Филомена провела меня по каменному коридору к огромному патио снаружи.

При свете дня поместье Розолини поражало своей красотой. Сразу за патио простиралась огромная лужайка, ведущая к бассейну, за которым росли лимонные деревья. За ними располагался сад с подстриженными деревьями, постепенно переходящий в виноградники.

Но ничего из этого не привлекло моего внимания.

Вместо этого мой взгляд остановился на двух мужчинах, которые пили кофе за столиком на улице: Никколо и Роберто Розолини.

Роберто был одет в еще один костюм-тройку, но на этот раз без галстука.

Никколо был одет в белую льняную рубашку и брюки. Он выглядел непринужденно и расслабленно, но я не переставала думать о его зловещем поведении, когда он допрашивал меня вчера вечером.

Я хотела убежать обратно в дом.

Но было уже поздно. Никколо услышал наши шаги и повернулся в кресле, чтобы посмотреть.

— А — *ciao* (*ит. — привет*), *bella!* Присаживайся, присаживайся! — сказал он, жестом указав на пустой стул слева от себя. Затем улыбнулся Филомене. — Большое спасибо, синьора, что доставили нам нашего маленького заблудшего ягненка. *Grazie mille* (*ит. — огромное спасибо*).

Женщина улыбнулась и слегка наклонила голову. Она бросила на меня последний взгляд, который я не смогла прочесть — возможно, предупреждение? Или сочувствие?

Затем она повернулась и ушла в дом.

Я села в кресло. Роберто внимательно наблюдал за мной, как бы пытаясь прочесть мои мысли.

Никколо, однако, снова стал прежним обаятельным человеком.

Только *теперь* я понимала, что это была маска, прикрывавшая его истинную сущность.

На этот раз я буду начеку.

— Кофе? Чай? Сок? — спросил Никколо. — У нас есть все, а чего нет, нам принесут. Что бы ты хотела?

Я попросила чай, намазывая масло на еще один кусок свежеиспеченного хлеба.

— Как спалось? Понравилась ли кровать? — с улыбкой поинтересовался Никколо.

— Все было замечательно, спасибо.

— Хорошо. Алессандра... я хотел бы тебе кое-что сказать.

У меня свело желудок. Я ожидала, что сейчас снова проявится его зловещая сторона — все эти завуалированные угрозы и темные намеки.

— ... о? — произнесла я, пытаясь скрыть свой страх.

— Посмотри на свое лицо! — проворчал он. — Неужели я так сильно напугал тебя прошлой ночью?

— Очевидно, — вмешался Роберто.

— Тихо ты, — отругал Никколо своего брата, а затем снова обратился ко мне. — Я хотел бы извиниться за свое поведение. У меня был сильный стресс... но это не оправдывает то, как я с тобой обошелся. Я угрожал, когда в этом не было необходимости. Ты можешь простить меня за то, что так напугал?

Я уставилась на него.

Это было не то, чего я ожидала от консьюери мафии...

... хотя, возможно, все это было частью игры.

Паук поет колыбельные песни, заманивая муху в свою паутину.

— ... конечно, — сказала я нерешительно.

— Я вижу, что ты не очень-то мне веришь, поэтому позволь объяснить, что произошло на самом деле. Наш отец умер три месяца назад...

— Мне очень жаль.

— Спасибо, спасибо. Он был патриархом нашей семьи, и, как ты можешь себе представить, его потеря повергла весь наш мир в хаос. Мы потеряли не просто отца, а нашего лидера. Дарио даже не было здесь, когда папа умер. Я могу сказать тебе, поскольку ты рано или поздно узнаешь об этом — Дарио был в тюрьме в то время. Папа умер неожиданно, и мой брат даже не успел с ним попрощаться.

Часть этой информации я уже знала из разговоров с Кэт и Филоменой, но почти сразу же в голове возникли еще два вопроса.

Никколо предвосхитил их оба.

— Дарио попал в тюрьму по обвинению в рэке, связанному с делом о взятке, — сказал Никколо. — Взяли судью, который курировал некоторые деловые интересы нашей семьи. Как старший сын, Дарио взял на себя вину за всех нас. Я знаю, что ты задавалась этим вопросом, так что могу сказать все начистоту.

— И нет, наш отец умер не от — как бы это сказать — «нападения мафии». У него произошел сердечный приступ. Он был относительно молод — пятьдесят девять лет — и не было никаких признаков болезни, так что это был шок. Он пролежал без сознания пару часов в больнице, потом его не стало.

— Мне очень жаль, — прошептала я.

Отчасти я сомневалась, что все, что говорил мне Никколо, было правдой, но он выглядел искренне опечаленным. В его глазах была настоящая боль, когда он говорил о своем отце.

— Спасибо, это очень мило. По крайней мере, мы смогли попрощаться с ним, даже если он нас не слышал и не отвечал. Но в тюрьме Дарио не разрешили даже сказать ему что-то по телефону. Животные, — сердито сказал Никколо.

Было довольно иронично слышать, как консьюеры мафии называет кого-то животным из-за отказа в телефонном разговоре... даже если это *была* очень печальная ситуация.

Впрочем, я оставила эту мысль при себе.

— В результате смерти отца семейный бизнес пришел в упадок. Тогда-то и появились волки. Таких семей, как наша, много по всей Италии. Когда умер мой отец, они увидели возможность. У нас начались проблемы, которых не было десятилетиями: политики, которым мы платили, стали выступать против нас, конфликты с бывшими партнерами, саботаж нашей деятельности... По правде говоря, другие семьи искали наши слабости, чтобы понять, смогут ли они уничтожить нас.

— Наш дядя Фаусто — младший брат моего отца и его консьюеры на протяжении последних двадцати пяти лет — забрал себе половину территории и бизнеса семьи. Мы с братьями оставили себе остальное. И единодушно решили, что новым главой семьи станет Дарио, он же выбрал меня в качестве консьюеры, чтобы я вел дела вместо него до его возвращения.

— Но мы не спускали глаз с волков, отслеживая их планы по нашему уничтожению. Человек, убитый вчера вечером в вашем кафе, был одним из них. Мы знаем, что он работал на конкурирующую семью в Генуе, и установили его причастность к поджогу одного из наших складов.

— Нет нужды говорить, что нам показалось *очень* подозрительным его появление на нашей территории всего через неделю после возвращения Дарио. Ларс проследил за ним до вашего кафе и позаботился о нем. Но кафе твоего отца находится в глуши. Мы не можем понять, *зачем* ему было туда идти, разве что для того, чтобы встретиться с кем-то.

Я в шоке уставилась на него.

Никколо был необычайно откровенен со мной.

Может быть, это и не было полной правдой, но он не обязан мне *ничего* рассказывать. Я была их пленницей, а пленники не имеют права задавать вопросы своим хозяевам.

Никколо, казалось, прочитал мои мысли.

— Довольно много информации для переваривания, — сказал он с улыбкой.

— ... да, — признала я.

— Дарио был очень недоволен тем, что ты ушла вчера вечером. Он решил, что ты заслуживаешь хотя бы частичного объяснения моего, как он выразился, дурацкого поведения.

Дарио?!

Дарио приказал Никколо извиниться?!

Это потрясло меня больше, чем все остальное, услышанное мной до сих пор.

Роберто заговорил.

— Итак, мы пытаемся выяснить, знал ли Умберто Фумагалли — вчерашний мужчина — вашего отца, и почему Фумагалли заинтересовался им... или это *было* простое совпадение, что он зашел в ваше кафе. Скажи, как давно твой отец владеет этим бизнесом?

— Сколько я себя помню — по крайней мере, с тех пор, как я была маленькой.

— А как он его купил? Ты знаешь?

— Не знаю...

— А сколько у вас бывало клиентов в день, можешь сказать?

Я нахмурилась.

— Что?

Никколо вздохнул.

— Роберто отвечает за деловые интересы семьи. Это его большая радость в жизни — спрашивать о всяких финансовых мелочах. Подшучивай над ним, если хочешь.

Далее последовал странный шквал вопросов: сколько денег мы зарабатываем в среднем за месяц. Каковы наши расходы. Есть ли ипотека на недвижимость. Кто наши поставщики кофе и продуктов (крошечный рынок в Менсано). Есть ли еще сотрудники, кроме меня и отца. (Их не было). Сколько к нам приходило местных жителей и сколько туристов.

Наконец Никколо отмахнулся от брата.

— Хватит, Уоррен Баффет! Твои вопросы до смерти надоели бедной Алессандре!

— Как скажешь, Макиавелли.

Никколо резко встал.

— Позволь мне провести для тебя экскурсию по дому, *bella*, пока Роберто снова не начал мучить тебя вопросами. Поторопись — я вижу, как он достает электронные таблицы!

Никколо оттащил меня от стола.

— Терпеть не могу, когда он так поступает, — ворчал он, а потом беззлобно добавил. — Похоже, Роберто не понимает, что не все разделяют его страсть к бухгалтерии.

— Почему он назвал тебя Макиавелли?

— А, это шутка по поводу моего имени. Ты знакома с философом эпохи Возрождения Никколо Макиавелли, автором политического трактата «*Государь*»? — спросил он, когда мы вошли в дом и стали пробираться по коридорам.

— Да, конечно.

Макиавелли был известен своими аморальными советами правителям: манипулировать и лгать, чтобы сохранить контроль над своими подданными.

— Да, все мои братья любят называть меня «Макиавелли». Раньше меня это раздражало — но, если ты собираешься быть консильери, могут быть прозвища и похуже.

— Вы с Робертом очень похожи. Близнецы?

— Да, близнецы, но разнойцевые. Слава Богу, у меня нет точной копии его генов. У этого человека в ДНК записаны скучные финансовые отчеты.

— Я чего-то не понимаю...

— О? И что же это?

— Ты все время говоришь о своей семье и братьях... но Ларс не похож ни на кого из вас. Никколо рассмеялся.

— Ну, это потому, что он не связан с нами кровным родством.

— Он работает на вас?

— Это нечто большее. Когда Дарио попал в тюрьму, те волки, о которых я говорил, не раз пытались сделать так, чтобы мой брат *умер* там. Ларс был его лучшим другом «внутри», как говорится, и дважды спасал Дарио жизнь. Полгода назад Ларс отбыл свой срок, и Дарио позвал его к нам, чтобы дать ему работу. Он фактически стал седьмым членом нашей семьи. И был рядом с нашим отцом до его смерти, папа любил его как сына за спасение жизни Дарио. С тех пор, как все пошло прахом, Ларс стал нашим самым надежным союзником.

Я нахмурилась.

— Даже больше, чем твой дядя?

— Ты видишь моего дядю где-нибудь поблизости? — язвительно улыбнулся Никколо.

— О. А сестры у вас есть?

— Нет, увы. У мамы было шесть мальчиков. Она всегда хотела девочку, но умерла, когда мне было восемнадцать лет. Дарио — самый старший, потом Адриано, за ним Роберто и я, потом Массимо. Валентино — младший, избалованный сорванец. Но с таким лицом, как у него, он получает от женщин все, что хочет.

Я была удивлена тем, как откровенен Никколо.

Но, судя по тому, что я видела, он никогда не делал ничего просто так.

И он как будто читал мои мысли.

— Возможно, ты сейчас подумаешь: *«Боже, он дает мне очень много информации!»* — сказал Никколо. — И да, на это есть причина. Точнее, несколько. У тебя есть вопросы, я уверен. Надеюсь, я ответил на самые важные из них. Потому что будет много других, на которые я не отвечу. Есть вещи, которые моя семья делает тайно... и будет лучше, если ты не будешь знать о них слишком много. Так что не спрашивай.

Мой желудок сжался. Несмотря на то, что его тон был гораздо мягче, чем накануне, злобный подтекст остался прежним:

Не переступай черту.

Мы вошли в холл особняка.

— Кроме того, есть части дома, куда тебе вход воспрещен, — добавил Никколо. — Твоя спальня находится на третьем этаже. Все, что находится там — разрешено. Также, как и на первом этаже, если только дверь не закрыта. В этом случае не суйся. Но второй этаж восточного крыла, — он указал на правую часть здания, — полностью запрещен. Не ходи дальше лестницы. Никогда. Понятно?

На этот раз его голос был не угрожающим, но твердым.

Мне сразу стало интересно, что там наверху, и почему это запрещено, но я только кивнула.

— Поняла.

— Хорошо. — Он улыбнулся. — Не стесняйся бродить по территории, но не выходи за ее пределы. Если тебе что-то понадобится, просто спроси.

— Как долго...

Я хотела сказать:

— *Как долго вы будете держать меня здесь*, — но подумала, что это прозвучит несколько враждебно.

А Никколо из кожи вон лез, чтобы быть...

Ну...

Менее угрожающим.

— ... эээ... как долго я здесь пробуду?

— Это еще предстоит выяснить.

— Мне нужно будет постирать одежду.

Никколо пренебрежительно махнул рукой.

— Просто отдай ее Филомене — она об этом позаботится. Наверное, нам стоит купить тебе новые вещи.

— Зачем? — раздался позади меня глубокий голос. — Она все равно их не наденет.

Мое сердце заколотилось.

От страха... и, возможно, от чего-то еще.

Я обернулась и увидела Дарио. Он вошел в холл бесшумно, как кошка, и уставился на меня раздраженным взглядом.

— Я не принимаю подарков от мужчин, которые вторгаются в мое личное пространство, — прорычала я.

Дарио нахмурился.

— О чем ты говоришь?

— О платье!

Он посмотрел на меня с раздраженным взглядом «*Я знаю ЭТО*».

— Я говорю о чепухе с «вторжением в твоё личное пространство».

Теперь я была в ярости. То, что он мог похитить меня и использовать в качестве заложницы, не означало, что он мог меня запугивать.

— Ты вошел в мою комнату, когда я спала...

— Я попросил *прислугу* занести его, — огрызнулся он. — *Горничную*, вообще-то.

Ох.

Я покраснела.

Теперь, когда он это сказал, то, что это была горничная, казалась более логичным.

Не похоже, чтобы мафиози тихонько прокрался в мою комнату на цыпочках, чтобы оставить платье.

Я почувствовала себя глупо...

Но смущение быстро сменилось гневом.

Да, я поторопилась с выводами — но только потому, что не чувствовала себя в безопасности после прошедшей ночи.

И это были не такие уж безосновательные выводы, учитывая все, что он уже сделал и сказал.

Очевидно, Дарио так не считал, потому что презрительно покачал головой.

— За кого ты меня принимаешь?

— Похитителя? Преступника? За человека, который сказал, что сделает меня своей *иллюхой*? — почти кричала я.

Брови Никколо взлетели вверх. Ему было крайне некомфортно присутствовать при этом диалоге, и по его виду можно было сказать, что он мечтал оказаться *где-нибудь* в другом месте.

Дарио подошел ко мне, в каждом его шаге чувствовалась угроза.

Я слегка отступила назад, ошеломленная и напуганная его размерами и убийственным взглядом.

Идиотка! Тихо выругалась я про себя. *Ты же ЗНАЕШЬ, что он из себя представляет, зачем ты сказала такую ГЛУПОСТЬ?! Зачем ты его провоцируешь?!*

Он встал вплотную рядом со мной.

Я начала учащенно дышать, посмотрев в его сердитые глаза.

— Если ты не будешь осторожна, — прорычал он шепотом, — то я, возможно, решу начать действовать раньше времени.

Поскольку он был так близко, я снова почувствовала его запах — тонкий, дорогой одеколон, которым он пользовался.

Ощутило тепло, исходящее от его тела.

И стояла с открытым ртом, почти заглотившая слюну.

Потом он повернулся и ушел, не сказав ни слова и оставив меня стоять потрясенной... и возбужденной.

Никколо подождал, пока Дарио не исчезнет из холла, и сказал мне:

— Ну, ты, конечно, знаешь, как раззадорить дикого зверя, не так ли?

— Это не моя вина, — надулась я.

— Не твоя *вина*?! Не твоя *ВИНА*?! — Никколо недоверчиво рассмеялся, а затем начал подражать мне высоким голосом. — *«Похититель? Преступник? Человек, который сказал, что сделает меня своей...»*.

— Ладно, поняла, не надо было его провоцировать, — перебила его. — Я не повторю эту ошибку дважды.

— Повезло, что тебе сошло это с рук в *первый раз*. Поверь мне, когда я говорю тебе это, *bella*, — я не знаю *никого* другого, кто мог бы так разговаривать с Дарио и остаться в живых.

Я не знала, как мне к этому относиться.

С одной стороны, Никколо как бы намекал, что Дарио питал ко мне определенную слабость...

... а с другой стороны, он намекнул на убийство.

Я не хотела думать об этом, поэтому просто проигнорировала.

Как только Никколо произнес последнюю фразу про «остаться в живых», он стал удаляться от меня.

— Куда мы теперь идем? — спросила я, последовав за ним.

— *Мы*? Нет никаких «мы» — я иду готовиться к встрече. *Ты* можешь делать все, что хочешь, кроме как пойти со мной — или пройти на второй этаж восточного крыла. Ужин будет подан в восемь часов в столовой.

— А что мне делать до этого времени?

— Все, что угодно, или вообще ничего! Только не заходи в те места, о которых мы говорили... и не пытайся покинуть территорию, — сказал он с ухмылкой.

С этими словами Никколо скрылся за углом, оставив меня в полном одиночестве.

Глава 10

Первым делом я отправилась на поиски телефона.

Дарио конфисковал мой мобильный, и я осталась без связи с внешним миром, но у отца в кафе все еще был стационарный телефон. Если я найду телефон в особняке, то смогу позвонить папе и убедиться, что с ним все в порядке.

Я могла бы попросить Никколо, но была почти уверена, что он скажет «нет».

Пока я не спрашивала, могла притвориться невеждой. В конце концов, они не сказали мне *прямо*, что я не могу никому звонить.

Лучше попросить прощения, чем разрешения.

Я пошарила вокруг, пока не нашла открытый кабинет с телефоном на столе. Меня немного пугали все эти кнопки и лампочки на пульте, но я взяла трубку и прислушалась.

Стояла мертвая тишина.

Я нажала на кнопку на консоли, надеясь, что это сработает.

Как вдруг женский голос произнес мне в ухо:

Здравствуйте, куда я могу направить ваш звонок?

Сердце заколотилось в груди, и я положила трубку.

После этого я не чувствовала себя в безопасности, оставаясь в особняке.

И то ли предупреждение Филомены сработало, то ли просто нежелание беспокоить ее во время работы, но я решила, что должна оставить Катерину в покое.

Делать было нечего, и я стала прогуливаться по территории.

Она была огромна.

В стороне от дома стояла старая каменная конюшня, превращенная в гараж на двенадцать машин. Внутри стояли многочисленные черные и серебристые Мерседесы, несколько Рендж Роверов и спортивных автомобилей, в том числе полуночно-синий Бугатти.

Бассейн был красив и безупречен, с изумительной плиточной мозаикой под кристально чистой водой, но температура воды была немного прохладной для купания.

К тому же у меня не было купальника. Хотя уверена, что если бы попросила, то он появился бы, как по волшебству. Но я с ужасом подумала о том, что получила бы от мафиози. Наверное, крошечные обрывки ткани, которые едва ли что-то прикрывали.

Сады с топиариями были потрясающими: кусты и кустарники, подстриженные во всевозможные интересные формы. Были и великолепные цветочные клумбы разных оттенков.

Куда бы я ни пошла, везде стояли молодые люди лет двадцати. У каждого из них за плечами было оружие — либо дробовик, либо винтовка военного образца.

Все они были вежливы и приветствовали меня словами «*Ciao, signorina*». Было несколько затяжных взглядов, но не более того.

Видимо, указания Дарио не трогать меня дошли и до рядовых охранников.

Но их присутствие меня нервировало, и я ушла в поле, где никого не было.

Пока я шла, искала способ побега. Мне не нравилось сидеть здесь в тюрьме, какой бы роскошной ни была камера.

Быть пленницей Розолини, особенно Дарио, вызывало во мне гнев и ужас. Я отчаянно хотела вернуться домой, к отцу, поэтому стала изучать территорию и искать способ уйти незамеченной.

Вдруг я заметила движение.

Когда посмотрела вниз, мое сердце замерло.

В четырех метрах от меня на земле свернулась калачиком гадюка.

В Тоскане всего две ядовитые змеи, но аспийская гадюка — самая распространенная и самая опасная.

Люди погибали от ее укуса, хотя это случалось нечасто.

Я стояла в ужасе, застыв на месте.

И вдруг услышала далекий *треск*.

И голова змеи взорвалась.

Я вскрикнула и попятилась назад, затем оглянулась.

Сначала я не поняла, откуда мог раздаться выстрел — на поле никого не было.

Потом я посмотрела на особняк, до которого было более шестисот футов.

Кто-то махал мне рукой с одного из балконов третьего этажа.

Я не могла разглядеть его лица, но видела, как солнце сверкает на его золотистых волосах.

Ларс.

Я увидела, как он широким движением руки приглашает меня в дом.

Я послушно пошла обратно. Мне было немного неприятно, что за каждым моим шагом следили...

Но, с другой стороны, я не хотела больше наткнуться на ядовитых змей.

Ларс встретил меня на полпути, в центре лужайки возле бассейна. С третьего этажа на первый вела крутая лестница, и именно поэтому он так быстро добрался до меня. Через плечо у него была перекинута массивная снайперская винтовка.

— Здесь нужно быть осторожней, — сказал он с улыбкой. Его итальянский был превосходным, хотя в нем все еще слышался неясный европейский акцент, который выделял его на фоне остальных. Он не был похож на шведский, но *точно* не звучал как родной.

— Не стоит так далеко отходить от дома, — продолжил он дружелюбным тоном.

— Или что, ты меня пристрелишь? — вспыхнула я.

В обычной ситуации я бы постаралась не злить его, но я все еще была испугана после встречи с гадюкой, и во мне бурлил адреналин. Наверняка поэтому я была такой смелой.

Он только усмехнулся.

— Нет, мне придется перекинуть тебя через плечо и нести обратно, а тебе это может не очень понравиться.

Я настороженно посмотрела на Ларса. Из всех людей, с которыми пришлось столкнуться, он был единственным, кого я боялась до дрожи — из-за того, что видела происшедшее в кафе моего отца.

Остальные были страшны сами по себе. У Адриано был ужасный характер, а Никколо скрывал зловещую сторону под своей дружеской болтовней.

Вообще-то, я беру свои слова обратно.

Больше всего я боялась Дарио.

Он был похож на молчаливого волка, который всегда следил за мной, готовый сожрать в любую секунду.

Однако у меня были и другие чувства к Дарио, которые отчасти компенсировали мой страх.

Когда он был рядом со мной, мое тело реагировало так, что я не могла его контролировать.

Ларс был очень красив, да, но я ничего к нему не чувствовала. И каждый раз, когда смотрела на него, передо мной была картина, как он убивал человека в кафе.

Похоже, он точно знал, о чем я думала, потому что сказал.

— Тебе не надо меня бояться.

— Точно. Мне *нечего* бояться человека, который следит за мной со снайперской винтовкой.

— Мне приказано обеспечивать твою безопасность. Что, согласишься, я и сделал.

— Да, но змея — не единственный раз, когда я видела, как ты стреляешь.

— Человек прошлой ночью тоже был змеей. Только другого типа.

— Дай угадаю — *прошлой ночью* ты тоже защищал меня, — заметила я с сарказмом.

— Нет. Я защищал семью. — Он имел в виду Розолини. — Хотя можно утверждать, что я защитил и тебя, выйдя из кафе после того, как все закончилось.

Я слегка вздрогнула. Это была правда — он мог легко убить меня. И, наверное, это было бы в его интересах.

От этой мысли у меня кровь застыла в жилах.

— Почему же ты *не* убил меня? — тихо спросила я.

— Я решил, что змея представляет большую угрозу, — пошутил он.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Почему ты не застрелил меня прошлой ночью?

— Зачем?

— Я была единственным свидетелем — и ты смотрел прямо на меня. У меня была возможность описать тебя в полиции.

— Я не убиваю женщин и детей. Никогда.

— А если бы они приказали? — спросила я, показав головой в сторону дома.

— Они бы не стали.

— Это что-то новенькое, — пробормотала я. — *Мафиози*, не желающие убивать кого-то.

— Они не такие, как ты думаешь.

— Как это?

— Тебе следует спросить Никколо или Дарио. Не мне говорить о делах семьи. Но, скажем так, они не обычные *мафиози*, — сказал он, слегка насмехаясь над тем, как я их называла.

— Хм, — только и произнесла, идя с ним по направлению к дому. — Ты швед?

— Да.

— Никколо сказал, что ты дважды спасал жизнь Дарио в тюрьме.

— Да.

— И поэтому они тебе доверяют?

— Да.

— Ты служил в армии? В Швеции?

— Да.

— И поэтому ты такой хороший стрелок?

— Отчасти.

— Ты разговорчив, не так ли?

Он снова улыбнулся.

— Я бы говорил больше, Алессандра, если бы знал, что с тобой мои секреты в безопасности.

— Какие секреты?

— Кто я. Что сделал. На кого работаю.

— Я уже знаю все это.

— И я не вижу необходимости, чтобы ты знала больше.

— Тогда зачем было привозить меня сюда?

— Это было не *мое* решение.

Я вспомнила, как Никколо упрекал Дарио вчера вечером за то, что он привел меня в дом.

Я также знала, что Никколо был единственным, кто осмеливался противоречить своему брату.

Больше никто не стал бы перечить Дарио...

Но Ларс только что сказал, что не все из братьев согласны с выбором Дарио.

Возможно, *никто* из них не согласен.

— Зачем он привез меня сюда? — спросила я.

Ларс пожал плечами.

— Дарио делает то, что хочет. Но я думаю, что ты понимаешь, на какой риск он идет, приблизив тебя к себе. Ты многое увидела. И можешь сказать не то, что нужно, не тем людям.

— А *потом* ты бы меня застрелил.

Ларс покачал головой.

— Не я.

— А кто тогда?

Он молча смотрел на меня, и я знала ужасный ответ.

Дарио.

Дарио будет тем, кто покончит с моей жизнью, если я переступлю черту.

Он действительно *был* монстром.

Я вдруг испугалась сильнее, чем после убийства прошлой ночью. Даже змея не внушала мне такого страха.

Ларс увидел мою реакцию и попытался смягчить то, что сказал.

— Держись дома и прилегающей территории, Алессандра, — тихо посоветовал он. — Делай, что тебе говорят, и скоро ты сможешь вернуться домой.

— Когда?

— Я не знаю. Просто будь осторожна, — сказал Ларс, и на этот раз он не улыбнулся. — Здесь повсюду гадюки.

Я знала, что он говорил не только о тварях в траве.

С этими словами он поднялся по лестнице, чтобы снова занять свой пост...

... а я вернулась в дом, слишком напуганная, чтобы делать что-либо еще.

Глава 11

Я была слишком напряжена после разговора с Ларсом, чтобы пообедать, поэтому, когда наступило шесть часов вечера и пришло время готовиться к ужину, сильно проголодалась.

Приняла душ и воспользовалась удивительно ароматным мылом и шампунем, стоявшими в ванной. Я подумала, не воспользоваться ли феном, лежащим на столешнице, чтобы высушить волосы, но потом решила не делать этого. Они могли бы высохнуть естественным путем, хотя это, вероятно, заняло бы несколько часов.

В конце концов, я шла не на конкурс красоты.

А собиралась на ужин с кучей преступников и убийц...

Один из которых, очевидно, убьет меня, если понадобится.

Я уже собиралась надеть одно из своих платьев, но тут увидела оставленное горничной, пока я спала.

Оно все еще висело на стуле, и никто не тронул его.

Подумала, не приказал ли Дарио прислуге не убирать платье, пока не надену.

Часть меня взбунтовалась и хотела выбросить его в окно.

Но я вспомнила, что Ларс ответил на мой вопрос о том, кто убьет меня, если придет время.

Не делай монстра злее, чем он уже есть, Алессандра, — предостерегла сама себя.

Я надела платье, скрипя зубами.

Оно было очень красивым, гораздо более роскошным, чем все, что я носила раньше.

Голубой шелк словно ласкал мою кожу... оно было скромного покроя и открывало не больше, чем моя собственная одежда.

Но меня это возмущало.

Оно казалось мне ошейником на шее, еще одной цепью, привязывающей меня к этой прекрасной тюрьме, которую я не могла покинуть... и к тюремщику, в руках которого была моя жизнь.

Тем не менее, я достаточно сильно боялась, чтобы не надеть платье на ужин.

Не зная, где находится столовая, нашла ее, прислушиваясь к оживленной речи Никколо, когда он разговаривал и смеялся со своими братьями.

Когда я вошла в двери, все присутствующие посмотрели на меня и замолчали.

Так было до тех пор, пока Никколо не произнес приглушенно «*Madonn*».

Все братья (и Ларс) сидели за столом, по трое с каждой стороны. Дарио сидел во главе стола на другом конце комнаты.

Его глаза вспыхнули при виде меня — и взгляд опустился на платье.

Он не улыбнулся, но взгляд его смягчился, когда он снова посмотрел мне в глаза.

Валентино присвистнул.

Массимо легонько шлепнул его по затылку.

— Что?! Она выглядит прекрасно! — запротестовал Валентино, обратившись к остальным. — Только не говорите мне, что вы все тоже так не думаете!

Я покраснела.

— Садись, Алессандра, — сказал Никколо со своего места по правую руку от Дарио. — Мы приберегли для тебя почетное место.

Роберто, сидевший ближе всех ко мне, встал и отодвинул пустой стул в дальнем от Дарио конце стола. Затем он подтолкнул его под меня, когда я села.

— Спасибо, — тихо поблагодарила его.

— Спасибо, что присоединилась к нам, *bella*, — сказал Никколо. — И к тому же вовремя!
— Да, ну, вы должны себя поздравить, — сказала я. — Я никогда не видела, чтобы шесть итальянцев приходили вовремя.

Все захихикали, кроме Дарио.

Хотя он улыбнулся... едва заметно.

— Это Ларс, — пошутил Никколо. — Его шведские корни компенсируют наши вечные итальянские опоздания и заставляют нас всех приходить вовремя.

— А я подумала, что это *il Duce*³ во главе стола, — сказала я, кивнув на Дарио, — заставляет поезда ходить вовремя.

Моя шутка была встречена молчанием.

На секунду я испугалась, что совершила ужасную оплошность.

А потом вся комната разразилась хохотом.

Даже Дарио ухмыльнулся.

— Муссолини-Розолини, — зарифмовал Никколо.

— Что я могу сказать, — сказал Дарио. — Хорошо быть диктатором.

Братья рассмеялись, но от его шутки у меня заныли зубы.

Дарио был диктатором в доме...

Его сапог плотно прижимался к моей шее, а моя жизнь была в его руках.

Я старалась не обращать внимания на чувство обиды, но оно медленно нарастало в течение всего ужина.

Возможно, моя дерзость немного усилилась от вкусного красного вина. Возможно, я немного переборщила с ужином, который был просто восхитителен. Я никогда не ела столько великолепно приготовленных блюд. Слуги приходили и уходили в тишине, убирали тарелки и ставили новые блюда:

Тарелки *pappa al pomodoro* — томатного супа из созревших на солнце тосканских помидоров.

Tagliolini al tartufo — длинные ленты пасты, политые растопленным маслом с чесноком и измельченным черным трюфелем.

Potato tortelli — макароны с начинкой из картофельного пюре, приправленные чесноком и шалфеем.

Bistecca alla Fiorentina — нежный стейк, обжаренный со специями и солью.

К тому моменту, когда на десерт мы попробовали райский *тирамису*, я чувствовала себя набитой едой.

И более чем слегка подвыпившей.

А это означало, что мой язык развязался больше, чем следовало.

За ужином я говорила очень мало. Разговоры в основном сводились к деловым вопросам, которые меня несколько не интересовали. Много обыденных вещей, связанных с перевозками и подкупом местных чиновников.

К счастью, мне не пришлось выслушивать разговоры о том, что кого-то избили или убили.

Не обошлось и без нецензурных шуток, которых можно было ожидать от компании двадцатилетних мужчин.

Но у меня возникло ощущение, что, если разговор заходил слишком близко к теме *настоящего* «семейного бизнеса», Никколо быстро сворачивал его.

И это меня раздражало.

³ Ит. *il Duce* – вождь. В Италии так называли Муссолини

Все это было шоу — фасад, призванный создать иллюзию, что все нормально, хотя это явно было *не* так.

Я была *вынуждена* находиться здесь.

И не могла уйти.

Один из сидящих за столом мужчин убил кого-то прошлой ночью прямо у меня на глазах.

И он дал понять, что моей жизни угрожает человек, сидевший прямо напротив меня...

... тот самый, который сказал, что сделает меня своей шлюхой.

Ублюдок, не раз со злостью думала я про себя.

Больше всего меня раздражала его красота.

Какой он могущественный.

Какой богатый, загадочный и опасный.

А я сидела в его доме, ела его еду, надела платье, которое он мне подарил...

Его пленница.

Я была в ярости.

Я *ненавидела* его.

Отчасти потому, что в моем воображении он был деспотичной фигурой злодея...

... а отчасти потому, что я не могла отвести от него глаз.

Его великолепное лицо...

Его широкие плечи...

Татуировки, видневшиеся из открытой горловины его рубашки...

Дарио, казалось, не замечал меня, хотя время от времени ловил на себе мой взгляд.

Первые несколько раз я виновато отводила глаза, когда он ловил меня.

Но по мере того, как я пила все больше вина, стала воспринимать это как вызов. не сводила с него глаз, как бы заставляя его уступить первым.

Но он никогда этого не делал.

Его глаза впились в меня, и я начинала чувствовать жар...

Я почти ощущала, как он мысленно раздевал меня...

Пока, наконец, не отводила взгляд, испытыв неловкость от того, как мое тело реагировало.

Все это не улучшало моего настроения...

И закончилось в конце ужина.

— Я бы хотела завтра покинуть территорию, — объявила я. — Временно.

— Зачем? — спросил Никколо.

— Я хочу посетить церковь.

На самом деле это была уловка, чтобы покинуть поместье. Я хотела не столько посетить церковь, сколько пообщаться с отцом.

А может быть, и вообще сбежать.

— В западном крыле дома есть домовая часовня, — сказал Дарио. — Иди туда.

— Я не могу там исповедоваться, — запротестовала я.

Дарио откинулся в кресле и ухмыльнулся.

— Какие именно ужасные грехи ты совершила?

— Не такие ужасные, как твои, я уверена, — огрызнулась я.

И тут же пожалела об этом.

Ты дура! — подумала я. — *Что ты ДЕЛАЕШЬ?!*

Все взгляды тут же устремились на Дарио.

Однако его ухмылка не исчезла.

Казалось, его даже позабавил мой вызов его авторитету.

— Я уверен, что если ты попросишь, Бог тебя простит, — сказал он насмешливым голосом.

Я ответила ему также насмешкой.

— Может быть, ты не понимаешь, как все это работает, ведь ты никогда не был в церкви, но мне нужно поговорить со священником.

— Здешние священники еще хуже, чем мы, мафиози, которых ты так презираешь. Поверь, в часовне тебе будет лучше.

— Я хочу...

— Нет, — резко прервал он. — А теперь перестань просить.

Я прищурила глаза и усмехнулась.

— Но я действительно *должна* покаяться за всю ту ненависть, которую чувствую в своем сердце.

— Ненависть — это ничто. Тебя больше волнует, что ты чувствуешь между бедер.

Как он смотрел мне прямо в глаза, когда говорил это.

Как он заставил меня *покраснеть*...

Я возненавидела его еще больше.

— Поверь мне, похоть — *наименьший* из моих грехов, — парировала я.

— Наверное, это правда, учитывая всю ту ложь, которая исходит от тебя.

Я уставилась на него.

— Что?!

— Ты не хочешь идти в церковь, чтобы исповедоваться. Но хочешь связаться со своим отцом, как пыталась сделать сегодня по телефону.

Значит, он знал.

— Все телефоны в доме подключены к центральному коммутатору, — осторожно пояснил Никколо. — Женщина, отвечающая за систему, сказала, что сегодня днем кто-то пытался сделать исходящий звонок. Когда на ее вопрос не ответили, она решила, что это ты.

Я сильно покраснела.

Поскольку чувствовала себя душой.

Я думала, что была такой незаметной.

А они все знали.

И *смеялись* за моей спиной.

Глупая деревенская девочка...

Я поднялась со стула с таким достоинством, на какое только была способна.

— Тогда, пожалуй, я пойду в часовню... чтобы избавиться от сидящего *здесь* мудака.

Это был один из редких случаев в моей жизни, когда я использовала ругательство.

И почувствовала укол вины.

Но это было *так* приятно.

Дарио холодно улыбнулся.

— Осторожно, девочка. Бог может простить тебя... но я не прощаю *ничего*.

— От дьявола я меньшего и не ожидала, — сказала я и, повернувшись, вышла из комнаты.

Глава 12

Подвыпившая и плохо понимающая, где нахожусь, я пробиралась по западному крылу особняка, пока наконец не добралась до часовни в дальнем конце.

Многое в доме было новым или отреставрированным — ванные комнаты, кухня, кабинет. Но другим частям особняка сотни лет: каменные стены, арочные потолки, мраморные лестницы.

Часовня являлась частью здания, оставшейся от далекого прошлого...

И она была прекраснее, чем я могла себе вообразить.

Дверь представляла собой массивную дубовую плиту, на которой были вырезаны сцены из Библии: Адам и Ева, Ной и потоп, распятие. Казалось, что ее мог создать какой-нибудь художник эпохи Возрождения пятьсот лет назад.

Когда я положила руку на дверь и толкнула ее, она со скрипом распахнулась, открыв мне мир, затерянный во времени.

Сама комната была сравнительно небольшой по сравнению с парадными залами в остальных частях особняка, но от этого она казалась уютной и комфортной.

Источников освещения было всего два: свет из коридора и луна, проникающая через витражное окно в дальнем конце комнаты. Даже в тусклом свете комната поразила меня своей красотой. Я пообещала себе вернуться на следующий день и посмотреть, как она выглядит при свете солнца, проникающего сквозь цветное стекло.

Я попыталась нащупать на стене выключатель и ничего не нашла.

Посмотрев на потолок, поняла, что там нет светильников. Однако в дальнем конце комнаты на столе стояло несколько канделябров.

Я осторожно пошла по темному центральному проходу, пока не дошла до них. Рядом с ними на столе лежал коробок спичек, и я зажгла свечи одну за другой, пока вся комната не озарилась светом.

Теперь, когда я могла видеть больше, то залюбовалась куполообразным потолком. Он был расписан ангелами и облаками, такими прекрасными, что они должны были быть в гораздо более известной церкви.

Каменные стены были увешаны гобеленами, на которых выцветшими красками были изображены двенадцать остановок Крестного пути.

Я стояла в благоговении... пока не услышала за спиной шаги.

Обернувшись, увидела в дверях Дарио. Он остановился на пороге и смотрел на меня.

— Боишься, что вспыхнешь, если войдешь? — насмешливо спросила я.

Он ухмыльнулся, затем вошел в часовню и опустил руки, как бы изучая их.

— Адского пламени пока нет.

— Дай ему время.

Он фыркнул и огляделся.

— Я не помню, когда был здесь в последний раз.

— Возможно, никогда?

— В детстве я приходил сюда молиться... но это было очень давно.

Я представила его маленьким мальчиком, сидящим на темной деревянной скамье и смотрящим на ангелов... и этот образ смягчил мое сердце.

— Тебе нравится? — спросил он.

— Здесь красиво, — призналась я.

— Хорошо. Тогда тебе не придется покидать поместье.

В памяти всплыл наш спор за обеденным столом, а вместе с ним и вся моя обида на то, что я стала его пленницей.

— Мне нужно в церковь, — упрямо сказала я.

Его глаза вспыхнули гневом.

— Ты *должна* ПОДЧИНИТЬСЯ мне.

— Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, — сказала я, процитировав Послание к Ефесесянам. Затем насмешливо добавила. — То есть вот так?

Его улыбка была опасной.

— Да, за вычетом части «муж» и «жена».

Я встала во весь рост и посмотрела ему прямо в лицо.

— Я буду делать то, что ты мне прикажешь, потому что убьешь меня, если я этого не сделаю. Но подчиняться тебе? *Никогда*.

Может быть, это вино сделало меня такой храброй.

А может, меня подбадривал тот факт, что мы находились в часовне.

Думала, что Дарио с уважением отнесется хотя бы к тому, что мы находились в святом месте.

Я ошибалась.

Он снова, как и прошлой ночью, схватил меня за волосы и осторожно потянул, заставив поднять на него глаза.

Мое сердце учащенно забилося от страха.

Но и от возбуждения тоже.

Его тело прижималось к моему, когда он смотрел на меня сверху вниз.

Гнев на его лице...

Это было одновременно страшно и... стыдно сказать... эротично.

— Я сказал твоему отцу, что не лишу тебя девственности, пока ты не попросишь меня, — хрипло прошептал он. — Я *не* сказал, что не буду делать с тобой все остальное, что мне нравится, и чего я хочу.... Я сделаю тебя своей шлюхой... и когда придет время, ты будешь умолять меня взять тебя.

Все мое тело дрожало.

А потом он наклонился и поцеловал меня.

Я была слишком потрясена, чтобы сделать хоть что-то, кроме как стоять на месте.

В прошлом я целовалась с несколькими мальчиками — в неловкие моменты за зданием школы.

Но это было совсем *не* то.

Он был таким *высоким*...

Таким *сильным*.

Его губы были мягкими и теплыми, и я чувствовала прикосновение его аккуратно подстриженной бороды к своей коже.

Сначала я стояла неподвижно, пока его губы нежно прижимались к моему рту.

А потом я *зарычала* и изо всех сил попыталась оттолкнуть его.

Но его вторая рука — та, что не дергала меня за волосы, — обвила меня вокруг талии и без усилий притянула меня к себе.

Мои мягкие изгибы прижались к его твердому, мускулистому телу.

Чем сильнее было мое сопротивление, тем настойчивее он прижимал меня к себе.

И он поцеловал меня еще крепче.

Пока вдруг не опрокинул меня назад.

Я инстинктивно схватилась за его широкие мощные плечи, стараясь не упасть.

И в этот момент я сдалась.
Сдалась...
И это было блаженство.
Мягкость его поцелуя, который с каждой секундой становился все крепче...
Его рука в мои волосы...
Это было слишком для меня.
Я почувствовала, как его язык бережно коснулся моих губ...
И я открыла свой рот.
Я открылась ему навстречу.
Казалось, мы оставались так целую вечность...
Он держал меня в своих объятиях, лишая сил...
Наши языки нежно соприкасались в самом чувственном ощущении, которого никогда не испытывала.
Я не осознавала этого, но жар заполнил все мое тело...
Мои груди.
Между бедер.
Я ничего не соображала. Все, в чем давала себе отчет, это то, что я хотела большего.
А потом все закончилось.
Он отпустил меня и прервал поцелуй.
И, ухмыльнувшись, оставил меня, охваченную вожделением.
— *Ciao, bella*, — прошептал он своим хриплым голосом и вышел из часовни, а я осталась стоять на месте, дрожа от переполнявших меня чувств и страстно желая, чтобы он вернулся и повторил все снова.

Глава 13

Дарио

Она была самой восхитительной из всех, кого я когда-то пробовал.

На ее языке и губах было вино...

Но под вином скрывалась такая сладость, какой я не встречал ни у одной из моих женщин. А их было много на моем веку.

Сначала она сопротивлялась, пыталась оттолкнуть меня.

Но она была слаба, как младенец, и я легко ее одолел...

Пока она не сдалась.

Это был тот самый момент, которого я хотел.

Ждал именно его.

Я почувствовал, как ее сопротивление ослабевало...

И вдруг она растворилась во мне.

Когда я опустил ее, и она схватила меня за руки, моя победа была полной.

Но это была не просто победа над ней...

Дело было в ее сладости.

Абсолютная чистота и невинность ее поцелуя.

Я никогда не испытывал ничего подобного.

Через несколько секунд я был тверд, как сталь.

И мне захотелось сорвать с нее это платье и овладеть ею — войти в нее глубоко и услышать ее крики экстаза...

Но я знал, что если зайду слишком далеко, она взбунтуется.

Она должна полностью сдаться мне, прежде чем я сделаю этот последний шаг.

Она должна умолять меня взять ее.

Но после четырех лет, в течение которых я не прикасался к женщине, меня почти переполнило желание.

Представьте себе, что вы четыре года не пробовали сахар — ни винограда, ни апельсинов, ничего.

А потом вы откусываете от самой вкусной клубники, которую когда-либо создавал Бог.

Я знал, что похоть одолеет меня, если не уйду в ту минуту.

Поэтому я сделал самое трудное, что когда-нибудь делал с женщиной.

Я остановился и оставил ее.

Кровь бурлила в моих венах.

Мой член пульсировал, твердый, как сталь.

Но я знал, что это единственный выход.

Я не уничтожу Рим, пока буду его завоевывать.

Она сама попросит меня об этом...

И тогда...

ТОГДА я овладею ею душой и телом.

Глава 14

Алессандра

Я *совсем* не выпалась.

В моей постели я снова и снова переживала этот момент.

Каждую секунду, когда Дарио обнимал меня, целовал, *присваивал*...

Каждое прикосновение, каждый вкус, каждое ощущение.

В конце концов, мои мысли свернули в более темную сторону.

Например, что я почувствую, когда он потянет платье вверх по моим бедрам, как шелк будет скользить по моей коже...

Что будет со мной, если он коснется меня между ног, где пульсировало от жара, влаги и вожделения.

Снова и снова я запрещала себе думать о подобных вещах...

И снова, и снова эти мысли настойчиво лезли в голову.

Я ворочалась на протяжении нескольких часов, пока наконец не наступил сон.

И даже *тогда* мне не стало легче.

Во сне он приходил ко мне снова и снова.

Иногда нежный...

Иногда грубый.

То он стаскивал с меня пеньюар...

Или разрывал его в клочья.

То нежно занимался со мной любовью...

Или брал меня, как животное, неистово и дико.

И каждый раз я вскрикивала, когда он входил в меня.

Ненавидела его...

И желала еще больше.

Пока я не проснулась утром от того, что простыни спутались вокруг меня.

Я перевернулась на бок и почувствовала огромный стыд.

Мафиози навязал мне себя, а я только дрожала и хотела большего.

Все проповеди, которые я когда-либо слушала, все предостережения о похоти снова зазвучали в моем мозгу.

Мне казалось, что за свои желания я могла попасть в ад.

Это был не обычный мужчина, о котором я фантазировала.

Он был преступником.

Головорезом.

Убийцей.

Мафиози.

То, что я хотела его против своей воли...

То, что мое тело так бурно реагировало на его прикосновения, предавая меня...

Что это говорило о моей душе?

Я чувствовала себя запятнанной грехом...

И впервые с тех пор, как я решила посетить церковь, чтобы попытаться бежать, вырваться из этого места и связаться с отцом, ощутила потребность облегчить свою душу и попросить прощения.

Мне грозило адское пламя за те чувства, которые внушал Дарио Розолини...

И я готова была на *все*, лишь бы избавиться от этих чувств раз и навсегда.

Я быстро оделась, но не в шелковое платье, которое он мне подарил, а в одно из тех, которые принесла из дома.

Я знала, что он не позволит мне уйти.

Мысли все время возвращались к вчерашней ошибке с телефоном. Я понимала, что мне придется собрать больше информации, если хотела сбежать отсюда.

Но как?

... Кэт.

Катерина расскажет мне все, что нужно. Я была в этом уверена.

Поэтому спустилась на кухню. Было еще достаточно рано, в доме стояла тишина. Я шла неслышно, не желая *ни с кем* столкнуться — в первую очередь с Дарио.

Я вошла на кухню, но там никого не было.

Но Кэт была где-то рядом. Об этом говорила нарезанная на разделочной доске клубника. И свежее тесто, отложенное для замеса.

Кроме того, на соседней стойке лежал ее мобильный телефон. Он был разблокирован, как будто она смотрела на него перед тем, как исчезнуть.

Я оглядела кухню. Похоже, поблизости ее не было.

Она могла знать, что мне запрещено пользоваться собственным телефоном... Поэтому я решила, что лучше *попросить прощения, а не разрешения*.

Я поспешно схватила телефон, открыла Google Maps и набрала — *Церковь рядом со мной*.

Карта увеличилась до крошечной деревушки. Я провела пальцами, чтобы понять, где я нахожусь по отношению к городу.

Но как бы я ни уменьшала масштаб, никаких признаков особняка Розолини не было. Только пустое зеленое пространство.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, в чем дело.

И вдруг услышала приглушенный крик, как будто кто-то всхлипывал в подушку.

Звук доносился из кладовки, всего в метрах десяти от меня.

Деревянная дверь была почти полностью закрыта... но оставалась маленькая щель.

Изнутри раздавались приглушенные крики...

Но в них не было печали.

Они звучали...

Страстно.

Я закрыла Google maps, положила телефон на стойку и медленно пошла на звук, сердце колотилось в груди.

Затем заглянула в щель почти закрытой двери.

То, что я увидела, повергло меня в шок.

И возбудило почти так же сильно, как поцелуи Дарио накануне вечером.

В кладовке Валентино занимался любовью с Кэт.

Ну... если честно...

Они не «занимались любовью».

Я покраснела и виновато перекрестилась, беззвучно произнося эти слова в голове:

Они трахались.

О, *Боже*, как они трахались.

Кэт была прижата к стене, ее платье задралось на талии.

Валентино стоял перед ней.

Его брюки были спущены чуть ниже задницы, а ноги Кэт были сжаты на его талии.

Рубашка прикрывала его верхнюю часть тела, но задница — голая, красивая, идеальная задница — двигалась вперед и назад, проникая между раздвинутых ног Кэт.

Раздался влажный звук шлепков кожи о кожу...

И Кэт впиалась ногтями в его спину.

Я видела ее лицо через его плечо.

Глаза были закрыты, а выражение лица находилось где-то между болью и экстазом.

Я не думаю, что она хмурилась от боли.

Потому что она пыталась сдержать крики наслаждения при каждом толчке Валентино.

Каждый раз, когда его красивая задница двигалась вперед, все ее тело содрогалось.

И из ее горла вырывалось тоненькое «ух – ух – ух – ух».

Иногда она кусала его за плечо или шею, чтобы не закричать.

А его руки... его большие, сильные руки... сжимали ее задницу, удерживая в воздухе без усилий, как куклу, пока он овладевал ею.

Я стояла в полном шоке.

Хотя знала, что такое секс.

Но я никогда не видела этого.

Ни в интернете, ни на видео, ни на экране.

И это было самое прекрасное, самое возбуждающее, самое поразительное, что я когда-либо видела в своей жизни.

Я была мокрой, как никогда раньше...

Даже больше, чем прошлой ночью, когда Дарио поцеловал меня...

Больше, чем в моих мечтах о том, как он будет меня жаждать.

Все, что я могла делать, это стоять, как загипнотизированная, и смотреть, как Валентино трахает ее, как зверь.

Вдруг крики Кэт стали нарастать и усиливаться.

Она уткнулась лицом в его плечо и издала один длинный, приглушенный крик.

«О, черт, о, *черт*, о, ЧЕРТ», — хрипел Валентино в ее волосы.

Внезапно он *сильно* и *глубоко* вошел в нее.

И они оба прижались друг к другу, будто умирая.

Наконец он оторвал свое лицо от ее волос, и они начали целоваться... нежно, страстно...

Но он все еще прижимался к ней, ее голая задница была зажата в его огромных руках...

Его тело все еще прижималось к ней.

Я не могла больше смотреть.

Сходила с ума от похоти и не могла этого вынести.

Все, о чем я могла думать, только о том, как бы мне хотелось оказаться на месте Кэт...

Но чтобы Дарио прижимал меня к стене, а *его* голая задница впиалась в меня своим мужским достоинством.

Я отпрянула от двери и вышла из кухни, наткнувшись прямо на Филомену.

— Ох! — воскликнула она, когда я, пошатываясь, вышла в коридор. — Ты в порядке, дитя?

Я уставилась на нее, как на инопланетянку.

Но знала, что не могла пустить ее на кухню — нельзя было допустить, чтобы Кэт поймали.

Но я должна была что-то сделать с непреодолимым вожделением в моем теле.

Стыдом, за то, что я подсмотрела страшный грех.

А еще хуже, что мне хотелось сделать это самой.

— Мне нужно пойти в церковь, — пробормотала я. — Мне нужно пойти на исповедь.

Она улыбнулась и чопорно кивнула.

— Хорошо. Я могу попросить одного из водителей отвезти тебя. Здесь недалеко есть деревня...

— Нет, — перебила я.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Почему нет?

Я поморщилась.

— Дарио не хочет отпускать меня из поместья.

Она нахмурилась.

— Конечно, нет... Зачем убийце позволять невинному делать то, что велит Бог?

Я поняла, что у меня появился союзник, и схватила ее за руки, умолая.

— Есть ли другой выход с территории? Как добраться до церкви?

Филомена оглянулась вокруг, словно боясь, что кто-то может ее услышать. Затем она снова повернулась ко мне и кивнула.

— Да... но я не могу тебя туда отвести. Могу встретить тебя там, но не отвести.

— Что? Почему?

— Просто поверь мне.

Она велела мне пройти в западное крыло, мимо часовни к дверному проему в дальнем конце коридора. Я узнаю его по вырезанному на дереве *fleur-de-lis* – изображению ландыша.

Подойдя к двери, я должна была постучать. Если ответа не будет, подождать минуту и снова постучать, затем стучать каждые 60 секунд, пока не будет ответа.

— Иди, — прошептала она. — Увидимся там.

Я сделала все, как она сказала, и пошла по коридору, не понимая, почему она отправила меня одну.

Найдя дверь, я постучала один раз. Ответа не было.

Я досчитала до 60 и постучала еще раз.

И на этот раз дверь распахнулась.

Я вошла в комнату и увидела маленькую, тесную прихожую. Филомена была там и предложила войти.

Когда я оказалась в прихожей, она быстро закрыла за мной дверь.

— Это часть коридоров для прислуги, — пояснила Филомена. — Они использовались на протяжении многих веков, чтобы слуги могли приходить и уходить, не беспокоя хозяев дома. Мне их показали, когда я начала здесь работать, но также сказали, что это способ покинуть территорию дома, если на нас нападут.

Мне не нужно было спрашивать, кто может напасть на поместье, потому что я и так знала — другие *мафиози*.

— Почему вы не могли сами привести меня сюда? — спросила я.

— Потому что у Розолини *везде* есть глаза, и они бы *убили* меня, если б узнали, что я привела тебя сюда.

Я хотела возразить, что нет... но слова замерли у меня в горле. Я боялась, что она права.

Филомена провела меня по маленькому коридору к другой двери и открыла ее. Там была лишь зияющая чернота, пока она не нажала на выключатель. Вдруг десятки лампочек, расположенных через каждые двадцать футов, осветили каменный проход, уходящий в бесконечность.

— Иди по проходу, — сказала Филомена. — Он заканчивается железной дверью, которая запирается изнутри. Если ее закрыть, то она уже не откроется. Ты окажешься в поле. Иди прямо, через лес, и в конце концов ты дойдешь до стены. Иди налево вдоль стены, пока не найдешь

пролом в камнях, затем увидишь небольшую деревню на другой стороне. Там есть церковь, где можно исповедаться.

Вдруг она схватила меня за руки.

— Дитя мое... Умоляю тебя, воспользуйся этой возможностью, чтобы сбежать. Это дом убийства и греха... Уходи из него и никогда не возвращайся.

— А ты? — спросила я. — Что они сделают, узнав о моем исчезновении?

— Они никогда не заподозрят меня, — последовал ответ. — Не волнуйся, со мной все будет в порядке.

— Почему бы тебе не пойти со мной?

Она грустно улыбнулась и покачала головой.

— Я старая женщина. Там нет места для меня. Я умру в страданиях. Но у *тебя* еще есть шанс. Уходи, пока они не поняли, что тебя нет.

— Спасибо, — прошептала я.

Она поцеловала меня в лоб.

— Да благословит тебя Господь.

Затем она повернулась и закрыла за мной дверь.

Я замерла на мгновение, охваченная страхом.

А затем радость пронеслась по моему телу.

Я был свободна!

Я побежала по каменному проходу так быстро, как только могла, ориентируясь на тусклые лампочки, висящие под потолком.

Наконец я добралась до конца коридора и нашла железную дверь, о которой она говорила.

Мне потребовались все силы, чтобы повернуть ручку. Она затрещала, но открылась.

Каменные ступени вели наверх, под густой полог подлеска. Дневной свет проникал сквозь крошечные просветы в ветвях.

Я придержала тяжелую дверь и вспомнила слова Филомены:

«Закрытая однажды, она уже не откроется».

Как только я отпустила дверь, мой выбор стал окончательным.

Меня охватил страх.

Но я вспомнила Дарио в часовне и его слова:

«Я буду делать с тобой все, что ЗАХОЧУ... Я сделаю тебя своей илюхой... и когда придет время, ты будешь умолять меня взять тебя».

Я вспомнила увиденное в кладовке — Кэт и Валентино, совокупающихся в темноте.

И хотя я хотела этого, но знала, что моя душа в опасности.

Если я останусь, Дарио будет преследовать меня...

И понимала, что в конце концов сдамся.

Поэтому отпустила дверь.

Она с металлическим лязгом закрылась за мной и защелкнулась.

Я попробовала ручку, чтобы убедиться.

Заперто.

Решение было принято. Не было другого пути, кроме как вперед.

Я пробиралась сквозь траву и кустарники к дневному свету и оставила Розолини — и Дарио — позади...

... навсегда.

Глава 15

Выйдя из зарослей, я оглянулась через плечо.

Западное крыло особняка находилось в двухстах футах позади меня, а основная часть дома была восточнее.

Я повернулась и побежала.

Все было так, как сказала Филомена — поле, потом лес.

Я продиралась сквозь заросли, пока не уперлась в каменную стену высотой не менее десяти футов.

Мне было не преодолеть ее, но тут вспомнила, что она мне говорила — *иди налево*.

Я сделала все, как она сказала, пока не обнаружила пролом в камнях — огромная щель, словно землетрясение раскололо стену на части.

Через него оказалось достаточно легко пройти, и я оказалась на холме с видом на крошечную деревню.

Осторожно, опасаясь змей, подобных той, с которой столкнулась на днях, я спускалась по голому склону, пока не вышла на пустынные мощеные улицы деревни.

Это было старое место — и гораздо меньше, чем Менсано, где проживало всего двести человек.

Если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что деревню населяло не больше пятидесяти человек. Умирающая деревня, населенная стариками, которые не хотели покидать свои дома.

Здесь было всего несколько каменных зданий, и одно из них было церковью. Она возвышалась надо мной, как реликвия прошлых веков.

Оглядевшись по сторонам, убедилась, что улицы пусты.

Тогда я открыла деревянную дверь церкви и вошла внутрь.

Под огромным сводчатым потолком находилось простое внутреннее убранство. В отличие от часовни в особняке, церковь казалась холодной и безликой. Стены не украшала никакая живопись — только голый камень.

— Эй? — робко позвала я.

Десятки деревянных скамей окружали меня со всех сторон, и я медленно пошла по центральному проходу. Вокруг было тихо.

— Эй? — снова сказала я, на этот раз громче. — Есть кто-нибудь?

— Да? — ответил мужской голос из задней части церкви, напугав меня.

Из мрака появился священник в черной рясе. У него было худое лицо с впалыми щеками и неухоженные седые волосы. Он шел, опираясь на трость, и смотрел вверх, словно искал что-то на стропилах.

Я поняла, что он слепой.

— Кто здесь? — позвал он.

Я быстро подошла к нему.

— Мне нужна ваша помощь.

Его пустые глаза устремились на мой голос, и он улыбнулся.

— Да, дитя мое?

Мне стало не по себе. В том, как он смотрел на меня, было что-то тревожное.

Но он был священником. Наконец-то я была в безопасности.

— Мне нужно позвонить отцу, — сказала я. — Он живет недалеко от Менсано.

— Ты находишься довольно далеко от дома. Что ты здесь делаешь? Твоя машина сломалась?

— Нет. Розолини держали меня в плену. Я только что сбежала.

— Розолини! — воскликнул он, и его лицо внезапно потемнело.

— Да.

— И ты сбежала, говоришь?

— Да.

— С тобой все в порядке?

— Да, отец.

— Они не воспользовались тобой?

— Нет.

— Они не... не *запятнали* тебя?

То, как он это сказал, было тревожно...

Как будто он представлял себе, как меня трогают — или даже хуже.

И казалось, что он почти наслаждается этим.

— Нет, они ничего не сделали, — сказала я, нахмурившись. — Но мне нужно позвонить отцу, чтобы он знал, что со мной все в порядке.

— Боюсь, что у меня нет телефона, моя дорогая.

— Нет? — изумленно переспросила я.

Он протянул руки и жестом указал на церковь вокруг себя.

— Как видишь, здесь мало что есть. Это старая деревня и еще более старая церковь. Мое сердце наполнилось отчаянием.

— Ну, у кого-то же в деревне должен быть телефон?

— Наверное, но ты же сбежала от Розолини, ты сказала?

— Да. Есть ли в деревне кто-то, кого я могла бы попросить воспользоваться телефоном?

— Как ты сбежала?

— Там был проход через заднюю дверь, — поспешно ответила я. — Мне очень нужно связаться с отцом — спасибо, но мне пора.

Я повернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — вдруг сказал он. — Я забыл — у меня есть мобильный телефон. Для экстренных случаев.

Я нахмурилась.

— Вы говорили, у вас его нет?

— Я так редко им пользуюсь, — сказал он с улыбкой, бесстрастно глядя в небо. — Вот и вылетело из головы. Пойдем, я могу дать его тебе позвонить.

Он начал постукивать тростью в направлении задней части церкви.

— Пойдем, пойдем, дитя мое. Пойдем со мной.

Мне было страшно... но я последовала за ним, когда он скрылся в тени.

Глава 16

В задней части церкви была комната. Не совсем жилое помещение, но в нем стояли стол и шкафы. Все остальное пространство использовалось как склад.

Священник закрыл за нами дверь в церковь. Я заметила справа от себя еще одну дверь поменьше, предположительно для выхода наружу.

— Садись, садись, — сказал он, идя на ощупь вдоль шкафов, стоящих вдоль стен. — Я уверен, что мой телефон где-то здесь — надо только найти его.

Я села на один из стульев и попыталась подавить нарастающую панику.

У меня было ограниченное количество времени, прежде чем Дарио и остальные обнаружат мое исчезновение. Может быть, несколько часов... а может, и тридцать минут.

Что произойдет, когда они обнаружат, что меня больше нет на территории?

Смогут ли они понять, куда я делась?

— Ты сказала, что сбежала от Розолини? — спросил старик, роясь в открытых ящиках.

— Да.

— Ты сказала, что они держали тебя в плену?

— Да.

— А почему?

— Я... в кафе моего отца произошло убийство. Я видела, кто это сделал.

Священник обернулся.

— Дитя мое! Ты в порядке?

— Да, отец.

— Это так ужасно... Мне так жаль, что тебе пришлось стать свидетелем этого...

— Спасибо, отец.

Он подошел к столу, сел и протянул мне руки.

— Дай мне свою руку. Пожалуйста.

Я неохотно вложила свою руку в его.

Его кожа была сухой, а пальцы костлявыми.

— Я рад, что с тобой все в порядке, — сказал он, погладив мою кожу.

— Вы можете найти телефон, пожалуйста? — попросила я, пытаюсь поторопить его. — Мне очень нужно позвонить отцу.

— Конечно, конечно, — успокаивающе сказал он, блуждая глазами по потолку. — Я просто хочу, чтобы ты знала, что здесь ты в безопасности.

— Спасибо, — сказала я, совсем не уверенная в этом.

— Как, ты говоришь, тебе удалось сбежать?

— Там был проход.

— И где именно?

Я нахмурилась.

— Какое это имеет значение?

Из-за двери в церковь послышался шум.

Я обернулась.

Дверь была все еще закрыта.

— Здесь есть кто-то еще? — испуганно спросила я.

— Нет, конечно, нет, — ответил священник. — Это очень старое здание... оно иногда издает звуки.

Я уставилась на дверь... но больше ничего не слышала.

— Мне нужно позвонить отцу, — повторила я.

— Конечно, конечно, — успокаивающе сказал он. — Я сейчас встану и найду телефон. Просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Розолини — чудовища, я уверен, что это было ужасно, когда тебя держали там против твоей воли.

— Все в порядке. Со мной ничего не случилось.

— Конечно, конечно. Теперь ты в безопасности. Это главное.

Он все еще держал мою руку в своей, и это было жутко... но я не могла вырвать ее. Вдруг за дверью раздался еще один звук, похожий на шарканье обуви по камню.

— Отец, вы уверены, что здесь больше никого нет?! — спросила я в панике.

— Я обещаю тебе, дитя мое, что мы одни.

Я внимательно прислушалась.

Но больше ничего не услышала.

Священник усмехнулся.

— Если кто-то и может услышать незваного гостя, то это я, ты согласна?

Я посмотрела в его невидящие глаза, изучающие воздух надо мной.

— Наверное...

— Так вот, тот проход, о котором ты говорила, — тот, что из особняка Розолини...

— Какое вам до него дело?! — воскликнула я, а затем отчаянно закричала. — Мне нужно позвонить отцу! Если вы скажете мне, где находится телефон, я найду его сама!

Я попыталась отдернуть руку.

Но священник крепко держал меня за запястье.

Я в ужасе уставилась на него.

Затем попыталась вырваться.

Он сжал меня еще крепче, его руки были как тиски.

— Ты должна сказать мне, как ты сбежала, — шипел он. — Если в поместье есть проход...

— Отпустите меня! — закричала я.

Вдруг за дверью послышался другой звук, как будто она со скрипом открывалась.

И мой ужас дал мне силы вырваться из рук священника.

— Стой! — крикнул он, когда я, спотыкаясь, направилась к маленькой двери на противоположной стороне комнаты.

Я проигнорировала его и выскочила через дверь на дневной свет.

Судорожно огляделась.

Я находилась в переулке между каменной стеной и церковью.

Слева от меня был тупик.

Справа от меня в шестидесяти футах была улица.

Я побежала.

В этот момент дверь за моей спиной распахнулась, и тяжелое тело повалило меня на булыжники.

Я попыталась закричать, но рука, пропахшая никотином, закрыла мне рот.

— Тихо, — шипел мне в ухо мужской голос, — или я выпотрошу тебя, как рыбу.

Сильные руки грубо перевернули меня на спину, и я оказалась перед незнакомцем с каштановыми волосами и всклокоченной бородой. Он был одет в дешевый костюм, от него пахло сигаретным дымом и потом.

А потом услышала за его спиной священника.

— Ты ее поймал?

— Да, — прорычал незнакомец. — А теперь возвращайся в церковь.

Священник тут же захлопнул дверь, оставив меня на милость нападавшего.
Незнакомец снова повернулся ко мне, в его глазах читалась злоба.
— Сейчас мы с тобой немного поговорим...
В этот момент я укусила его за руку.
Вкус дыма и грязи был отвратителен — но не так, как медный вкус крови.
— АААА! — закричал он, а затем влепил мне пощечину. — Ты, СУКА, за это заплатишь!
Одной рукой он прижал мое лицо к булыжникам, а другой стал возиться с ремнем.
Раздался металлический звон пряжки и звук кожаного ремня.
— НЕТ! — закричала я.
Он гоготнул.
— Ты заплатишь мне за то, что ты...
Его прервал рык мощного двигателя — сначала далекий, потом быстро приближающийся.
Мужчина застыл на мне и слушал, как все громче ревет мотор.
На улице завизжали шины, открылась дверь машины.
И голос Дарио закричал.
— АЛЕССАНДРА!
Незнакомец попытался закрыть мне рот, но я вырвалась и закричала:
— ДАРИО!
Незнакомец в отместку дал мне пощечину, а затем с трудом поднялся на ноги.
Я оглянулась. Дарио бежал по переулку в нашу сторону, в его глазах читалась готовность к убийству.
Мужчина потянулся к пиджаку и что-то вытащил.
Сначала я испугалась, что это пистолет.
И тут я услышала *щелчок* открывающегося ножа.
Дарио резко остановился.
Мужчина бросился на него.
Дарио отпрыгнул назад.
И тут мужчина снова замахнулся.
Дарио поймал руку незнакомца и ударил его коленом в локоть, сломав его с треском.
— ААААА! — закричал незнакомец, упав на колени.
Дарио вырвал нож из руки мужчины, бросил его на булыжники и отшвырнул подальше в сторону.
Затем он совершенно обезумел.
Он ударил кулаком по лицу мужчины.
Снова...
И еще раз...
И еще раз.
Кровь брызнула на камни.
А Дарио продолжал наносить удары по лицу незнакомца.
Наконец он остановился и позволил мужчине упасть на землю.
Когда он наконец повернулся ко мне, Дарио был похож на демона. Его лицо было олицетворением убийства.
Я думала, что в ярости он убьет меня.
Когда он протянул ко мне руку, я скорчилась в грязи.
Но он лишь сказал.
— Ты в порядке?

Я замерла, дрожа, и кивнула утвердительно.

— Он не причинил тебе вреда? — спросил Дарио.

Я покачала головой.

— Он пытался, но... ты вовремя подросл.

Выражение лица Дарио стало еще мрачнее, если это было возможно.

Он снова повернулся к незнакомцу. На секунду мне показалось, что он собирается разорвать его на части.

В этот момент у церкви раздался рев другого двигателя.

Завизжали шины, распахнулись двери, и в переулок вбежали Адриано и Массимо.

— Что, черт возьми, произошло?! — крикнул Адриано.

— Обыщите церковь! — крикнул Дарио, затем повернулся ко мне. — Там был кто-то еще?

— Священник, — заикнулась я.

— Ты слышал ее — иди! — бушевал Дарио.

Адриано побежал к входу в церковь. Массимо открыл дверь, из которой я вышла, и скрылся внутри.

Дарио встал на колени рядом со мной и положил свои сильные руки мне на плечи.

Я подумала, что он может встряхнуть меня или ударить.

Но он лишь пристально смотрел мне в глаза.

— ... ты уверена, что с тобой все в порядке? — спросил он тихим голосом.

Я попыталась кивнуть в знак согласия.

Но мои глаза наполнились слезами, и я разрыдалась.

Он опустил на землю рядом со мной и обнял меня.

— Ш-ш-ш... все кончено... ты в безопасности, — прошептал он мне на ухо. — Ты в безопасности.

Он держал меня, пока мои рыдания не стихли — и тут я услышала крики со стороны церкви.

— Убери руки! — слышался знакомый голос старика.

— Пойдем, — сказал Дарио, без труда подняв меня на ноги.

Он обнял меня за плечи и поддерживал, пока мы шли к входу в церковь.

На пустынной улице, рядом с полуночно-синим Бугатти стоял черный Мерседес.

Священник стоял на коленях на земле перед машинами.

Массимо находился позади него; массивная рука на плече старика заставляла его оставаться на коленях.

В нескольких шагах от него Адриано расхаживал взад-вперед, как разъяренная пантера, с пистолетом в руке.

Когда мы с Дарио вышли из переулка, Адриано жестом пистолета указал на священника.

— Этот *stronzo* ведет себя так, будто не понимает, что происходит.

— Оставьте меня в покое! — закричал старик.

Дарио кивнул Адриано, и тот приставил ствол пистолета ко лбу старика.

— Пора ответить на несколько вопросов, *padre* (*ит. - отец*), — прорычал Адриано.

— Подождите — остановитесь — для этого нет причин, — сказал священник паническим голосом.

— На кого ты работаешь? — спросил Дарио.

Невидящие глаза священника проследили за голосом Дарио.

— Церковь — я работаю на Церковь! На Папу, на Рим, на Ватикан!

— Я имею в виду *того*, кто набивает твои карманы.

— Я ничего не *делал*! Вы должны мне поверить!

Дарио посмотрел на меня.

— Что случилось?

— Он знал человека, который напал на меня, — сказала я. — Священник *послушался* его.

Как только он услышал мой голос, выражение лица старика изменилось с испуганного на покорное.

— Черт побери... Я подумал, что, может быть, он успел удрать с ней. — Затем священник ухмыльнулся. — Похоже, что нет.

Я изумленно уставилась на него.

Он притворялся, что боится. Все это было ложью.

Адриано тоже выглядел ошеломленным.

— Что это за ублюдок?!

— Наверное, даже не священник, — мрачно сказал Дарио. — Кто твой сообщник, которого я чуть не убил там?

— Спроси его сам, придурок, — прохрипел старик.

Адриано поднял пистолет и ударил его по лицу.

Старик вскрикнул и опустился на четвереньки.

Несмотря на его подлые намерения по отношению ко мне, я все равно вскрикнула от боли.

В конце концов, он был пожилой человек — и священник.

Или, по крайней мере, *одет* как священник.

Но следующий звук, вырвавшийся из его уст, пробрал меня до костей.

Он начал смеяться... сначала тихо хихикая, потом все громче и громче.

— Кто же ты *на самом деле*? — спросил Дарио.

— Ты бы хотел узнать?

— Хорошо. Ты расскажешь, когда мы вернемся в дом и Адриано займется тобой.

— Чертовски верно, — прошипел Адриано.

— Я так не думаю, ты...

И старик разразился целой вереницей мерзких ругательств, которые шокировали бы, произнесенные даже моряком, не говоря уже о священнике.

Адриан снова ударил его пистолетом, вскрыв порез на щеке.

Старик зарычал, но на этот раз не закричал.

— Осторожнее, старик, — предостерег его Дарио, — а то мой брат отправит тебя на вечную каторгу.

— Если так, то увидимся в аду, Дарио Розолини.

Старик усмехнулся.

И вдруг его рот начал пениться.

— Что за... — воскликнул Массимо.

— Цианид! — прорычал Дарио.

Он подскочил к священнику и ткнул пальцем в рот, пытаясь выковырять яд, который был внутри.

Но было уже поздно.

Тело старика дернулось несколько раз, а затем он рухнул на землю. Белая пена продолжала вытекать из его ухмыляющегося рта.

Дарио вдруг словно что-то понял.

— Тот, что в переулке! — крикнул он Массимо. — Беги за ним, СЕЙЧАС!

Массимо повернулся и побежал так быстро, как только мог.

Тем временем Дарио с отвращением вытер руку о рясу поддельного священника.

— Он мертв. — Донесся из переулка голос Массимо через несколько секунд. — То же самое — цианид.

Дарио выругался, а затем крикнул:

— У него есть бумажник? Телефон? Какие-нибудь документы?

Наступила пауза, затем Массимо сказал.

— При нем ничего нет.

— Что будем делать? — спросил Адриано у Дарио.

— Пусть Массимо положит их в багажник и отвезет к нам. Хочу, чтобы ты перерыл церковь в поисках хоть какой-нибудь зацепки, которая даст понять, на кого они работали. Я пришлю Валентино тебе в помощь.

— Священник сказал, что у него есть сотовый телефон в задней части, — сказала я, указав на заднюю часть церкви.

— Начинай оттуда, — приказал Дарио своему брату.

— Мы действительно хотим, чтобы в доме была пара трупов? — спросил Массимо, подойдя к нам.

— Я не хочу, чтобы они валялись *здесь*, пока Адриано будет все разгребать. Нам чертовски повезет, если сюда не явятся копы.

— Копы — *наши*, — сказал Адриано.

— Да, и священники тоже никогда не кончают жизнь самоубийством, — огрызнулся Дарио. — Кто бы ни заплатил этим придуркам, он может заплатить и полиции, чтобы она трахнула нас.

— Понял, — сказал Массимо. Он наклонился, чтобы поднять священника, пока Адриано открывал багажник Мерседеса.

— Пойдем, — сказал Дарио, взяв меня за руку.

— Куда мы собираемся? — испуганно спросила я.

— А ты как думаешь? — гаркнул он, потянув меня к Бугатти.

Как только мы оба оказались внутри спортивной машины, он завел двигатель и выехал на улицу.

— Дарио... — прошептала я.

— Не надо, — прорычал он, даже не взглянув на меня.

— Но...

Он повернулся и уставился на меня глазами, полными ярости.

— ... спасибо, что спас меня, — прошептала я.

Он еще секунду смотрел на меня, а затем снова повернулся к дороге.

По дороге в особняк ни он, ни я не произнесли больше ни слова.

Глава 17

Дарио

Сначала я почувствовал только облегчение от того, что Алессандра в безопасности.

Вскоре меня накрыла злость на нее за то, что она меня ослушалась.

Но я отложил это на потом.

Были более важные вещи, о которых следовало беспокоиться.

Два дня назад мы перехватили шпиона на нашей территории. Ларс застрелил его в кафе Алессандры, но мы так и не поняли, что он там делал.

Теперь я узнал, что менее чем в миле от моего дома было еще *два* шпиона.

И один из них под прикрытием священника.

Шпионы, которые покончили с собой, чтобы не подвергаться допросу...

... вероятно, потому, что знали — их будут пытаться, и что мы в конце концов сломаем их.

Но они могли просто *рассказать* нам. Я бы оставил их в живых, даже *заплатил* им, если бы они сдали тех, кто их нанял.

Но вместо этого они предпочли предательству самоубийство.

Кто, черт возьми, из наших врагов может добиться такой преданности?!

Я даже не был уверен, что люди из *нашей* организации готовы умереть за мою семью. Не так.

Единственные, в ком я *был* уверен, это мои братья и Ларс.

Кто же этот призрачный противник, следящий за каждым нашим шагом?

И каков его план?

Глава 18

Алессандра

Никколо, Ларс и Валентино ждали нас, когда Бугатти Дарио въехал в гараж.

— Я говорил с Адриано по телефону, — сказал Никколо, как только мы вышли из спортивной машины. — Что, черт возьми, случилось?!

— Валентино, отведи ее в кабинет, — приказал Дарио. Он, Ларс и Никколо остались в гараже, чтобы поговорить.

Младший брат Розолини пошел со мной в дом. Он сочувственно покачал головой.

— Я бы не хотел оказаться на *твоем* месте за все золото Ватикана.

Десять долгих, мучительных минут я провела в кабинете в ожидании своей участи.

Но если я думала, что Дарио злился на меня, то это было *ничто* по сравнению с Никколо.

— Что с тобой НЕ ТАК?! — зарычал он, как только вошел.

— Я не хотела, чтобы что-то случилось! — воскликнула я. — Я просто хотела увидеть священника...

— А тебя чуть не убили! Теперь ты понимаешь, что у нас *повсюду* враги?! Что эти правила, исполнения которых мы от тебя требуем, призваны обеспечить твою *безопасность*?!

— Прости меня! — сказала я, едва сдержав слезы.

Следующие несколько минут Никколо задавал вопросы о том, что произошло с момента моего появления в церкви и до того, как Дарио спас меня.

Я каждый раз отвечала ему честно — до тех пор, пока он не спросил.

— А что ты сказала священнику?

— Ничего!

— Не надо мне этого говорить! — закричал он. — От того, что ты ему сказала, зависит безопасность всех в этом доме! Что это было?!

Я попыталась вспомнить, что сказала слепому.

— Я сказала ему, что пришла из вашего дома, меня держали в плену — вот и все, клянусь!

— А он спросил, как ты сбежала?

— Да, но я не стала рассказывать ему никаких подробностей.

— Кстати говоря, а *как* ты выбралась?

Я перебирала в уме возможные варианты.

Если бы я призналась, что знала о тайном выходе, у Филомены были бы серьезные неприятности.

Я вспомнила ее слова:

«Они убьют меня, если узнают, что я привела тебя сюда».

Я не могла подвергнуть ее такой опасности... не тогда, когда она только пыталась мне помочь.

Никколо понял, что я тяну время.

— Мне нужна ПРАВДА, а не самая лучшая ЛОЖЬ, которую ты можешь придумать! — прорычал он.

Я рассказала как можно меньше, пытаясь придумать правдоподобное объяснение.

— ... в стене, окружающей территорию поместья, есть проход, — сказала я.

— Мы знаем об этом — он был там всегда. Мой дедушка сбежал через него 50 лет назад вместе с моей бабушкой, отцом и дядей, когда на поместье напала конкурирующая семья. Мой дед считал, что это к удаче, и отказался заделывать его, а мой отец последовал его примеру. Но как *ты* его нашла?

Он ничего не сказал о тайном выходе из особняка...

Я промолчала, надеясь, что он не знает, что я сбежала именно таким образом.

— Я... я просто сделала это, — неуверенно сказала я.

— Этого недостаточно!

— Я пыталась сбежать с того момента, как попала сюда! Ты не думал, что я *в конце концов* найду его? — окрысилась я. — Звучало это гораздо смелее, чем чувствовала себя.

Никколо недоверчиво посмотрел на меня.

— Но откуда ты знаешь о церкви? Как ты узнала, где находится деревня?

Я испугалась, что мне придется сказать ему правду.

И тут я вспомнила, что произошло до того, как я встретила Филомену в коридоре.

Я была на кухне...

Там я увидела, как Кэт и Валентино занимаются сексом в кладовке...

Но перед этим я сделала кое-что еще.

То, о чем совсем забыла.

— Посмотрела в мобильном телефоне, — сказала я. — Я искала ближайшую церковь на Google Maps, и он подсказал мне, в какую сторону идти.

— Кто дал тебе свой телефон?! — возмутился Никколо, и я поняла, что, пытаясь спасти свою шкуру, я, возможно, обрекаю Катерину на гибель.

— Никто! Он просто лежал там, когда я пробралась на кухню, — сказала я, пытаясь скрыть личность Кэт.

— Что, сотовый телефон просто *удобно* лежал на столе, не заблокированный и готовый к использованию?

— Думаю, что тот, кому он принадлежал, просто отошел на минутку. Я посмотрела карту, а потом положила его на место. Клянусь, это правда.

Никколо бросил на меня взгляд.

— Я проверю твою историю.

Я молилась, чтобы даже если он допросит Катерину, Валентино пришел ей на помощь.

— А пока, — продолжал Никколо, — тебе лучше помириться кое с кем другим.

— ... Дарио, — виновато сказала я.

В этот момент кто-то легонько постучал в дверь.

— Войдите, — рявкнул Никколо.

В комнату вошел мужчина. Он нес серебряный поднос, на котором лежали полотенца, бинты, тюбики с мазями и ведро со льдом.

— Отдай это ей и оставь нас, — приказал Никколо.

Слуга протянул мне поднос, который я в растерянности взяла.

— Что я должна с этим делать?

— Иди к Дарио и позаботься о его руке... которую он повредил, спасая ТЕБЯ, — огрызнулся Никколо.

Мои глаза расширились.

— Не думаю, что это хорошая идея...

— О, ты не думаешь, не так ли? Тогда, возможно, тебе стоит пересмотреть свое решение послушаться его и сбежать с территории — о, подождите! Слишком поздно для *этого*! — насмешливо сказал Никколо. — Иди в его личный кабинет на третьем этаже. Поверни направо на верхней площадке лестницы, затем через две двери налево. Помирись с ним, *какой бы ни была цена*. Понятно?

Я кивнула... и с ужасом подумала, какой может быть эта цена.

Выходя, я остановилась и обернулась к Никколо.

— Да? — требовательно спросил он.

— Как Дарио узнал, где я нахожусь?

Никколо посмотрел на меня, как на идиотку.

— Ты что, забыла свою вчерашнюю истерику? Как только мы обнаружили, что ты пропала, то догадались, что ты направляешься в ближайшую церковь. Слава богу, мы были правы.

— Но... почему Адриано и Массимо тоже появились?

— В качестве подкрепления, конечно! — крикнул Никколо. — Ты что, думаешь, мы позволили бы главе семьи разгуливать без охраны?

Я нахмурилась. Дарио появился первым, почти на минуту раньше. Если бы кто-то ждал, чтобы причинить ему вред, Адриано и Массимо прибыли бы слишком поздно.

— Но...

— ДВИГАЙСЯ! — крикнул Никколо, и я быстро выскочила из комнаты.

Но, уходя, не могла отделаться от ощущения, что не все, сказанное им, было правдой.

Глава 19

Следуя указаниям Никколо, я нашла в конце коридора закрытую дверь. И осторожно постучала.

— Войдите, — раздался приглушенный голос Дарио.

Я вошла в комнату и увидела, что он смотрит на меня из-за изысканно инкрустированного стола. Полки на стенах были заставлены книгами в кожаных переплетах и старинными мраморными бюстами.

— Что тебе нужно? — процедил он сквозь зубы.

Я подняла поднос. Его содержимое слегка зазвенело в моих дрожащих руках.

— Никколо сказал, что... что я должна зайти и позаботиться о твоей руке.

Дарио прищурился.

— И это все?

— ... и поблагодарить тебя. Еще раз. За то, что спас меня.

Он сердито уставился на меня.

— И?

— ... и извиниться. За то, что сбежала.

— За то, что ослушалась меня, — прорычал он.

Еще пару часов назад эти слова — *За то, что ослушалась тебя* — застряли бы у меня в горле. Если бы я вообще их произнесла, то выплюнула бы их в гнев.

Но за эти два часа многое произошло.

Все, что я чувствовала, это запах никотина, когда незнакомец закрыл мне рот...

И все, что я слышала, это звук пряжки его ремня, когда он расстегивал брюки.

— ... за то, что ослушалась тебя, — прошептала я.

Это, похоже, несколько удовлетворило Дарио. Кивнул головой, и я подошла к нему.

Рядом с его креслом стоял пуфик. Я присела на него, чтобы сделать свою работу.

Я нежно взяла его руку в свою и осмотрела ее. Он смыл с нее кровь нападавшего, но костяшки пальцев были в синяках, царапинах и опухли.

Я положила в одно из полотенец немного льда, смочила тряпку талой водой из ведра и приложила к его руке.

Все это время он сердито наблюдал за мной.

Я то поднимала на него глаза, то отводила их, продолжая прикладывать лед.

Наконец он заговорил.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотел, чтобы ты покидала территорию? Почему я отказал тебе в просьбе пойти в церковь?

— Да, — пробормотала я, опустив глаза.

— Два дня назад в вашем кафе появился один из наших врагов. Теперь мы обнаружили шпионов в миле от моего дома, один из них маскировался под священника, не меньше. Когда я приказываю тебе что-то сделать, то делаю это не только для того, чтобы защитить семью, но и для того, чтобы защитить тебя. Люди, которые хотят нас убить, с радостью сделают то же самое с тобой только потому, что ты остаешься здесь.

Хотелось сказать:

— Я думаю, ты имеешь в виду «только потому, что тебя здесь удерживают».

Но решила, что сейчас не время озвучивать свои мысли.

— Я знаю, — только и пробормотала я.

— Все чаще я вижу, что люди вокруг меня — либо мои враги, либо подкуплены моими врагами.

— А разве у вас нет союзников? — спросила я.

— С тех пор как умер мой отец, кажется, нет, — с горечью ответил он.

Несколько минут мы больше ничего не говорили.

Наконец я отняла мокрое полотенце, высушила его руку и стала мазать ее приятно пахнущей мазью. Затем обмотала бинтом костяшки пальцев и ладонь.

Процесс был медленным и расслабляющим. В конце концов, мой страх начал ослабевать.

Его рука была огромной — она намного превосходила мою. А его пальцы были такими мозолистыми... такими грубыми и мужественными...

Закончив, сложила все обратно на поднос.

— Я тебя оставляю.

Встала, чтобы уйти, и была уже на полпути к двери, когда он сказал:

— Стоп.

Я медленно повернулась и посмотрела на него. У меня свело живот.

— ... да?

Он злобно улыбнулся.

— Ты ослушалась меня. Неужели ты думала, что тебе удастся уйти безнаказанной?

Мое сердце заколотилось.

— Прости меня, — прошептала я. — Я обещаю больше так не делать.

Он встал из-за стола.

— Меня не волнует, что ты обещаешь делать в будущем; меня волнует только то, что ты уже *сделала*. А теперь иди сюда.

Я робко подошла к столу, боясь, что он может сделать.

— Снимай трусики, — приказал он.

Я уставилась на него.

— Ч-что?

— Ты меня слышала.

— Я...

Самое глупое оправдание вырвалось с моего языка.

— ... я не могу. У меня руки заняты.

— Положи это.

Я тяжело сглотнула и поставила поднос на стол.

— Теперь сделай это, — приказал он.

— Я... пожалуйста, не надо, — умоляюще произнесла, посмотрев ему в глаза.

Он обогнул стол и прорычал.

— Мне не нужны твои слезы — я хочу, чтобы ты *подчинялась мне*. А теперь снимай трусики.

Я напряглась, представив себе самые ужасные вещи, которые он сейчас со мной сделает.

Я медленно наклонилась к подолу своего платья...

... задрала его с двух сторон, чтобы хотя бы спереди было прикрыто...

... и медленно стянула с себя нижнее белье, позволив ему упасть на лодыжки.

Затем отпустила платье и позволила ему снова коснуться колен.

Я не могла смотреть на него, пока делала это. Мое лицо пылало, а все тело дрожало от страха.

— Выйди из них, — сказал он хриплым голосом. В его голосе больше не было злости.

Я подняла на него глаза.

Теперь в его лице было что-то еще, когда он смотрел на меня, — желание.

Мое дыхание стало тяжелым, грудь поднималась и опускалась, я медленно отходила от него, оставив нижнее белье на полу.

Я вспомнила наш поцелуй накануне вечером, и вдруг почувствовала нарастающий жар между ног.

Но я не думала, что сегодняшний вечер закончится только поцелуем.

Это одновременно и возбуждало меня...

И пугало.

Он подошел и встал рядом со мной.

— Подними платье до бедер, — приказал он низким голосом. — И смотри на меня, пока делаешь это.

Я смотрела в его темные, страшные глаза, наклоняясь и медленно поднимая платье к бедрам.

Его рука потянулась вниз и схватила подол моего платья.

— Пожалуйста... — испуганно сказала я.

— Молчи, — ответил он низким рычащим голосом.

Я закрыла рот, хотя мои губы дрожали от страха.

Он смотрел на меня, а я смотрела на него...

И тут я почувствовала, как кончики его пальцев, легкие, как перышко, коснулись внутренней стороны моих бедер.

— О, — задохнувшись, прошептала я.

— Кто-нибудь раньше прикасался к тебе здесь?

У меня пересохло во рту, и я не могла говорить. Все, что я могла сделать, это покачать головой в знак отрицания.

— Значит, я первый, — пробормотал он.

Его пальцы медленно провели по внутренней стороне моей ноги.

Я всхлипывала от страха и стыда.

Страх был понятен.

Стыд возник от того, что я позволила мужчине делать это со мной.

От того, что я позволила *Il Mostro* делать это со мной.

И мне хотелось, чтобы он сделал еще больше.

Его пальцы добрались до верха моих ног... и остановились.

Я смотрела в его темные глаза и чувствовала, что тону.

Мне хотелось кричать:

— *Стоп!*

... но другой голос внутри меня шептал.

— *Продолжай... Пожалуйста, продолжай...*

Он прислушался к этому шепоту.

Его палец касался моих волосков, щекоча меня, поглаживая...

И вдруг кончик его пальца нащупал влажную голую кожу.

Я задохнулась.

Он медленно скользил по моим губам, пока не добрался до верха...

Где его палец нашел набухшую жемчужину желания.

Он начал медленно обводить ее...

Нежнейшие прикосновения...

И я застонала.

Никогда не испытывала *ничего* подобного.

Никто никогда не трогал меня там...

И уж *тем более* я сама никогда не делала ничего подобного.

Это было греховное удовольствие.

Похоть, желание и все то, о чем меня вечно предупреждали.

И мне это *нравилось*.

Но я пыталась сопротивляться...

Действительно пыталась.

— Остановись, — прошептала я, когда кончик его пальца медленно ласкал меня.

— Нет, — тихо прорычал он мне в ухо.

Он начал обводить по кругу с чуть большим нажимом...

И удовольствие внутри меня удвоилось.

— О, пожалуйста... остановись, — простонала я.

Его губы коснулись моего уха. Я задрожала, когда он прошептал:

— Нет.

Его палец начал двигаться вверх-вниз.

Маленький центр удовольствия между моих ног становился все горячее и горячее. Я почувствовала невероятную потребность, ужасное желание, чтобы что-то заполнило меня — чтобы что-то вошло в меня, глубоко вошло в меня.

— Пожалуйста, остановись! — я всхлипнула — не со слезами, но переполненная наслаждением, эмоциями и чувствами, которые я даже не могла себе представить.

— Нет, — произнес он с гортанным рычанием.

Другая его рука потянулась к переду моего платья и нашла правый сосок, твердый и упругий под лифчиком... и он начал гладить его тоже.

Между моих ног его палец начал тереть быстрее и сильнее.

Другими пальцами он слегка пощипывал мой сосок...

И мне показалось, что мои ноги могут подкоситься.

Я вцепилась в его мускулистые руки и держалась изо всех сил.

Самое приятное тепло, какое только можно себе представить, волной прокатилось от бедер вверх по телу.

Мои веки непроизвольно затрепетали и закрылись — я больше не могла держать их открытыми.

— О БОЖЕ! — вскрикнула, ощутив, как наслаждение заполнило все мое тело.

Волны экстаза охватили меня. Мышцы, о которых я и не подозревала, затрепетали в моем животе.

Мои ноги подкосились, и я рухнула на стол.

Внезапно его рот оказался на моем, его губы крепко прижались к моим.

Я отчаянно целовала его, а жар и наслаждение внутри меня достигли крещендо.

Впившись пальцами в его руки, отстранилась от его губ и закричала так, словно умирала.

Через несколько секунд его палец начал замедляться...

И давление стало ослабевать, пока он нежно обводил крошечную жемчужину желания между моих ног.

И все же волна за волной удовольствие прокатывалось по моему телу.

Не такая мощная... не такая интенсивная... скорее похожая на шум воды на пляже после того, как огромная волна обрушилась на песок.

Наконец все закончилось... но я так и осталась с закрытыми глазами, не желая, чтобы это заканчивалось.

Я почувствовала, как он убрал руки с моих бедер и груди.

Через несколько секунд Дарио поднял меня и поставил на ноги.
Я открыла глаза и замерла в оцепенении.
Дарио смотрел на меня. Он выглядел безумным...
Или охваченным безумным голодом...
Как голодный волк, которому осталось несколько секунд до того, чтобы сожрать олененка.

— Убирайся, — хрипло сказал он.

Я уставилась на него в замешательстве.

— ... что?

— Это было твое наказание. Теперь убирайся.

Я нахмурилась.

— Но...

Он наклонился к моему лицу и сердито сказал.

— Убирайся... *ВОН*.

Я отпрянула от него, внезапно устыдившись того, что только что произошло...

Мне было стыдно за влагу, покрывающую внутреннюю поверхность моих бедер...

Стыдно за то, что я хотела *большего*.

Я нагнулась, чтобы подобрать с пола свои трусы.

— Оставь их и **УБИРАЙСЯ!** — громыхнул он.

Я, спотыкаясь, выбежала из комнаты, слезы текли по моему лицу.

Поспешила в свою комнату, где рухнула на кровать и разрыдалась...

... и о своей потерянной невинности...

... и от его обескураживающей жестокости.

Глава 20

Дарио

Я почти потерял контроль над собой.

Если бы она осталась еще на мгновение, я мог бы это сделать.

Ощущение ее груди под моей рукой — ее сосок между моими пальцами...

Ее влажность, когда я обводил ее клитор.

Как она кричала, когда кончала.

Я чувствовал себя животным.

Мой член был тверд под брюками, как сталь. Она сделала меня таким твердым, что мне было *больно*.

Я хотел повалить ее на стол и изнасиловать, войти в нее глубоко и трахать, как разъяренный бык.

Но она была девственницей.

Это причинило бы ей боль — превратило бы все ее удовольствие в мучение.

И я дал обещание.

Я не возьму ее, пока она не будет умолять.

Поэтому я должен был заставить ее уйти, прежде чем поддаться своим животным желаниям.

Она смотрела на меня раненными глазами, когда я кричал, чтобы она ушла, но в конце концов она подчинилась.

Прислонившись к столу и задыхаясь от желания, еще долго чувствовал в воздухе ее запах после того, как она ушла.

Я поднял палец, которым прикасался к ее клитору, и попробовал ее на вкус.

Она была одновременно сладкой и мускусной... как арбуз с нотками гвоздики...

И я понял, что в следующий раз, когда буду ее «наказывать», мне придется попробовать ее на вкус по-настоящему.

Глава 21

Алессандра

Вечером Филомена принесла мне на подносе ужин. Расставив еду, она мягко сообщила, что Никколо приказал мне оставаться в своей комнате до дальнейших распоряжений.

Наверное, это было к лучшему. Я не представляла, как смогу еще раз встретиться с Дарио после того, что он со мной сделал, а тем более увидеть его на глазах у всех братьев.

Поев, я почувствовала сонливость и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Когда я проснулась на следующее утро, все физическое напряжение в моем теле исчезло. Я чувствовала себя такой расслабленной...

Но еще я чувствовала печаль, пока лежала в лучах раннего утра.

Все, о чем я могла думать, был Дарио...

Его руки касались меня...

Доставляли мне такое удовольствие...

А потом он повел себя, как доктор Джекил и мистер Хайд, и выгнал меня из комнаты.

Я ощущала себя ужасно и по другой причине.

Никто и никогда не делал со мной *ничего* подобного.

Понимала, что это неправильно...

Позволять так прикасаться к себе до брака...

Быть с мужчиной вне брака...

Но мне это *понравилось*.

И мне было стыдно, что я хотела большего.

Я пыталась сопротивляться, но то, что Дарио заставил меня пережить, оказало на меня слишком сильное впечатление.

Я набралась смелости, пока лежала в постели...

Задрала пеньюар...

И нерешительно потрогала себя между ног.

Я никогда не делала этого раньше, и это было неловко и недостаточно.

Я пыталась подражать действиям Дарио... но даже когда нашла то место, где вчера его прикосновения ощущались так приятно, это все и близко не было так хорошо, как это делал он.

Мне *хотелось*, чтобы ко мне прикоснулся ОН.

Я закрыла глаза...

И представила себе его запах — дорогой одеколон, который он носил...

Завораживающую глубину его темных глаз...

Его мускулы...

И по мере того, как я трогала себя и думала о нем, мое удовольствие нарастало в считанные секунды.

Я представила, что это *его* палец ласкает меня.

Крошечные волны удовольствия прокатились по моему животу...

Но это *все равно* было не так замечательно, как с ним...

И я оставила попытки.

Мало того, мне было стыдно, что я сделала то, чего не должна была делать.

— *Хотя*, — подумала язвительно, — *вряд ли я скоро пойду на исповедь*.

Приняв душ и одевшись, я спустилась на кухню.

Как только Кэт увидела меня, она молча отвернулась.

О нет...

— Никколо говорил с тобой? — я вздрогнула, услышав ее вопрос.

Кэт смотрела на меня одновременно с гневом и страхом.

— Из-за тебя меня могли убить — ты ведь это *знаешь*?!

— Я не говорила ему, что это ты! — яростно запротестовала я. — А просто сказала, что нашла телефон и посмотрела в него...

— А потом ты убежала и ослушалась Дона Розолини! — шипела она. — Никколо пригрозил мне увольнением! Я могла потерять *все*!

— Я просто подумала, что Валентино вмешался бы и защитил тебя, — пробормотала я.

Кэт насторожилась.

— А почему он должен был сделать *это*?

— Ну... потому что... ты знаешь.

Кэт выглядела немного испуганной.

— Нет, не знаю.

Я в отчаянии наклонила голову в сторону.

— Я видела тебя вчера в кладовке.

Глаза Кэт чуть не вылезли на лоб — и тут она зарылась лицом в руки.

— Боже мой... Боже мой, Боже мой, Боже мой...

— Я не сказала Никколо, — прошептала я.

Кэт подняла голову и посмотрела на потолок.

— Я *говорила* ему, что мы не можем делать это здесь... я *говорила* ему, что нас поймают... — затем она сердито посмотрела на меня. — А ТЫ — ты, маленькая извращенка, шпионишь за нами!

Я покраснела.

— Я... я сожалею...

Кэт нахмурилась.

Потом уголок ее рта слегка дернулся...

И она разразилась хохотом.

— Святая дева, твое лицо!.. Я просто шучу с тобой. То есть, я не очень *рада*, что ты наблюдала за нами — но, скажем так, я довольна, что это была *ты*, а не кто-то другой. — Кэт коварно улыбнулась. — Если честно, я бы тоже подсмотрела.

Я все еще чувствовала себя совершенно ошеломленной и не могла говорить.

Она хихикнула и похлопала меня по руке.

— Все хорошо, все хорошо, — сказала она, а потом посмотрела на меня, как на непослушного ребенка. — Но я все еще злюсь из-за телефона.

— Я сделаю все, что угодно, чтобы загладить свою вину, — пообещала я.

— Хмф, — игриво сказала она, а затем расплылась в взволнованной улыбке. — Он *потрясающий*, правда?

Все, что я могла делать, это представлять себя в кладовке, прижатой к стене, с Дарио внутри меня.

Мне вдруг стало *очень* жарко и мокро, и я неловко сжала ноги.

Кэт этого не заметила. Она все еще представляла себе вчерашний день, покусывая нижнюю губу и закатывая глаза.

— Боже мой... то, что он заставляет меня чувствовать... это не похоже ни на одного другого мужчину, с которым я когда-либо была. — Затем она посмотрела на меня, ее глаза сверкали. — А кто самый лучший из тех, с кем ты была близка?

— Я... я не была, — заикаясь, ответила ей.
Она уставилась на меня так, словно у меня было три глаза.
— У тебя *никогда* не было *секса*?!
— ... нет...
— Боже мой, бедная девочка... мы должны устроить тебе секс. Она игриво указала на меня. — Только не с Валентино, он — *мой*.
Я судорожно замотала головой, отказавшись.
— Я бы никогда...
— Ты хоть раз *целовалась* с кем-нибудь? — перебила она.
— Я... д-да...
Ее лицо засияло от возбуждения.
— И как далеко ты позволила ему зайти?
Я сглотнула и подумала о руке Дарио под моим платьем.
— Я... он прикасался ко мне...
Кэт выжидающе смотрела на меня.
— ... там, внизу, — прошептала я, указав ниже талии.
Я не могла поверить, что делилась этой личной информацией с женщиной, которая, по сути, была мне незнакома.
Но я решила, что в долгу перед ней за те неприятности, в которые втянула ее.
... к тому же меня возбуждало то, что я говорила об этом.
— Ты позволила ему фингеринг?! — пискнула Кэт.
— Я... наверное?..
Она нахмурилась.
— Да что с тобой такое? Разве ты не знаешь, что он сделал?
Я пожала плечами «*Типа того*»?..
— Боже мой, ты *действительно* хорошая маленькая католичка, не так ли? — сказала Кэт, поняв, насколько я неопытна. Она тут же перегнулась через стойку, чтобы посплетничать. — Хорошо, расскажи мне, что *именно* он с тобой сделал.
— Он... он взял свой палец и... коснулся этого места, где было очень приятно...
— Охxxx... он погладил твой клитор, — сказала она со знанием дела. — Неплохо. До Валентино мне везло, если парень хотя бы знал, что он у меня *есть*, не говоря уже о том, чтобы найти его.
— ... мой клитор? — переспросила я, не имея понятия, о чем она говорила.
— Твой клитор, — непринужденно сказала Кэт.
— *Madonn*... неужели *никто* не объяснил тебе, что делают птицы и пчелы? — произнесла она в ответ на мое молчание.
Я раздраженно нахмурилась.
— Я знаю о сексе.
И я знала. Моя мама объяснила мне, как делаются дети, когда у меня начались месячные. Но она умерла, когда мне было 12 лет. После этого отец никогда не говорил о сексе, а у меня не было ни тетюшек, ни бабушек, которые могли бы рассказать мне больше.
— Тогда объясни мне, — потребовала Кэт.
— Когда муж и жена очень любят друг друга...
— Мужчина и *женщина*, — перебила она. — И они не обязательно должны любить друг друга — поверь мне. Боже мой, церковь промыла тебе мозги... Ты хоть знаешь, что такое клитор?

Мне стало стыдно, что я так невежественна, и отрицательно покачала головой.

Кэт тяжело вздохнула.

— Давай я нарисую тебе картинку — нет, подожди, так будет лучше.

Рядом стояла миска со свежеприготовленным тестом. Кэт оторвала огромный кусок, шлепнула его на столешницу и начала придавать ему форму.

— Так, это твои ножки... видишь? А это твоя киска.

Я покраснела, услышав это слово, но смотрела с огромным интересом.

— Киска — это целое, но у нее есть разные части. У тебя есть влагалище — это дырочка, в которую парень вставляет свой член. Когда ты возбудишься и хорошо намокнешь. Вокруг влагалища расположены половые губы. Есть внешние губы, внутренние губы... и если проследить за ними до самого верха, то там можно найти клитор.

Она сделала из теста шарик размером с горошину и положила его на верхнюю часть щели. Затем она обжала еще немного теста и сделала что-то вроде капюшона над маленьким шариком.

— Есть еще капюшон клитора, и это тоже очень приятно, но именно клитор наиболее чувствителен. Для некоторых женщин он *слишком* чувствителен, и для *большинства* женщин, прежде чем прикоснуться непосредственно к клитору, ее нужно возбудить. Но как только ты это сделаешь, это будет просто *фантастика*. — Кэт медленно провела кончиком пальца по кругу вокруг горошины. — Это то, что он делал с тобой?

Я, конечно, *не видела* этого, но то, что она делала, казалось удивительно похожим на то, что делал Дарио.

Я энергично кивнула, мои щеки пылали.

И моя...

(*О, Боже, я даже не могу этого сказать*)

... моя киска стала еще более влажной.

Кэт усмехнулась.

— Ну и как ощущения?

— ПОТРЯСАЮЩЕ, — пролепетала я, а потом покраснела еще сильнее.

Она громко рассмеялась.

— Что случилось?!

— Он просто продолжал трогать ее... кружить... гладить...

— Прекрати, ты *меня* заводишь, — засмеялась Кэт, прикрываясь одной рукой. — Он заставил тебя кончить?

Я уставилась на нее.

— Что это?

Голова Кэт упала вперед, как будто она не могла поверить, что я вообще это сказала.

— Ты не знаешь, что такое *оргазм*?!

— Я *слышала* об этом...

— Боже мой, ты что, воспитывалась в женском *монастыре*? — она не стала дожидаться моего ответа. — Это потрясающее ощущение в киске и во всех частях тела. Это как-бы такое интенсивное удовольствие...

— Как будто ты чихаешь там, внизу, и это очень приятно, и ты делаешь это снова, снова и снова? — спросила я.

Кэт засмеялась.

— О, черт, это звучит так, как будто ты кончила!

Мои щеки снова запылали ярко-красным.

Дарио заставил меня кончить...

— Черт... ты практически монашка, и первый же парень, который к тебе прикоснулся, довел тебя до оргазма? Счастливица, — промурлыкала Кэт. Затем она взволнованно спросила. — Кто это был?

Мафиози.

Человек, который управляет всем этим поместьем и преступной семьей.

— ... просто парень... — тихо сказала я.

— Ух ты... ну, если он смог с первого раза заставить кончить тебя пальцами, то представь, что он может сделать своим членом.

Я почувствовала, что горю.

И мое лицо.

И моя киска.

Кэт застонала.

— Вот теперь я завелась! Я больше *не* буду трахать Валентино в кладовке, так что больше никаких разговоров о сексе!

Это меня вполне устраивало.

Все, о чем я могла думать, это о том, как Дарио прикасался ко мне...

Трогал мой клитор...

И заставлял меня кончать, снова и снова...

— Ладно, — сказала Кэт, прервав мои мечтания, — хочешь загладить свою вину за то, что подставила меня с Никколо?

— Да, конечно, — сказала я, благодарная за то, что мне есть на что переключиться.

— Хорошо. — Она указала на столешницу, где стоял красивый деревянный поднос и тарелки с фруктами, свежим хлебом и маслом. — Как только я сделаю чашку эспresso, отнеси ее Дону Розолини.

Все мое тело дернулось, когда я уставилась на нее.

— ... Дарио?

Кэт оглянулась через плечо с забавным выражением лица.

— Ну и ну, как *мы* продвинулись! Да, босс. Он хочет позавтракать перед работой. — Она наклонилась вперед и прошептала. — Он меня немного пугает.

Расскажи мне об этом.

Я покраснела еще сильнее.

— Я... я не думаю, что это хорошая идея...

Она нахмурилась, повернула рычаги дорогой кофеварки, и та зажужжала и зашипела.

— Почему?

— Он...

Это он заставил меня кончить.

— ... он очень зол на меня.

— Еще бы, после того как ты сбежала, — сказала она, наполнив фарфоровую чашку темным, дымящимся кофе. — Что ж, это твой шанс загладить свою вину перед ним и передо мной.

— Катерина... — сказала я умоляющим голосом.

Поставив чашку на поднос, она недовольно нахмурилась.

— О, значит, ты будешь смотреть в мой телефон и *подсматривать, как я занимаюсь сексом*, из-за чего у меня будут неприятности и меня чуть не уволят! Но когда я попрошу тебя помочь мне с одной маленькой услугой — неееет.

Я закрыла глаза.

Чувствовала себя ужасно.

И... если честно...

Часть меня надеялась, что Дарио снова меня «накажет».

— ... хорошо, — прошептала я.

— Хорошо! — радостно сказала Кэт и захлопала в ладоши, как ребенок. — Спасибо.

Я тяжело вздохнула, подняв поднос.

— Куда идти?

— В его спальню.

Я вытаращилась на нее.

— В его *спальню*?!

— Это то место, где он хочет поесть.

Я вздрогнула.

— Катерина...

— Не смей отступать, маленькая извращенка!

Я задохнулась.

— Почему ты меня так назвала?!

Я подумала, что она знала, что может случиться, если я пойду в его спальню...

— Потому что тебе нравится смотреть, как люди трахаются, — сказала она и фыркнула от смеха. — Впредь пользуйся Интернетом — там *полно* порно.

Я внутренне застонала.

— Где его спальня?

— Второй этаж в восточном крыле, в самом конце.

Теперь я в ужасе уставилась на нее.

— О нет...

— Что теперь?

— Восточное крыло — это то место, куда, по словам Никколо, я никогда не должна ходить!

Она скорчила гримасу.

— Я должна была подняться туда, так что все в порядке.

— Нет, Катерина, правда, я не могу...

Она положила руки на бедра и строго посмотрела на меня.

— Правда? Ты крадешь мой телефон, убегаешь из дома, смотришь, как я трахаюсь в кладовке, меня чуть не увольняют, но пойти в восточное крыло — это слишком для тебя?

Я застонала, закрыла глаза... и повернулась, чтобы выйти из кухни.

Я буду жалеть об этом. Я просто *знала* это.

— Вот это дух! — Кэт позвала меня за собой. — Постарайся больше не доставлять неприятностей по пути туда!

Глава 22

Я медленно понесла поднос вверх по лестнице. Я так нервничала, что чашка эспresso слегка дребезжала на блюде.

Поднялась на второй этаж... затаила дыхание... и пошла по коридору налево.

Я просто тряслась, что в любую секунду Никколо выскочит из тени, укажет на меня и крикнет — «АГА!».

Чем ближе я подходила к концу восточного крыла, тем сильнее колотилось сердце в груди.

Когда я наконец добралась до закрытой двери в конце коридора, то легонько постучала в нее.

— П-привет?

Ответа не последовало.

Я постучала чуть сильнее.

— ... можно?

Я оглянулась на коридор.

Там никого не было.

А Катерина сказала доставить в комнату, так что...

Я повернула ручку, и дверь открылась.

Я стояла в шоке, глядя на поистине великолепную спальню.

Она была больше всех остальных комнат в доме, за исключением столовой.

Слева от меня была двуспальная кровать с балдахином. Вокруг нее свисали тюлевые занавески, а поверх смятых простыней было накинуто покрывало.

На стенах висели шедевры итальянских художников эпохи Возрождения.

Толстые арабские ковры покрывали деревянные полы.

В комнате было несколько шкафов из красного дерева, в углу стоял письменный стол.

А в двадцатифутовой части стены имелись французские двери, выходящие на массивный балкон. За ним открывался великолепный вид на виноградники и фруктовые сады.

Моя спальня была неплохой, но *эта*... эта комната выглядела так, словно принадлежала королю.

Я стояла и смотрела на все это великолепие...

И вдруг поняла, почему Дарио не ответил на мой стук.

Справа от меня через приоткрытую дверь слышался шум душа.

Я тяжело сглотнула.

Просто поставлю поднос на стол и выйду, сказала я себе.

Но другой голосок, маленький чертик на моем плече, прошептал мне на ухо.

Ты можешь посмотреть!

Один крошечный взгляд не повредит...

Скорее всего, ты ничего не увидишь.

Как только я поставила поднос на стол, ноги сами понесли меня к двери, как сомнамбулу.

Когда я заглянула в полуоткрытую дверь, душ уже шумел громче.

Комната была прекрасна, вся в мраморе и золоте.

Но я смотрела не на *это*.

Половина ванной комнаты представляла собой огромный куб со стеклянными стенами...

А в центре стоял обнаженный Дарио, подставив лицо под струи воды.

У меня открылся рот.

Он был просто великолепен.
Он был похож на греческого бога.
Или итальянского.
В общем, бога.
Пусть и с татуировками по всему телу.
Его плечи были *такими* широкими... его грудь такой мощной...
Бицепсы были такими большими, что выделялись на фоне оливковой кожи.
Все его тело было мускулистым. Живот был ребристым, как стиральная доска, — кажется, американцы называют его *six-pack*.
Но тут мои глаза опустились еще ниже.
И я задохнулась.
В своей жизни я пару раз видела пенисы — у мальчиков, купавшихся в реке возле Менсано, когда я была подростком. Они были маленькими.
У Дарио он был *не* маленький.
Он болтался длинный и толстый между его мускулистыми бедрами, пока вода стекала с него.
Когда Дарио двигался, он медленно покачивался. Я могла сказать, что он был бы тяжелым, если бы держала его в руке.
И при мысли об этом...
О том, что я буду держать его в руке...
Ласкать его...
Поглаживая его...
Целовать его...
У меня чуть не начался приступ гипервентиляции.
Везде, где он прикасался ко мне прошлой ночью...
Моя киска, виновато подумала я, все еще не привыкшая к этому слову, словно горела.
Приятный огонь, но все же огонь.
Но как она могла гореть, когда я вдруг стала такой *мокрой*?
Вдруг Дарио вытер воду с глаз и повернулся ко мне.
Я испугалась.
Не знаю, увидел ли он меня, но я повернулась и выбежала из спальни так быстро, как только могла.
Пронеслась по коридору, спустилась по лестнице и помчалась на кухню.
Я не думала. Все, что я знала, это то, что мне нужно вернуться к чему-то нормальному и привычному, а с Кэт я успела подружиться.
Как только я вошла, она повернулась ко мне.
— А, так ты не умерла!
Я отрицательно покачала головой, сев на один из табуретов у центрального острова.
— Ты видела Дона Розолини? — поинтересовалась она, вернувшись к нарезке клубники.
— ... вроде того, — ответила я смущенным голосом.
Кэт нахмурилась и посмотрела на меня.
— Что случилось?
— Ничего! — быстро сказала я.
Она положила нож.
— Выкладывай, — приказала она.
Я опустила голову на руки, охваченная стыдом.
— Я... услышала душ в ванной...

Она задохнулась.

— ТЫ ПОШЛА ТУДА И ПОСМОТРЕЛА?!

Все еще пряча лицо руками, я кивнула.

— Боже мой, да ты точно маленькая извращенка! — хихикнула она. — Если есть что-то, на что не следует смотреть, ты просто идешь прямо туда, не так ли?

Затем она сделала паузу.

— Подожди... *ты видела Дона Розолини голым?* — прошептала она.

Я выглянула одним глазом между пальцев... и кивнула.

— О, Боже мой, о, Боже мой! — вскрикнула она.

— Ш-ш-ш! — прошипела я, пытаюсь успокоить ее.

Она бросилась ко мне, схватив за руки.

— Как он выглядел? — прошептала она, ее лицо было всего в нескольких дюймах от моего.

Мои глаза на секунду непроизвольно закрылись.

— Как греческий бог...

— Ух! — пробормотала она, прикусив губу. — Валентино невероятно сексуальный, но я имею в виду... Дон Розолини... — Боже мой, я так завидую. Она усмехнулась и прошептала. — Он был... большим?

Я уставилась на нее.

— Я... наверное?

— А, ну да, ты ведь не можешь знать, правда?

— А какого он размера обычно? — невинно спросила я.

— Спросите любого мужчину, и он скажет вам, что он, по крайней мере, на два дюйма больше, чем на самом деле. Но в свое время я повидала немало их, так что...

Она вернулась к миске и достала кусок теста, который скатала в трубку длиной около трех дюймов.

— Я бы сказала, что они примерно *такого* размера, когда мягкие, и, вероятно, вдвое больше, когда твердые.

Я уставилась на нее.

— Они становятся твердыми?

Она рассмеялась.

— Ну, конечно, становятся! Иначе как бы его можно было засунуть в твою киску? Это все равно, что пытаться засунуть в дырку переваренный кусок спагетти.

Я об этом не подумала.

Она усмехнулась, потянулась к ближайшему блюду с фруктами и взяла большой банан.

— У Валентино *гораздо* крупнее, чем у обычного парня. Да... примерно такой, — сказала она, обведя пальцами банан.

Затем она радостно посмотрела на меня.

— Так... какого же размера был Дон Розолини?

Я подняла бровь на банан, который был настолько твердым, что не казался подходящим для сравнения.

— Подай мне миску с тестом, — сказала я.

Она с нетерпением пододвинула мне миску и наблюдала, как я зачерпнула пару горстей и начала скатывать их в одну длинную трубку.

Я сделала паузу... затем добавила еще немного теста и раскатала.

Потом добавила еще немного.

— Господи! — воскликнула Кэт. — Какого черта, он что, дробил в душе?

— ... что?

Она закатила глаза.

— Только не говори мне, что ты не знаешь об этом... не бери в голову, конечно, не знаешь.

Дрочка — это когда парень гладит свой собственный член, — сказала она, проведя рукой по воздуху.

— Он был бы твердый, если бы он... дрович?

Она засмеялась.

— Да.

— Тогда он не дрович.

Кэт уставилась на меня.

Затем посмотрела вниз на цилиндр теста в моей руке.

— О, БОЖЕ! — вскрикнула она, а затем начала обмахивать себя одной рукой.

— Что?!

— Он действительно большой! — прошептала она. — *Madonn...*

— Это... хорошо? — спросила я, серьезно озадаченная.

— Я бы не отказалась узнать! — сказала Кэт, фыркнув.

Почему-то я почувствовала укол ревности, когда она это сказала.

— *У тебя уже есть Валентино*, — хотела я огрызнуться.

Вдруг позади меня раздался резкий стук.

Мы с Кэт испуганно вскочили.

Обернувшись, я увидела в дверях ухмыляющегося Валентино.

— О чем это вы тут разговариваете?

Кровь прилила к моим щекам.

— НИ О ЧЕМ!

— Ни о чем! — Кэт вскрикнула одновременно со мной, хотя и не так громко, как я.

Валентино приподнял одну бровь, посмотрев туда-сюда между мной и Кэт.

Затем он бросил взгляд на стол передо мной.

Я опустила глаза, чтобы посмотреть, на что он смотрит.

И увидела то, что вылепила из теста.

Я поспешно ударила кулаком и слепила все вместе.

— Просто пеку хлеб! Ха-ха! — ответила, заставив себя рассмеяться, что звучало безумно.

Валентино нахмурился, глядя на то, как странно я себя вела, а затем дернул головой в сторону коридора.

— Дарио хочет тебя видеть.

Мне вдруг показалось, что я не могу дышать.

Я в панике оглянулась на Кэт.

Она в шоке поднесла руку ко рту.

— П-почему? — начала заикаться я.

— Кто знает, — сказал Валентино, пройдя мимо меня и направившись к Кэт.

— Где он? — спросила я, а затем с надеждой добавила. — В кабинете?

— Нет, в своей спальне, — сказал он, взял с разделочной доски кусочек клубники, подбросил его в воздух и поймал ртом.

Я была почти вне себя от паники.

И в отчаянии посмотрела на Кэт.

И тут ее рот раздвинулся в самой широкой ухмылке, которую я когда-либо видела, как будто она собиралась ликовать.

Она тут же вернулась в нормальное состояние (чтобы скрыть свое волнение), когда Валентино закончил есть свою клубнику.

Затем на ее лице появилось потрясение.

Я не видела, потому что он стоял рядом с ней, но я бы поставила деньги на то, что его рука была на ее заднице.

Он просто игнорировал ее, как будто ничего необычного не происходило.

— Ну что? — спросил он, посмотрев на меня.

— Что?

Кэт издала тихий звук и схватилась за край стойки.

Я готова была поспорить, что рука Валентино побывала в другом месте...

Но он *по-прежнему* не подавал виду, что что-то не так.

— Может, тебе пора? — спросил он, указав свободной рукой на дверь.

Одному Богу известно, что он делал с Кэт другой.

— Ну... ладно, — сказала я дрожащим голосом.

Выйдя из кухни, я с опаской посмотрела на Кэт через плечо.

Она показала мне большой палец вверх и улыбнулась, как будто «*у тебя все получится!*»!

Последнее, что я услышала, закрыв дверь, было хихиканье Кэт и ее вздох.

— О!

А затем дверь кладовки открылась и быстро закрылась.

Глава 23

Я простояла у его спальни почти тридцать секунд, прежде чем набралась смелости и постучала в закрытую дверь.

Скорее, это было тихое постукивание.

На самом деле, просто слабое постукивание.

Ответа не последовало, и я повернулась, чтобы уйти.

— Входи, — раздался изнутри голос Дарио.

Я вздрогнула.

О, нет...

Когда я открыла дверь и вошла, мне показалось, что мои ноги налились свинцом.

Потом я задохнулась.

Дарио склонился над своим столом, что-то рассматривая в ноутбуке.

На нем были темные брюки.

Но в остальном он был обнажен.

Его кожа была еще влажной после душа. Капельки воды прочерчивали изгибы его мышц, а мокрые волосы свисали прядями на лоб.

Он поднял голову, увидел меня, и настроение его омрачилось.

— Закрой дверь, — приказал он.

Я закрыла ее дрожащей рукой.

Он встал и подошел ко мне.

Его массивная грудь вздымалась, а пресс отбрасывал тени в ярком свете окон.

У него были всевозможные татуировки: черные клубящиеся узоры, оружие, черепа, фразы на итальянском языке типа *«Семья превыше всего»*.

Они казались опасными... загадочными... и я удивленно уставилась на них.

Ну... вообще-то я смотрела на его великолепное тело, а татуировки просто случайно оказались в поле зрения.

Он остановился прямо передо мной и посмотрел вниз. Даже босой, он возвышался надо мной.

— Ты заходила ко мне в комнату раньше, — сказал он.

Это был не вопрос.

— ... да, — призналась я.

— Что Никколо говорил тебе о восточном крыле второго этажа?

— Катерина должна была принести завтрак, но она была занята, — солгала я, — и она попросила меня помочь...

Дарио поднял руку. Я немедленно замолчала.

— Что Никколо сказал тебе о восточном крыле второго этажа?

Я опустила глаза в пол.

— ... не приходите сюда.

— И все же ты пришла.

— ... да.

— А потом ты заглянула ко мне, когда я был в душе.

Мои глаза в панике метнулись к его лицу.

Он сердито смотрел на меня.

— ... да, — прошептала я и снова опустила взгляд в пол.

— Ты часто так делаешь? Шпионишь за людьми?

— Нет, — запротестовала я, с чувством вины вспомнив о Катерине и Валентино на днях. Дарио грубо схватил меня за подбородок и поднял мое лицо.

— Посмотри на меня.

Я уставилась в его темные глаза. И едва могла дышать.

— Ты смотрела на меня, когда я был голый, — сказал он.

Я прикусила нижнюю губу и беззвучно кивнула.

— Тогда я думаю, что будет справедливо, если я увижу тебя голой, — сказал он. Мои глаза расширились.

— Дарио...

— ДОН Розолини для тебя.

— ... Дон... Розолини...

— Да?

— Пожалуйста... я не...

— Это была не просьба, — сказал он, его голос был глубоким и хриплым. Сердце заколотилось в груди...

Мое лицо было обжигающе горячим...

А между ног у меня пульсировало то же желание, что и прошлой ночью.

Но я просто стояла и смотрела ему в глаза.

Он держал свою правую руку на моем подбородке, заставив меня смотреть на него...

А левой рукой он начал расстегивать пуговицы на моем платье.

— Нет, — прошептала я.

— Ты сказала это прошлой ночью, — прорычал он. — Это что-нибудь изменило?

Я не ответила.

А просто продолжала смотреть ему в глаза, словно загипнотизированная.

Одна пуговица уже была расстегнута, до ключиц.

Я почувствовала, как он расстегивал следующую...

Потом следующую...

Пока костяшки его пальцев не коснулись моей груди.

Я резко вдохнула.

Он продолжал расстегивать пуговицы одну за другой, пока перед платья не оказался распахнутым до самого живота.

Затем он осторожно снял платье с моего левого плеча.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала я, мой голос дрожал.

Он не обратил на меня внимания и снял ткань с моего правого плеча.

Платье упало в кучу у моих ног.

На мне не было лифчика, только трусики...

Так что я стояла перед ним почти полностью обнаженная.

Я закрыла глаза.

Все мое тело горело... и в то же время я хотела быть поглощенной им.

Его рука перестала касаться моего лица, и вдруг я почувствовала движение его грубых пальцев по своей спине...

По позвоночнику...

Вниз, к моей попе.

Его пальцы схватили мои трусики и спустили их вниз по бедрам.

Пока он это делал, его тело касалось меня.

Его горячая, влажная кожа касалась моей.

Его твердые мышцы прижимались к моей груди.

Я застонала, почувствовав его...
И хотела почувствовать *гораздо больше*.
Через несколько секунд его губы коснулись моих.
Мягкие...
Чувственные...
И пока он целовал меня, его руки касались меня повсюду.
По всему телу.
Скользя по моим рукам...
Ласкали мою спину...
Поглаживали мою попку...
Одна рука нежно гладила мою правую грудь, заставив мой твердый сосок еще больше напрячься...
А потом скользнула вниз, к тому самому месту между ног.
Я чувствовала себя опьяненной...
Близкой к обмороку...
И я впервые подняла руки, чтобы прикоснуться к *нему*.
Я смогла дотронуться до него только потому, что мои глаза были закрыты. Так мне не нужно было смотреть, как я грешу.
Мои пальцы скользили по его массивным плечам...
По рельефным мышцам его спины...
Я даже провела пальцами по его твердому прессу.
Потом он прижался ко мне, и я почувствовала что-то твердое.
Я оторвалась от поцелуя, чтобы посмотреть вниз.
Внутри его брюк...
Его *член*...
Был огромным и твердым, торчащим под углом в сторону.
У меня отвисла челюсть, когда я уставилась на него.
Каким бы большим ни казался его член, когда он болтался в душе, сейчас он был намного больше, несмотря на то, что все еще был скрыт под брюками.
Так ВОТ что имела в виду Кэт, говоря о том, что он стал твердым...
Я протянула дрожащую руку и дотронулась до него...
Обхватила его ладонью...
Провела пальцами по его длине...
Крепко сжала в руке.
Я чувствовала его жар, проникавший сквозь ткань.
Дарио застонал.
И вдруг он подхватил меня и поднял на руки.
Одна рука поддерживала мою спину, а другая была под согнутыми коленями.
Я вскрикнула от неожиданности.
Не успела я опомниться, как он уже подошел к кровати и бросил меня на шелковистые простыни.
Их прикосновение к моей обнаженной коже было восхитительным.
А еще я не могла поверить, как это приятно, когда тебя подхватывает на руки сильный мужчина и двигается, как будто ты ничего не вешишь.
Но когда я взглянула на лицо Дарио, то испугалась.
Потому что он казался совершенно безумным от желания.
Он навис надо мной.

И вдруг опустил голову между моих ног.
Я задохнулась, почувствовав его бороду на внутренней стороне моих ног.
А потом он поцеловал губы моей киски.
Я застонала и закрыла глаза.
Это было *так приятно*.
А потом стало в десять раз лучше.
Он начал лизать меня... сначала ноги, потом губы...
И, наконец, горячую маленькую точку удовольствия, к которой он прикасался прошлой ночью.

Мой клитор...
Его язык нежно обвел его.
— О, БОЖЕ МОЙ, — закричала я, схватившись за его голову и перебирая пальцами его мокрые волосы.

Он лизал меня так нежно, так сладко.
Его горячий язык влажно касался моего клитора.
А потом давление стало нарастать, как прошлой ночью.
Быстрее, сильнее, горячее, влажнее...
И я начала кончать.
Моя спина выгнулась дугой, когда первые волны удовольствия прокатились по мне с головы до ног.

Я громко вскрикнула, когда он продолжил лизать.
Наслаждение только нарастало, нарастало, нарастало...
И я закричала еще сильнее, извиваясь на его шелковых простынях.
Так продолжалось несколько минут: мне казалось, что я достигла нового пика наслаждения, но меня подхватывало еще выше.

Но постепенно волны стали стихать.
Я перестала стонать и извиваться...
И его язык отстранился от моего клитора.
Я почувствовала легкое разочарование.
Пока не ощутила что-то новое.
Что-то *удивительное*.
Его язык раздвигал мои губы...
И двигался внутри меня.
Я задышалась.
Это было влажно, горячо и невероятно...
И это пробудило во мне желание принять в себя еще больше, почувствовать себя полностью заполненной.

Его язык просто дразнил меня...
Я хотела большего. Намного большего.
— Дарио, — задышалась я.
— Что? — спросил он, прекратив свои действия.
— Можно мне посмотреть? — попросила, тяжело сглотнув.
Во мне пульсировала потребность — отчаянное желание, которое не исчезнет, пока не будет удовлетворено.
— Я просто... хочу его увидеть, — прошептала я.
Он встал, отступив от кровати.
— Тогда давай, сделай это сама.

Я почувствовала смесь стыда и непреодолимого желания.
Желание победило.
Я опустилась на край кровати и уперлась ладонями в его великолепный пресс.
Затем подняла на него глаза.
Он улыбнулся мне.
— ... ну?
Я прикусила нижнюю губу... затем завозила с его брюками.
Расстегнула пуговицу на поясе... затем потянула вниз молнию.
Трусов на нем не было.
Как только я увидела выющиеся темные волосы в нижней части его пресса, мой рот наполнился слюной.
Я медленно стянула с него штаны. Это было трудно, потому что его член стоял под углом, и мне пришлось спускать штаны через него.
Но то небольшое, что я увидела, заставило меня еще больше возбудиться.
Основание его члена было *очень* толстым...
И он был *очень* твердым...
С венами, выступающими под кожей.
Я медленно спускала штаны вниз, наблюдая, как обнажается все большая часть его члена...
Пока, наконец, материал не соскользнул с головки и не освободил его целиком.
Я задохнулась, когда он поднялся в воздух.
Головка была огромной и похожей на луковицу...
И он красиво изгибался вверх.
Его размер...
Мужественность его тела... его члена...
Я никогда в жизни не чувствовала себя более женственной.
Мне *так* хотелось прикоснуться к нему.
Я неуверенно протянула руку, потом отпрянула.
Подняла на него глаза, как бы спрашивая разрешения...
Он кивнул.
Я снова протянула руку...
И на этот раз взяла его член в руку.
Я невольно застонала.
Кожа была такой мягкой...
Но под ней он был твердым, как камень.
И *таким* горячим на ощупь.
Я медленно провела рукой вверх и вниз по его длине...
И он застонал.
Я почувствовала, как его член один раз дернулся в моей руке. Он на мгновение увеличился в размерах.
Набухшая головка чуть-чуть расширилась...
И из щели набухшей головки вытекла маленькая бусинка прозрачной жидкости.
Я удивленно уставилась на нее...
И, не задумываясь, наклонилась вперед и обхватила губами кончик, чтобы попробовать его на вкус.
Он был соленым... но мне это понравилось.
И мне нравилось, каким скользким он был на моих губах.

Я нежно поцеловала его член...

И он застонал.

Я подняла голову и увидела, что он откинул голову назад, а сухожилия на его шее натянулись.

Ему это *нравилось*.

Я усмехнулась и стала целовать его еще... осторожно... нежно...

Медленно ласкала его пальцами, нежно проводя рукой вверх и вниз по его стволу.

Вдруг он подался назад, вырвав свой член из моей хватки.

Я почувствовала возмущение, как будто он отнял у меня то, что я хотела больше всего.

И тут его сильные руки подняли меня в воздух и без усилий бросили обратно на кровать.

Я вскрикнула от удивления и восторга, когда приземлилась на спину.

А потом с вождением смотрела, как он ползет по кровати, и его член торчит в воздухе навстречу мне.

Я поняла, что он задумал, и вдруг меня охватил страх.

— Дарио... нет... — прошептала я.

Он не обратил на меня внимания и раздвинул мои ноги, а затем расположился между ними.

— Дарио, нет! — всхлипнула я.

— Тихо, — прорычал он.

Он взял свой член в руку и направил его в мою киску.

Все мое тело напряглось, я ждала, что он войдет в меня.

Но он не вошел.

Вместо этого он ввел нижнюю часть своего члена между губами моей киски, раздвинул их и начал скользить вверх-вниз по всей длине своим стволом.

Нижняя часть его члена стала скользкой от моей влаги.

Его голая кожа двигалась по моему клитору.

Это было *потрясающее* ощущение.

Я вскрикнула, когда он задвигался взад-вперед – его твердый член влажно скользил по моему клитору – вверх, вверх, вверх, затем вниз, вниз, вниз.

— Я сказал тебе, что не возьму тебя, пока ты не попросишь, — пробормотал он мне на ухо. — Но я также сказал, что сделаю с тобой все *остальное*, что захочу.

Давление его мокрого члена на мой клитор усилилось.

Я задохнулась от удовольствия и провела пальцами по его плечам.

Затем он начал целовать меня, и я страстно поцеловала его в ответ.

При этом он двигался между моих ног и терся членом о мой клитор.

Первые волны удовольствия я почувствовала через тридцать секунд...

Но на этот раз каждый скользкий удар по моему клитору длился несколько секунд и заставлял меня подниматься все выше и выше от наслаждения.

Его член *еще* сильнее вдавился в меня...

И я кончила еще сильнее.

Я не знала, где кончается один оргазм и начинается другой, они накатывались друг на друга, как волны.

Я не могла сдержать себя. Поэтому кричала во всю мощь своих легких.

Вдруг *он* зарычал, как бык.

И я почувствовала, как что-то горячее и мокрое полилось мне на живот и грудь.

Посмотрев вниз, увидела, как из его члена вытекает белая жидкость.

Это возбудило во мне еще *большее* желание, а вид его оргазма и звуки его наслаждения заставили меня кончить еще сильнее.

Постепенно его толчки замедлились и прекратились... но мои собственные волны экстаза к тому времени уже стихли.

Дарио хмыкнул и откатился от меня в сторону...

Но одна из его рук все еще ласкала мое тело.

— Тебе было... приятно? — робко спросила я.

Он усмехнулся.

— Потрясающе.

Он посмотрел на белую жидкость на моем животе и груди и сказал.

— Похоже, тебе нужно принять душ. Пойдем.

Затем он поднял меня за руку и повел в ванную.

Глава 24

Дарио

То утро с Алессандрой было, пожалуй, самыми лучшими двумя часами в моей жизни.

То, что она заставила меня почувствовать...

Ее прекрасное тело...

Ошеломляющая разрядка, когда я кончил...

То, как выглядело ее невинное лицо, когда она кончала...

Все, что произошло с нами, было потрясающе.

Душ после этого был долгим и роскошным, много поцелуев и ласк ее груди, когда вода каскадами стекала по ее телу.

Когда мы вышли, я вытер ее насухо... заставил надеть платье...

И отправил ее восвояси, шлепнув по попке.

В ее невинных карих глазах было удивление — но ей понравилось.

И я сразу понял, что сделаю с ней в следующий раз, когда возьму ее в постель.

Я все еще не трахал ее — не трахал как следует, но скоро это случится.

Сначала мне нужно было лишить ее невинности. Она никак не смогла бы справиться со мной без боли, если бы я был неосторожен.

Но время было, и я с нетерпением ждал этого.

На самом деле я был счастлив как никогда.

Но не все были счастливы.

— Ты что, совсем спятил? — кричал Никколо в моем кабинете. — Весь дом слышал, как она кричала! Весь персонал говорит!

— Пусть говорят, — холодно сказал я. — Я плачу им зарплату, а не наоборот.

— Дело не только в этом. Сегодня днем у нас посетитель. Или ты забыл?

— Нет, — огрызнулся я.

Хотя, по правде говоря, я забыл.

Многочасовое пребывание с красивой обнаженной женщиной дает о себе знать.

— Мне нужно, чтобы ты был на встрече в отличной форме, — сказал Никколо. — Не отвлекайся.

— *Консильери*, — огрызнулся я.

Никколо скрипнул зубами.

— ... что.

— Я твой *Дон*. Советую тебе помнить об этом.

Никколо на секунду обиделся, потом взял себя в руки.

— По крайней мере, позволь вывезти ее из дома, пока здесь находится наш гость.

— Почему?

Никколо понимал, что лучше не озвучивать истинную причину, которую я и так знал.

Я хотел трахнуть ее и мог бы просто поспешить закончить встречу, чтобы затащить ее обратно в постель.

— Нам не нужно, чтобы она устроила беспорядки во время переговоров, — сказал Никколо. — Вдруг опять улизнет, как вчера.

— Она этого не сделает.

— Тем не менее, я хочу, чтобы ее не было в доме.

Я нахмурился... но, наверное, он был прав. Если бы Алесандры здесь не было, мне *было бы* легче сосредоточиться.

— Что ты задумал? — спросил я.

— Пусть Массимо и Валентино отвезут ее во Флоренцию на остаток дня. Она сможет пройтись по магазинам, а потом они все вместе поужинают.

Я прищурил глаза.

— Ты не беспокоишься о наших врагах?

— Флоренция — большой город. Я сомневаюсь, что это будет проблемой.

— Ты *«сомневаешься»*, что это будет проблемой?

Никколо вздохнул.

— Неужели тебя ни капельки не беспокоит Турок?

Турком был Мехмет Эрдоган, член организованного преступного картеля Турции, который хотел обсудить деловые вопросы. Наш дядя связал его с нами.

— Фаусто за него поручился, — заметил я.

— Да, но пока мы не выясним, почему генуэзцы пытаются ворваться на нашу территорию и послали шпиона, которого убил Ларс, и почему, черт возьми, у нас есть мертвый священник и бандит, похороненные в саду на заднем дворе, я никому не доверяю, даже если сам Святой Петр скажет, что с ними все в порядке.

— На каком этапе находится выяснение того, кто этот священник и тот, другой?

— Наши друзья из *Квестуры* пробивают для нас отпечатки пальцев.

— Дай мне знать, когда что-нибудь выясните.

— Конечно.

Я вздохнул.

— Хорошо... пришли Алессандру, чтобы я мог рассказать ей о Флоренции.

— О, нет, — я сам ей расскажу, — сказал Никколо, направившись к двери. — Мне не нужно, чтобы ты отвлекался и трахал ее в течение следующих двух часов. И уж *точно* мне не нужно, чтобы она кричала, когда приедет Турок.

Я только ухмыльнулся, когда он вышел из комнаты.

Встреча с Турком была просто любезностью по отношению к нашему дяде, не более того... и у меня мог возникнуть соблазн пропустить ее, чтобы провести побольше времени с Алессандрой.

Наверное, лучше хоть раз послушаться своего *консильери*.

Глава 25

Алессандра

Никколо поднялся ко мне в комнату через час после того, как я ушла от Дарио.

Я все еще расхаживала по комнате с огромной улыбкой на лице, когда в дверь постучал *консильери*.

— Сегодня днем у нас важная встреча, — сказал Никколо, — и мне нужно, чтобы тебя не было дома. Массимо и Валентино отвезут тебя во Флоренцию, где ты сможешь пройтись по магазинам и купить себе новую одежду. Покупай все, что хочешь, — Массимо заплатит за это. Поужинаешь во Флоренции и вернешься ближе к вечеру.

Вчера утром новость Никколо была бы невероятно желанной.

Возможность выйти из дома и, возможно, улизнуть?

Да, пожалуйста!

Но сейчас меня просто переполняло беспокойство.

— Неужели Дарио... недоволен мной? — нервно спросила я.

— Нет, это я недоволен, — ответил Никколо. — Я бы хотел, чтобы ты была немного тише, когда испытываешь оргазм. Мы слышим тебя с другой стороны дома.

Мое лицо сразу же побагровело, и мне показалось, что я могла умереть прямо на месте.

Рядом с Дарио меня охватила такая страсть, что я даже не подумала о том, что кто-то еще может меня услышать.

Никколо рассмеялся над моей реакцией.

— Не волнуйся, никто тебя не осуждает. Ну, во всяком случае, точно ни я, ни мои братья, ни Ларс. Валентино, наверное, счастлив, потому что ты делаешь Катерину еще более похотливой.

— Ты знаешь об этом?! — в ужасе я уставилась на него.

— Я знаю обо *всем*, что происходит в этом доме, — зловеще сказал он. — А теперь иди и собирайся. Ты уезжаешь.

Я ушла с Массимо и Валентино ровно через пятнадцать минут.

И когда я проходил в фойе мимо Филомены, я со стыдом смотрела в пол...

Потому что не могла встретить ее неодобрительный взгляд.

Глава 26

Поездка во Флоренцию заняла час. Валентино вел Мерседес, а Массимо сидел на пассажирском сидении впереди. Он был настолько высок, что ему пришлось отодвинуть сиденье назад до упора, и все равно было тесновато.

Я сидела на заднем сидении и наблюдала за проплывающими мимо видами.

Пейзаж Тосканы был поистине прекрасен. Пшеничные поля, колыхающиеся на ветру... серебристо-зеленые оливковые рощи... изредка красные маки или желтые подсолнухи.

Разросшиеся виноградники с ровными рядами виноградной лозы...

Кипарисы, высокие и стройные...

Старинные фермерские дома из терракоты и камня...

И время от времени на вершине холма появлялся замок, прямо как из сказки.

Но со временем мне стало скучно. В конце концов я выросла среди этой красоты... даже если никогда раньше не любовалась видами из движущейся машины.

Поэтому вместо этого я завела разговор с Массимо и Валентино.

— Скажите, — спросила я, — чья это была идея?

Массимо пожал плечами.

— А разве это имеет значение?

— Я хотела бы знать, чье это было желание, чтобы я ушла из дома.

В зеркале заднего вида я увидела ухмылку Валентино.

— Ну, точно не Дарио хотел, чтобы ты ушла.

Мое лицо покраснело, когда я вспомнила комментарии Никколо о том, что мои крики были слышны во всем доме.

— Ты ужасен! — сказала я со смущением, возмущением и легким юмором.

Он только рассмеялся.

— К тому же, не тебе говорить, — ответила я.

— Как это?

— Я знаю, чем ты занимаешься с Катериной.

Массимо фыркнул.

— Все знают, что он делает с Катериной.

— По крайней мере, она не кричит на весь дом, — сказал Валентино, пристально посмотрев на меня в зеркало.

Я горела ярко-красным.

Пока Массимо не пришел мне на помощь.

— Может быть, ты *недостаточно хороша*, чтобы заставить ее кричать так громко, — сказал он Валентино.

Я подавила хихиканье.

Хотя знала, что это неправда, я видела, как Катерина кусала плечо Валентино, чтобы заглушить свои крики страсти, но было забавно это слышать.

К тому же я не собиралась признаваться, что видела, как Катерина и Валентино занимались сексом.

— Пошел ты! — игриво сказал Валентино, шлепнув брата по руке.

— Я не бью тебя в ответ только потому, что ты за рулем, — сказал Массимо.

— И что?

— Ты и так плохо водишь машину. Я не хочу умереть из-за того, что ты за рулем еще хуже, чем в постели.

— Ну ты и мудак! — сказал Валентино, громко смеясь. — Кто ты такой, чтобы говорить со мной о том, как ублажить мою женщину? Монах, который не трахался уже больше года...

— Если хочешь, я могу тебя подменить, — предложил Массимо. — Тогда мы посмотрим, как громко может кричать твоя женщина.

— Даже не *думай* об этом, иначе я тебя убью, — сказал Валентино как бы в шутку.

— Если ты не убьешь меня сначала своим вождением — держись правой полосы, *rimbambito!* — огрызнулся Массимо, используя жаргонное выражение «тупица».

Когда мы добрались до Флоренции, я уже разговаривала и шутила с братьями, как со старыми друзьями.

Мы ехали по новым районам города, мимо мрачных зданий, построенных за последние 70 лет. Наконец мы добрались до старой Флоренции — той части, которая простояла более шести веков.

Массимо вел Мерседес по лабиринту улиц, пока мы не вышли на *Via de Tornabuoni*, самую известную улицу для шопинга во всей Тоскане. Это был флорентийский эквивалент Родео Драйв в Лос-Анджелесе. Вдоль улицы располагались бутики Gucci, Balenciaga, Hermes, Prada и Tiffany.

— Боже мой, — прошептала я, когда Массимо припарковал машину перед магазином Versace. — А нельзя ли сводить меня еще куда-нибудь, например, в H&M?

Массимо фыркнул.

— Если я приведу тебя к Дарио в H&M, он меня кастрирует.

— У тебя уже такие маленькие яйца, что не велика потеря, — пошутил Валентино.

— Я позабочусь о том, чтобы он забрал и твои.

— Эй, я вообще-то *пользуюсь* своими!

Я опустила взгляд на свое неброское платье.

— Но... я не одета, чтобы идти туда!

— Да, но *мы* одеты, — сказал Массимо, поправив лацканы своего дорогого костюма.

— Держись нас, Алессандра, — сказал Валентино, подмигнув и улыбнувшись. — Мы тебя проведем.

Мы втроем вошли в магазин. Массимо и Валентино вели себя так, будто они здесь хозяева, а я чувствовала себя крестьянкой, попавшей во дворец.

Подошла очень стильная женщина лет на десять старше меня.

— Добрый день, господа, чем я могу вам помочь сегодня?

— Оденьте эту девушку красиво и не жалейте денег, — сказал Массимо.

— Будет сделано, — с улыбкой сказала женщина. — Что-то для вас?

— У нас все в порядке.

— Но на вас не Versace, — заметила она.

— Нет — Armani.

— Ну, я не буду на вас обижаться, — весело сказала она.

Я уже собиралась последовать за ней, но совершила ошибку, взглянув на ценник на блузке.

Она стояла семьсот евро, около семисот пятидесяти долларов США.

— Мы не можем ничего здесь купить! — в панике прошептала я Массимо.

— Почему? — спросил он и удивленно огляделся по сторонам. — Слишком уродливо?

— Нет, все очень красивое, просто слишком дорогое!

— *Что* слишком дорогое?

Я показала ему ценник в семьсот евро.

— Подожди, подожди минутку, — сказал Массимо.

Затем он продолжил смотреть на меня со скучающим видом.

Я подождала около двадцати секунд, прежде чем спросить:

— А чего я, собственно, жду?

— ЭТОГО, — сказал он, ткнув пальцем в воздух.

— ... чего? — спросила я, недоумеваю.

— Именно столько времени нужно нашей семье, чтобы заработать семьсот евро.

Мои глаза расширились.

— Правда?

— Это неправда, — сказал Валентино, обратившись к Массимо. — Это больше тысячи евро в минуту — шестьдесят тысяч евро в час! Это миллион долларов в день — триста пятьдесят шесть миллионов в год...

— Заткнись, — сказал Массимо Валентино, а затем снова повернулся ко мне. — Я голоден. Пойди купи одежду, чтобы мы могли выйти отсюда и поесть.

Продавщица заставляла меня примерять одно платье за другим. Массимо наблюдал за мной каждый раз, когда я выходила, но всякий раз, когда я спрашивала его мнение, он говорил только — «*Красиво*». Изредка он бросал — «*Бери, что хочешь*».

Валентино стало скучно после первого платья, и он начал флиртовать с каждой красоткой в магазине.

Я злилась на него от имени Катерины, но держала язык за зубами.

В итоге я остановилась на паре платьев приглушенных тонов, но все равно очень красивых — одно изумрудно-зеленое, другое розовое. Еще я купила две блузки и две юбки с узорами.

— Это все? — спросил Массимо, когда я принесла ему одежду.

— Это *все*?! — воскликнула я шепотом. — Все это вместе стоит более шести тысяч евро!

Он взял в руки несколько вещей, на которые я долго не могла решиться. В итоге я отказалась от них из-за цены.

— Тебе нравится это? — спросил он.

— Да, но...

Массимо передал их продавщице вместе с черной кредитной картой.

— Посчитайте и это.

— С удовольствием, — сказала она, отнеся все на кассу.

— Массимо! — воскликнула я.

— Что?

— Я не могу принять эти вещи!

— Нет, можешь.

— Нет, не могу!

— Нет, *можешь*, потому что мне нравятся мои яйца там, где они есть.

— Я думала, он тебя кастрирует, только если я вернусь в H&M.

— Если он узнает, что я не позволил тебе купить столько, сколько ты хотела, из-за цены, он, наверное, оторвет и мой член.

Когда вещи были оплачены и упакованы, Массимо нес по пакету в каждой руке. Остальное он поручил Валентино, когда мы вышли на улицу.

— Я могу их нести, — запротестовала я.

Он отказался.

— Ты — леди. Дамы не носят пакеты в присутствии джентльменов.

— Я не джентльмен, — сказал Валентино с улыбкой, — поэтому не обязан их нести.

— Заткнись, выучный мул, — дружелюбно ответил Массимо и облизнулся. — Итак... где бы поесть?

Глава 27

Дарио

Турок приехал через три часа после отъезда Алессандры и моих братьев.

Я наблюдал из окна, как подъехала небольшая колонна BMW. Когда он вышел из своей машины, с двух сторон встали его телохранители. Все остальные остались в своих машинах.

Я приказал своим людям — солдатам низшего звена, охранявшим поместье, обыскать их на предмет оружия. Только после того, как они будут признаны чистыми, их пропустят внутрь.

Никколо встретил их у входа. Затем он привел Турка одного в кабинет, где его ждали Роберто, Адриано и я.

Ларса с нами не было. Он ждал на крыше со своей снайперской винтовкой...

На случай, если люди Турка начнут буянить.

— Господин Эрдоган, — сказал я, пожав ему руку.

— Дон Розолини, — сказал Турок. Это был зрелый мужчина лет сорока пяти, высокий, одетый в безупречный костюм. Он был бы красив, если бы не рваный шрам, идущий от левого уха к уголку рта. — Должен сказать, я не привык, чтобы меня обыскивали, как какого-то обычного бандита в ночном клубе.

Его замечание меня разозлило. Я подумал, а не было ли это целью.

— Безопасность — наш главный приоритет, — холодно сказал я, когда мы все расселись по местам. — Я уверен, что вы понимаете.

— Я знаю, что ваш дядя доверяет мне, — ответил Турок на итальянском с сильным акцентом.

— В *этом* доме доверие нужно заслужить. Что я могу сделать для вас сегодня?

— Сразу к делу, да? — сказал он со зловещей ухмылкой, которую придавал его шрам. — Фаусто сказал, что вы сразу перейдете к делу.

— Я не хочу тратить ни свое, ни ваше время.

Никколо бросил на меня неодобрительный взгляд, но мне не понравилось поведение этого человека. В его тоне чувствовалось отсутствие уважения, что меня раздражало.

Мой отец не стал бы этого терпеть... а если Фаусто так поступал, то он просто дурак — даже если он мой дядя.

Турок кивнул.

— Хорошо, вот в чем дело: у нас бизнес с семьей Агрелла во Флоренции.

Агрелла были конкурирующей семьей, которая владела большей частью Флоренции.

Однако политики и судьи были у *нас* в кармане.

Агрелла управляли улицами, Розолини контролировали залы заседаний и правительство.

Наши семьи поддерживали непростой союз более двадцати лет. За все это время он ни разу не был нарушен.

Турок продолжал.

— Но, как мы оба знаем, чтобы доставить свой товар Агрелла, я должен пересечь *вашу* территорию в Тоскане. Я хотел бы воспользоваться вашими связями, чтобы переправить мои товары во Флоренцию, за что вы получите 10% от выручки. Если возникнут дополнительные вопросы, требующие решения — скажем, подкуп судьи или полиции, я готов обсудить их в каждом конкретном случае.

— Десять процентов — это мало, — сказал Роберто. — Обычно мы берем двадцать процентов.

— Это было понятно, когда был жив ваш отец, — ответил Турок. — Но после его смерти я вынужден задуматься, действительно ли двадцать процентов — адекватная цена.

Его слова прозвучали крайне грубо.

Адриано, вспыхнув, вскочил на ноги.

«Vaffanculo, pezzo di merda!»

Пошел ты, кусок дерьма!

Турок поднял руки.

— Я не хотел обидеть. Мой итальянский не самый лучший. Я просто озвучил то, как вижу реальную ситуацию.

— Реальность ситуации, — холодно сказал Никколо, — не включает в себя оскорбление нашей семьи.

— Но так ли это? После смерти твоего отца территория семьи была разделена между тобой и твоим дядей, не так ли? Таким образом, некогда могущественная империя Розолини теперь разделена на две части. Не ошибаюсь ли я, говоря так? — сказал Турок, выбрав слова несколько чопорно и официально.

Адриано, Никколо и Роберто посмотрели на меня, чтобы увидеть мою реакцию.

Я сохранял самообладание. Турок мне уже не нравился, но я не собирался спорить о процентах. Не тогда, когда есть куда более насущные вопросы.

— Меня больше интересует, какие именно «товары» вы будете поставлять Агрелла, — сказал я.

— Наркотики, например, — сказал Турок. — У нас есть опиум и героин из Турции, плюс у меня есть связи с Южной Америкой по кокаину. А еще у нас есть лаборатории по производству метамфетамина по всей Сербии и Хорватии. А также мы привозим девушек из Восточной Европы...

— На этом я могу вас остановить, — холодно сказал я. — Мы больше не занимаемся секс-торговлей, и наркоторговлю мы тоже прекратили.

Турок посмотрел на меня так, как будто я сошел с ума.

— С каких пор?

— С тех пор, как умер мой отец, и империя распалась на две части, — сардонически сказал я.

— Но... твой отец занимался всеми этими вещами — я *знаю*, что он занимался...

— Да, но сегодня новый день, я — новый Дон семьи, и мы решили не марать руки.

Щеки Турка вспыхнули от гнева.

— Значит, вы хотите сказать, что *мои* руки грязные?

— Что — я неправильно выразился? — спросил я с сарказмом, бросив ему в лицо его же слова.

Голос Турка стал еще холоднее.

— Позволю себе смелость задать вопрос — если вы полностью исключаете торговлю сексом и наркотиками, то чем же вы торгуете?

Я жестом показал Роберто, чтобы он ответил.

Он кивнул и повернулся к турку.

— Как вы уже сказали, наши основные преимущества — это политическое влияние и связи в полиции и судебной системе. Мы также контролируем порты на западном побережье, включая контрабанду краденых товаров. А еще — азартные игры, которые мы намерены сделать основным источником дохода в ближайшие два года.

— Азартные игры, — усмехнулся Турок. — Это не сравнится с тем, что я могу вам предложить.

— Мы сами об этом побеспокоимся, — сказал я. — Как видите, ваши цели несовместимы с нашими... а значит, мы не будем вести дела.

— Как же я смогу доставить свои товары во Флоренцию? — прорычал Турок.

— Доставьте их самолетом. Я не контролирую воздушные пути.

— Послушайте, все, что мне нужно, это наземный транспорт...

— Если Агрелла хочет нанимать местных девушек в качестве секс-работниц, я не могу это контролировать, — огрызнулся я. — Но вы не будете перевозить женщин через мою территорию. То же самое относится и к наркотикам.

Турок покачал головой и усмехнулся.

— Твой дядя *сказал*, что ты стал мягким.

Мой гнев разгорелся еще сильнее, когда я услышал его слова.

Какие бы разногласия не были у нас с Фаусто в прошлом, мой дядя не должен был так высказываться о семье.

— Ну, возможно, вам стоит вести дела с *ним*, — холодно сказал я. — Думаю, на этом мы закончим нашу встречу.

Турок нахмурился.

— Нет, не...

Я пристально посмотрел на него.

— *Да, закончим*. Мой брат проводит вас. Адриано?

— С удовольствием, — сказал Адриано, подойдя к креслу Турка.

— Ты упускаешь большую возможность, — прорычал Турок.

— Мой выбор.

Турок покачал головой.

— Невероятно.

— Поверь.

Адриано потянулся, чтобы взять его за руку, но Турок отдернул ее и поднялся сам. Затем он вышел из комнаты, и Адриано последовал за ним.

— Что ж, *это* было интересно, — сказал Никколо, когда они ушли.

— У тебя те же ощущения, что и у меня? — спросил я.

— Что речь идет не о том, чтобы вести с нами дела, а о том, что он присматривается к нам, чтобы понять, не может ли он напасть на нас? — сказал Никколо. — Безусловно.

— Если Фаусто действительно сказал, что мы пойдем на уступки, то нам нужно с ним поговорить, — сказал Роберто.

— Я думаю точно так же, — пробормотал я. — Никколо, позвони нашему «дорогому дяде» и договорись с ним на завтра.

Глава 28

Алессандра

Мы обедали в красивом ресторане в старой Флоренции. Столы были сервированы белыми скатертями и хрустальными бокалами, а еда была потрясающей.

— Вкуснее я ела только у вас дома, — сказала я Массимо.

Он похлопал себя по полному животу.

— Два эксперта из двух согласны.

— Но ты должен признать, — добавил Валентино, — что то место в Риме, куда мы ходим, лучше.

— Эй, эта дама только что аплодировала нашим домашним поварам, — добродушно сказал Массимо. — Прими комплимент, а?

— Я *надеюсь*, ты считаешь, что дома многие вещи лучше, — сказала я Валентино с нотками раздражения в голосе.

— О-о, похоже, у меня проблемы, — сказал Валентино.

— Похоже на то, — согласился Массимо.

— Что именно я сделал? — спросил меня Валентино.

— Ты флиртовал с каждой девушкой в магазине, когда у тебя дома есть прекрасная женщина.

— А, — сказал Валентино, как будто он наконец-то понял. — Послушай, Катерина пошла на это с широко открытыми глазами. Я никогда ей не лгал. Она знает, что я из себя представляю.

— И что же? — спросила я бесстрастным голосом.

— Бабник, — ответил Массимо.

Я рассмеялась.

Валентино протянул руки, мол, *что я могу сделать?*

— Я такой, какой есть, и хочу того, чего хочу.

— И чего же ты хочешь?

— *Всего*, — сказал он с ухмылкой.

— Надеюсь, ты не включаешь меня в это «все», — холодно сказала я.

Валентино поднял палец, как будто что-то забыл.

— Я хотел сказать — все, что не убьет меня, если я это получу.

— Ты хочешь сказать, что я убью тебя?

— Не ты — Дарио убил бы, — сказал Валентино. — И это правда.

Я сделала лицо, как будто не поверила ему.

— Дарио очень заботится о тебе, — согласился Массимо.

— Я думала, что он просто... собственник, — мрачно сказала я.

— Дарио мало что волнует. Но то, что ему не безразлично, он охраняет ценой своей жизни.

— Тогда почему он выгнал меня из дома?

— Почему он меня выгнал, — сказал Валентино, слегка насмехаясь надо мной. — Пару дней назад ты рискнула всем, чтобы *сбежать*.

— Ну... — сказала я, не желая признавать его правоту.

— Ха, ты *знаешь*, что я прав.

— Это не объясняет, почему он отослал меня.

— Была встреча с потенциальным деловым партнером, — объяснил Массимо. — Полагаю, он хотел...

И тут он запнулся.

— Что он хотел? — ждала их ответа.

Массимо и Валентино посмотрели друг на друга, а затем рассмеялись.

— Что смешного? — потребовала я.

— Я даже врать не умею, — сказал Валентино с ухмылкой. — Дарио не хотел, чтобы ты уезжала...

— Никколо хотел, — закончила я.

— Ага.

— Но почему?

— Наверное, по той же причине, по которой он разрешает Катерине работать только полдня, — сказал Массимо.

— А почему?

— Чтобы Валентино не срывался и не трахал ее при каждом удобном случае. Он делает это только по утрам.

— Боже мой! — воскликнула я.

— Что, твои девственные уши не могут воспринимать правду? — со смехом сказал Валентино. Затем он вдруг стал серьезным и обхватил голову руками. — Мои девственные уши не выдержат твоих криков, когда вы с Дарио будете вместе.

Я покраснела и спрятала глаза рукой.

Массимо засмеялся, но в то же время отругал Валентино.

— Перестань ее дразнить.

— Боже мой, Боже мой, Боже мой... — пробормотала я, оцепенев от ужаса.

Валентино завыл от смеха.

— Забавно, то же самое ты говоришь Дарио, только громче и выше. О, Боже, о, Боже...

— ХВАТИТ! — закричала я, швырнув в него булочку.

— Не надо кидаться едой, дети, — игриво укорил нас Массимо.

— Да, папа, — сказала я, наполовину шутя, наполовину раздраженно.

— На самом деле мы рады, что ты с ним, — сказал Массимо.

— Может, хватит об этом говорить? — взмолилась я.

— Я говорю в *общем* смысле. Не в смысле Валентино.

— Что, секс в кухонной кладовке? — спросил Валентино.

Массимо скорчил гримасу.

— Ты занимаешься этим рядом с едой? Да ладно, чувак...

— *Пожалуйста*, мы можем перестать говорить об этом! — прошептала я.

— Ладно, ладно. Но я рад, что ты здесь, — сказал Массимо. — В доме, я имею в виду.

— Почему?

Массимо улыбнулся.

— Потому что я никогда не видел своего брата таким счастливым.

Глава 29

Я никогда не видел своего брата таким счастливым.

Я думала о словах Массимо, пока мы возвращались к машине.

Часть меня радовалась...

... но часть меня была в замешательстве.

Дарио по-прежнему пугал меня во многих отношениях.

Он также был для меня большой загадкой

Казалось, что половину времени он был зол на меня...

... а вторую половину — как будто одержим.

Я начала думать о второй половине...

И о том, что он сделал со мной тем утром...

Когда Массимо положил руку мне на спину и легонько подтолкнул меня на улице.

— Иди быстрее, — прошептал он.

— Что? — спросила я, вынырнув из своих грез.

Я уже собиралась спросить, почему, когда заметила, что они с Валентино настороженно оглядывались по сторонам.

— Что происходит? — прошептала я.

— Что-то не так, — пробормотал Массимо, оглядевшись по сторонам.

Улица была оживленной, по тротуарам шли пешеходы, но что-то казалось неправильным.

Это было похоже на картину, где одна вещь была не на своем месте. Вы чувствовали, что что-то не так, но не могли понять, что именно.

— Иди к машине и открой заднюю дверь, — приказал Массимо Валентино.

Валентино побежал в спринтерском темпе.

Возможно, это и побудило наших врагов наконец-то раскрыться.

Как будто они испугались, что их обнаружили.

Двое мужчин на другой стороне улицы выскочили на дорогу с оружием наизготовку.

— ЛОЖИСЬ! — крикнул Массимо, оттолкнув меня за припаркованную машину и достав свой пистолет из-за спины.

С улицы по нам открыли огонь.

БАХ-БАХ-БАХ-БАХ-БАХ!

Стекло разбилось вдребезги.

Машины с визгом остановились.

Люди закричали и побежали в разные стороны.

И Массимо открыл ответный огонь.

БАХ-БАХ-БАХ!

— ЛОЖИСЬ! — крикнул Валентино, стреляя из своего пистолета над нашими головами.

Я посмотрела направо и увидела, что третий человек упал. Пистолет выпал из его руки на тротуар.

Массимо сделал еще один выстрел, чтобы убедиться, что незнакомец мертв, а затем снова повернулся к двум стрелкам на улице.

Он выстрелил в одного.

Второй спрятался за машину.

Массимо поднял меня на ноги и крикнул:

— Беги!

Всю дорогу он стоял между мной и стрелком, прикрывая меня.

В пятидесяти метрах впереди Валентино стрелял в кого-то еще, кого я не могла разглядеть. Он продолжал стрелять, распахнув заднюю дверь Мерседеса и обойдя его со стороны водителя.

Повсюду раздавались выстрелы.

Разбивались стеклянные витрины магазинов.

И вдруг мы оказались у машины.

— САДИСЬ, САДИСЬ! — крикнул Массимо.

Я забралась на заднее сиденье.

Массимо сделал последний выстрел, прежде чем нырнуть за мной и захлопнуть дверь.

Валентино уже сидел на водительском сиденье и заводил двигатель.

Окно рядом со мной разлетелось паутиной трещин, раздалось металлическое *пинг-пинг-пинг*, когда пули ударили в дверь машины.

Я вскрикнула, но тут же поняла, что стекло осталось целым.

Машина была пуленепробиваемой.

— ВЫТАСКИВАЙ НАС ОТСЮДА! — крикнул Массимо.

Валентино объехал остановившиеся машины и на большой скорости свернул налево.

— Ты в порядке?! — судорожно спросил Массимо.

— Да! — сказала я. Я была в ужасе, но боли нигде не чувствовала.

— Вэл? — спросил Массимо.

— Я в порядке, а ты?

— Меня ранили, — сказал Массимо с гримасой.

Только тогда я увидела кровь на его рубашке под пиджаком.

— О, Боже! — воскликнула я.

— Все в порядке, ничего страшного, — сказал он мне.

— Откуда ты знаешь?!

Он криво улыбнулся.

— В меня уже стреляли. Это ерунда.

— Может, мне ехать в больницу? — спросил Валентино.

— Нет, к черту, просто увези нас из города, — сказал Массимо, достав телефон. — Я сообщу Никколо о том, что происходит. Он скажет нам, что делать.

Глава 30

Дарио

Через час после отъезда Турка я все еще размышлял о его визите.

Я сидел в своем кабинете, когда вошел Никколо с бледным лицом.

— Что случилось? — спросил я.

— Во Флоренции стреляли, — ответил он.

Впервые за долгое время я почувствовал страх.

Панику.

— Алессандра?! — спросил я, вскочив со стула.

— С ней все в порядке, — сказал Никколо, а затем добавил. — Хотя твоя забота о братьях очень трогательна.

Я бросил на него взгляд, означающий *«не морочь мне голову»*.

— С ними все в порядке?

— Валентино в порядке. Массимо был ранен.

Я уставился на него.

— Насколько серьезно?

— Он говорит, что пуля прошла навылет, серьезных повреждений нет, но я попрошу их встретиться с врачом, специализирующимся на огнестрельных ранениях на конспиративной квартире Агрелла.

— Нет. Скажи ему, чтобы немедленно возвращался сюда.

Никколо выглядел рассерженным.

— Если речь идет о защите Алессандры...

— Откуда нам знать, что за нападением не стоят Агрелла?

— Мы не знаем, но они...

— Не нарушали нашего соглашения уже более двадцати лет, ты это хотел сказать?

— Позволь мне угадать, что *ты* собираешься сказать, — огрызнулся Никколо. — Что это невероятно подозрительно, что Агрелла ведет дела с человеком, которому ты только что отказал.

— Если это и совпадение, то самое неудачное из всех, которые я когда-либо видел. Мы знаем, где находится оперативная база Турка?

Никколо покачал головой.

— Нет, и его машина, вероятно, уже вне досягаемости.

— Агрелла — нет, — прорычал я. — Мы *точно* знаем, где они находятся.

— Агрелла *могли* нанять каких-нибудь иногородних киллеров, чтобы те расправились с Валентино и Массимо, это правда, — признал Никколо. — Или они могли согласиться, чтобы люди Турка сделали это. Возможно и то, и другое, но я только что разговаривал с консьюэри Агрелла, и он предложил нам одну из их конспиративных квартир. Если их семья сделает что-то в открытую, что навредит Массимо или Валентино, начнется полномасштабная война. Агрелла не настолько глупы, чтобы так рисковать.

— Если только они не похожи на Турка, и не считают, что смерть папы сделала нас слабыми, — сказал я. — Неужели ты собираешься поставить на кон жизни Массимо и Валентино?

Никколо прищурил глаза.

— И жизнь Алессандры тоже? Или ты просто случайно забыл ее имя?

— *Немедленно* верни их сюда. Позвони в полицию, чтобы их не останавливали. Предоставь им новую машину, если их машина разбита. Сделай все, что потребуется, но мы не будем доверять Агрелла в этом деле.

Никколо покачал головой, достал телефон и набрал номер.

— Тюрьма сделала тебя параноиком, знаешь об этом?

— Если ты собираешься быть *консильери* военного времени, брат, тебе лучше стать гораздо более параноидальным, — огрызнулся я.

Никколо бросил на меня взгляд, затем отвернулся.

— Массимо? Новый план...

Глава 31

Алессандра

Ларс и десять солдат семьи встретили нас на полпути к дому. Они ждали в трех новых машинах на обочине дороги, и большинство из них были хорошо вооружены.

С ними был еще один человек, по-видимому, врач. Пока Ларс караулил, врач осмотрел Массимо и подключил к его руке капельницу и пакет с физраствором. Затем он разрезал рубашку Массимо, чтобы осмотреть рану.

— С ним все будет в порядке? — с тревогой спросила я.

— Никаких перестрелок на некоторое время, и все будет в порядке, — заверил меня врач.

— Пуля даже не пробила мышцу — в основном, только кожу и жир.

— Эй, ты называл меня толстым? — с притворным возмущением сказал Массимо.

Ларс усмехнулся.

— Не волнуйся. Мы знаем, что у тебя просто широкая кость.

Пока доктор перевязывал Массимо, все разговаривали на обочине.

— Спасибо, — сказала я Массимо в десятый раз.

— Не стоит. — он одарил меня кривой улыбкой.

— Ты спас мне жизнь. Это не пустяк.

— Эй, я обеспечил машину, — шутливо сказал Валентино. — Я просто хотел бы отметить, что если бы не это, мы все были бы мертвы.

— И тебе спасибо, — сказала я, подыграв ему.

— Не за что, — сказал он с шутливой напускной скромностью. — Лишь бы все поняли, кто *настоящий* герой.

— Да пошел ты, — со смехом сказал Массимо. — Не тебя подстрелили.

— Да, потому что у меня хватило ума *не* ловить пулю.

— Если бы ум не позволил человеку получить пулю, тебе бы вышибли мозги.

Валентино усмехнулся.

— Наверное.

— И разница в IQ тоже не была бы заметной, — пошутил Массимо.

— Эй, только бы они не отстрелили мне член.

— Надо правильно расставлять приоритеты, — усмехнулся Ларс.

— Вообще-то, — сказал Валентино, — я думаю, что в меня не стреляли, потому что я не такая большая мишень, как Массимо.

— Это точно, — язвительно отозвался Массимо.

Валентино показал на меня.

— Маленькая мишень — не подстрелили.

Затем он указал на себя.

— Мишень побольше — не попали.

Затем он указал на Массимо.

— Гигантская мишень — попали. Я бы сказал, что вывод очевиден.

— Я думаю, это потому, что ты бегаешь так быстро, как маленькая испуганная белка, — сказал Массимо.

— Возможно, отчасти так оно и есть, — согласился Валентино. Затем он усмехнулся и показал на свое лицо. — Но я был *вынужден* бежать быстро, поскольку было необходимо сохранить эту красоту для дам.

— Ты хочешь сказать, что я некрасивый? — спросил Массимо.

— Скажем так, пара пуль в лицо может улучшить твою внешность.

Как только врач сказал, что с Массимо все в порядке, Валентино, Ларс, Массимо и я сели в лимузин. Один из солдат сел за руль изрешеченного пулями Мерседеса, чтобы доставить его обратно в особняк.

— Знаешь, это очень серьезно, — сказал Ларс Массимо, когда мы все ехали на заднем сиденье лимузина.

— Я знаю, — ответил Массимо.

— Что в тебя стреляют? — сказала я иронично. Я была поражена, что они так легкомысленно отнеслись к этому. — Я бы сказала, что это не стоит выеденного яйца.

— Нет, не это, — сказал Массимо. — Никколо договорился, что мы поедem на конспиративную квартиру, принадлежащую другой семье, но потом перезвонил и сказал, что нужно вернуться в особняк.

— Это значит?..

— Это значит, что он не доверяет нашим союзникам во Флоренции, — пояснил Ларс. — И если это так, то все *очень* серьезно.

— И следовательно это?.. — спросила я, у меня заныло в животе.

— Предательство, — сказал Массимо. — Конец двадцатилетнего союза... возможно, тотальная война.

Я думала, что ничего хуже покушения на нашу жизнь быть не могло.

Но, судя по тому, как вели себя Валентино, Массимо и Ларс, видимо, это было возможно.

Когда наш лимузин подъехал к дому, у входа стояло с десяток вооруженных людей.

Все остальные братья ждали нас — Дарио, Никколо, Адриано и Роберто.

Один из вооруженных людей открыл мне дверь лимузина.

Как только я вышла, Дарио оказался рядом.

Он нежно коснулся моей щеки и спросил.

— Ты в порядке?

Нежность и забота в его голосе...

... это было так на него не похоже.

Внезапно все пережитое снова обрушилось на меня.

Звуки выстрелов и бьющегося стекла.

Ужас от мысли, что я сейчас умру.

Глаза заслезились, и я кивнула.

Дарио притянул меня к себе и обнял за плечи.

— Теперь ты в безопасности, — прошептал он мне на ухо. — Ты в безопасности.

Адриано помог Массимо выбраться из задней части лимузина. Ларс попытался помочь ему вернуться в дом, но Массимо отмахнулся от него.

— Пошел ты, — сказал он с улыбкой. — Я не девяноста восьмилетняя бабушка.

— Да, я не знаю ни одной девяноста восьмилетней бабушки, которая весила бы двести восемьдесят фунтов, — ответил Ларс.

Дарио отошел от меня на достаточное расстояние, чтобы обнять Валентино и Массимо.

— Я рад, что вы оба в порядке.

Массимо отмахнулся от него.

— Да уж... Бывали у меня ситуации и похуже этой.

— Он спас мне жизнь, — сказала я.

Все повернулись, чтобы посмотреть на меня. Покраснев от того, что оказалась в центре внимания, продолжила.

— Они оба спасли, — сказала я. — Валентино побежал за машиной, а Массимо встал между мной и преступниками. Только благодаря ему я еще жива.

— Тогда мне вдвойне есть за что тебя благодарить, — произнес Дарио, похлопав Массимо по щеке.

— Ничего страшного, — застенчиво ответил здоровяк.

Валентино шутливо кашлянул, чтобы разрядить обстановку.

— Я бы сказал, что машина была абсолютно решающим фактором.

— Не забывай, что ты бежал как испуганная белка, — ответил Массимо.

— И это тоже, — согласился Валентино.

Дарио похлопал Валентино по плечу.

— Отличная работа.

Валентино сделал вид, что отмахивается от комплимента... затем усмехнулся.

— Я знаю.

Дарио вернулся и обнял меня.

Я была шокирована его открытым проявлением любви ко мне в присутствии его братьев...

... но все равно мне было приятно услышать от него эти слова.

— Ну что, *консильери*? — сказал Массимо. — Ты непривычно молчалив.

— Это потому, что Дарио считает возможным начало войны, — сказал Никколо.

— Да, — вздохнул Массимо, — мы так и подумали.

— Что произошло на встрече? — спросил Валентино.

— Пойдемте в дом, обменяемся историями, — сказал Никколо. — Есть о чем поговорить.

Пока мы шли в дом, Дарио держал свою руку на моей талии и не отпускал ее.

Глава 32

Оказавшись дома, братья проговорили больше часа.

Все это время я сидела рядом с Дарио, и он обнимал меня за плечи.

Только так я чувствовала себя в безопасности.

Я почти не слушала их разговоры об Агрелла и какой-то загадочной фигуре, которую они называли Турком.

— У этого ублюдка шрам от уха до самого рта, — сказал Адриано. — Похоже, он проиграл нападение с ножом.

— Давайте убедимся, что он проиграл и в этой схватке, — сказал Никколо.

В какой-то момент Роберто настороженно посмотрел на меня и спросил.

— А она должна быть здесь?

— В нее тоже стреляли, — ответил Массимо. — Я считаю, что любой, в кого стреляли, может остаться.

Я была тронута его ответом.

Больше до конца вечера вопрос о моем присутствии не поднимался.

Наконец мы удалились в столовую, где для нас был накрыт простой ужин из макарон и холодных закусок.

Однако я был измотана и совсем не хотела есть.

— У меня действительно нет аппетита, — сказала я. — Пожалуй, я пойду наверх.

— Ты в порядке? — спросил Дарио с искренним беспокойством в глазах.

— Да, просто... это было немного слишком.

— Приятных снов, Алессандра, — сказал Никколо, и все остальные в комнате повторили его слова.

Дарио смотрел, как я уходила. А я в это время видела только его глаза.

Я пошла в свою комнату, разделась и надела пеньюар.

Но стоило мне лечь в постель, как снова нахлынули образы и звуки того дня.

Выстрелы...

Крики толпы.

Абсолютный ужас, который я испытала.

Уверенность в том, что я умру...

Меня начала бить неконтролируемая дрожь.

Вдруг раздался стук в дверь.

— Войдите, — произнесла я, взяв себя в руки.

Я подумала, что это Филомена зашла проведать меня.

Но это было не так.

Это был Дарио.

Он подошел и сел на кровать рядом со мной.

— Ты в порядке?

— Я в порядке, — отозвалась как можно увереннее.

Он посмотрел на меня своим пронзительным взглядом.

— Не морочь мне голову. Ты в порядке?

Я попыталась сохранить самообладание...

Но мое лицо сморщилось, навернулись слезы, и я отрицательно покачала головой.

Он снял ботинки, сел на кровать рядом со мной и раскрыл объятия. Я прижалась к его сильной груди, и он обнял меня.

Я сразу же расслабилась.

Как сильно испугалась его, когда впервые увидела в кафе отца...

И продолжала бояться в течение следующих нескольких дней.

Но теперь он был единственным, кто помогал мне чувствовать себя в безопасности.

Единственным, кто заставлял меня чувствовать себя защищенной.

Он прижимал меня к себе, пока мои слезы не утихли.

Затем Дарио заговорил.

— В первой перестрелке я участвовал, когда мне было пятнадцать лет. В дом пришли мужчины, чтобы убить моего отца. Он отослал мою мать с Адриано, Никколо, Роберто и Валентино. А мне он дал пистолет и сказал, что этот день рано или поздно наступит. Пришло время встретить его.

Я отпрянула назад и уставилась на него.

— Твой отец отправил тебя в перестрелку, когда тебе было пятнадцать?!

Он улыбнулся.

— Там были не только я и мой отец, но и дюжина его людей. И я много лет готовился именно к этому моменту. Мы все готовились... но Адриано было всего тринадцать, Никколо и Роберто — по десять, а Валентино — всего семь. Они были еще детьми.

— Ты тоже был ребенком, — настаивала я.

— Не в этой семье, нет. Мой отец готовил меня к тому, чтобы я заменил его, с самого рождения. В том бою я впервые понял, насколько страшной может быть жизнь. — Дарио осторожно отвел прядь волос от моего лица. — Я хочу сказать, что понимаю, что сегодня тебе было ужасно страшно. Мне жаль, что это случилось... и я сожалею, что поставил тебя в такую ситуацию.

— Ты не знал... не знал? — спросила я, внезапно почувствовав беспокойство.

— Не знал, иначе я бы никогда не позволил тебе выйти из дома.

Я снова прижалась головой к его груди.

— Ну... теперь я в безопасности... верно?

— Абсолютно, — пробормотал он. — Я даю слово.

Он гладил меня по спине, прижав к себе...

... и вдруг мне захотелось большего.

Я подняла свое лицо к его лицу... посмотрела ему в глаза...

А потом нежно поцеловала его в губы.

Он так же нежно ответил.

Мы целовались несколько минут, медленно и романтично...

А потом я почувствовала, как его пальцы скользнули под мой пеньюар.

Он начал гладить обнаженную кожу спины...

Я чувствовала, как твердеет его член в брюках.

Его правая рука провела по моему боку...

И он начал ласкать мою грудь, пока мы целовались.

Когда его пальцы коснулись моих твердых сосков, по всему моему телу пробежала дрожь.

Затем его рука опустилась к моим трусам и скользнула спереди.

Я ощущала, как его пальцы перебирают мои локоны и спускаются дальше...

Нежно раздвигают мои губы, которые были такими влажными...

А потом он смазал кончиком пальца мой мокрый клитор и стал нежно обводить его.

Я начала стонать, потом резко остановилась.

— Что случилось? — спросил он, нахмурившись.

— ... они меня слышат, — смущенно прошептала я.

Он дьявольски улыбнулся.

— Если тебя это беспокоит, я заставлю их всех стоять в поле каждый раз, когда буду укладывать тебя в постель.

Я рассмеялась.

— Ты не можешь этого сделать!

— Не могу? — возбуждающе прошептал он мне на ухо, поглаживая мой клитор. — Я глава семьи. И могу заставить их делать все, что захочу. А я *хочу*... услышать, как ты кончаешь.

Его слова еще больше возбудили меня. Я задохнулась, услышав их.

Я прижалась к его мускулистому телу, чувствуя, как удовольствие поднимается между моих ног.

Но потянулась вниз и схватила его за руку, чтобы остановить.

— Что? — спросил он в отчаянии. — Я пойду и пошлю их прямо сейчас, клянусь Богом...

— Дело не в этом, — застенчиво сказала я. И потянула его за рубашку. — Я хочу, чтобы ты разделся.

— О, — сказал он со смехом, затем встал рядом с кроватью и начал быстро раздеваться.

Луна, проникающая через окно, была единственным источником света в комнате, но этого было достаточно.

Я завороченно смотрела, как он снимал рубашку, обнажив мускулистую грудь и идеальный пресс...

Татуировки, покрывающие его оливковую кожу...

А потом с него соскользнули брюки, обнажив его мужское достоинство, длинное, толстое и твердое.

Я протянула руку, чтобы дотронуться до него.

Он улыбнулся, когда моя маленькая ладошка сомкнулась вокруг его члена и медленно двинулась вниз по его длине.

— Тебе тоже нужно снять это, — сказал он, схватил мой пеньюар и подняв его над головой.

Затем он потянул за трусики. Я приподняла бедра с кровати, чтобы ему было легче снять их с моего тела.

Затем он лег рядом со мной, прижавшись ко мне всем своим мускулистым телом. Я чувствовала животом его твердый член. Дарио снова начал целовать меня.

Мы занимались этим еще несколько минут, а затем его рука начала ласкать меня между ног.

— Дарио, — прошептала я.

— Да?

Я робко посмотрела на него.

— Что? — проворчал он.

— Я... я хочу тебя. Внутри меня.

Он улыбнулся.

— Давай я сначала подготовлю тебя.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что нужно подготовить меня... оххх...

Я застонала, когда он поцелуями прошелся по моей шее до груди...

Где он нежно пососал мои соски.

Затем перешел к моему животу, где оставил нежные поцелуи...

По пути к моей киске, где он начал лизать ее.

— О, Дарио, — прошептала я.

Я закрыла глаза, пока его язык ласкал мой клитор.
Затем я почувствовала, как что-то раздвинуло мои губы и мягко вошло в меня.
Я задышалась.
Только через секунду я поняла, что это его палец.
Затем он начал двигать им внутри меня...
Сгибая его...
Поглаживая меня...
И при этом лизал мой клитор.
Ощущения были потрясающими.
Это дополняло движение его языка на моей киске.
Но и заставляло меня жаждать большего.
Я хотела быть полностью заполненной.
Но мне было слишком хорошо...
Все, что я могла делать, это лежать с закатившимися глазами.
Наслаждение внутри меня нарастало — все выше и выше...
Как вдруг он убрал свой палец.
Я уже собиралась разочарованно спросить:
— *Почему ты остановился?!*
Когда внутри меня снова возникло еще большее давление.
Два пальца.
Он снова начал гладить меня, облизывая.
Я застонала от удовольствия.
Ощущение наполненности усилилось.
И мне это *нравилось*.
Но еще больше мне хотелось его члена.
Я извивалась на простынях, мое тело реагировало и на его язык, и на пальцы.
— Дарио, — задышалась я.
— Мм? — пробормотал он.
Честно говоря, он не мог сказать ничего другого, так как его рот был занят другим.
— Я сейчас закричу, — прошептала я в панике. — Это слишком приятно!
Его свободная рука сделала жест в мою сторону, мол, *давай, сделай это*.
— Но они услышат! — застонала я.
Я была слишком близко.
И не могла контролировать себя...
Но тут Дарио протянул руку, схватил ближайшую подушку и швырнул ее мне в грудь.
Послание было ясным.
Я накрыла ею лицо и закричала в нее, когда кончила.
Все мое тело напряглось, когда волны удовольствия прокатились по мне, расходясь от клитора и от того места, где он гладил меня внутри.
И я продолжала кричать до хрипоты.
Наконец волны наслаждения стали спадать.
Я почувствовала, как он перестал лизать и гладить меня, а затем его тело скользнуло по моему, и он отбросил подушку.
Он усмехнулся, увидев мое лицо. Уверена, что я выглядела так, словно была сильно пьяна.
— Думаю, мы решили проблему с тем, что они услышат твой крик, — прошептал он.
— ... хорошо... — пробормотала я.

— Ты все еще хочешь, чтобы я был в тебе?

Внезапно я очнулась, и мое сердце забилося быстрее.

— ... да, — прошептала я.

Он поцеловал меня в губы, и я почувствовала собственный вкус на его губах.

Мне это нравилось.

Мне нравилось знать, что он пробовал меня на вкус все то время, пока доставлял мне такое удовольствие.

— Хорошо, — пробормотал он. — Но мы не будем торопиться.

Глава 33

Он лежал на боку, так что у меня был полный доступ к передней части его тела. Мы начали целоваться медленно и романтично. Все это время он ласкал мою грудь... А я нежно водила пальцами вверх-вниз по его члену. Он так возбуждился, что из щели на его набухшей головке потекла капелька влаги. Я провела пальцами по этой жидкости и стала ласкать ею его член. Он стал таким скользким, что я могла двигаться быстрее... моя кожа скользила по его коже...

Он застонал от удовольствия. Его член сократился один раз... потом другой... Крошечные спазмы, которые на секунду сделали его больше... И от которых он стал еще более скользким и влажным. — Ты готова? — наконец прошептал он. Я робко кивнула и медленно раздвинула ноги. Он опустил на меня и взял в руку свой ствол. Затем поцеловал меня в губы и улыбнулся. — Сначала только кончик. Я прикусила губу и посмотрела вниз, когда он приставил свою набухшую головку к моей киске.

Я не могла видеть, что происходит. Но чувствовала это. Боже мой... Это было *блаженство*. Мягкая, огромная, твердая и влажная головка легко и медленно вошла в меня. Я задыхалась. — Слишком много? — спросил он. Я быстро затрясла головой. — Нет! Он хмыкнул... и еще чуть-чуть подался вперед. — О! — вскрикнула я. Он тут же отстранился. — Нет, подожди, не выходи! — заскулила я. — Я подумал, что причиняю тебе боль, — пробормотал он, поцеловав мое ухо, затем рот. — Может быть, немного, — призналась я. А потом добавила голосом, полным желания. — Но мне было *так хорошо*.

Он снова улыбнулся. На этот раз он остался прямо надо мной, опираясь на один локоть. А другой рукой он снова подвел себя к моей киске... И медленно ввел себя внутрь. Он смотрел мне в глаза... И я почувствовала, что соединилась с ним почти на духовном уровне, когда его тело стало единым с моим. Мой рот издал удивленное «О», когда он вошел в меня еще немного глубже. — Дыши, — приказал он.

Я сделала несколько глубоких вдохов.

— Просто привыкай к этому, — прошептал он.

Я кивнула, не в силах говорить.

И тут я почувствовала, как его палец снова коснулся моего клитора.

Ощущение его члена в моей киске...

И осознание того, что, *Боже мой, он внутри меня!*

Плюс эта нежная, мягкая ласка моего клитора?

Я немедленно кончила.

Вскрикнула от удовольствия, которое прокатилось по моему животу до груди. Мои соски покалывало от этого ощущения.

— Ах, — прошептал Дарио с улыбкой. — Так *вот* в чем секрет.

Он снова поцеловал меня, а затем пристально посмотрел в мои глаза, нежно обводя мой клитор...

И медленно погружался в меня.

Я вцепилась в его взгляд, как утопающая.

Точнее, тонущая в наслаждении женщина.

Все мое тело словно накрыло одной гигантской волной оргазмического блаженства.

Я чувствовала, как он погружается в меня все глубже и глубже...

Его обнаженный член в моей киске...

Его толстый и горячий ствол...

А я все кончала и кончала, все сильнее и сильнее.

Чем больше он заполнял меня, чем глубже проникал внутрь, тем сильнее я кончала.

Я смотрела в его глаза, а он — в мои.

Вцепившись в его широкие плечи, впила ногтями в его кожу.

И продолжала кончать, волна за волной, не зная, где кончался один оргазм и начинался другой.

В конце концов он перестал прикасаться к моему клитору и просто лежал на мне, опираясь на предплечья и глядя мне в глаза.

Оргазм постепенно отступал, хотя я чувствовала, что мое тело все еще плывет по океану наслаждения. Но это были нежные волны, а не те, что накатывали на меня всего минуту назад.

Он улыбнулся.

— Все в порядке?

Я энергично кивнула.

— Все *замечательно*.

Он засмеялся и поцеловал меня.

Внезапно его член начал сокращаться.

Я почувствовала, как он становится все больше и больше внутри меня.

— О! — вскрикнула я, наслаждаясь этим ощущением.

Он усмехнулся.

— Ты это почувствовала, да?

— О, да...

— Ммм... как насчет этого? — спросил он, медленно выйдя из меня на несколько сантиметров...

... а затем так же медленно ввел свой член обратно.

Мои глаза закатились назад.

— *Madonn*, — простонала я.

Он громко рассмеялся.

Я засмеялась вместе с ним, хотя и покраснела.

— Это первый раз, когда я слышу, как ты ругаешься, — прошептал он.

— Ты заставляешь меня делать всякие вещи, о которых я и не мечтала.

— Ммм... ну, давай посмотрим, сможем ли мы заставить тебя сделать еще несколько вещей.

Он поцеловал меня, его язык мягко двигался по моему...

Затем он начал покачивать бедрами вперед-назад, медленно выходя из меня и снова входя.

Я застонала от удовольствия. Это было совсем другое ощущение, чем когда он ласкал мой клитор, но оно было таким *приятным*...

Он полностью заполнял меня...

Наши тела соединились в непреодолимом удовольствии.

Абсолютно новые переживания...

Головка его члена касалась таких мест внутри меня, о существовании которых я даже не подозревала, но эти действия вызвали невыразимое удовлетворение...

Я чувствовала, как он становился толще внутри меня, когда вошел в меня на половину своего члена.

Затем он начал двигаться чуть быстрее.

Нежное удовольствие, которое я испытывала от его медленных движений, становилось все более интенсивным.

Я задыхалась, когда он начал входить в меня.

Быстрые удары сменялись парой медленных...

Потом еще один толчок, и он *глубоко* вошел в меня. К непреодолимому наслаждению уже примешивалась боль.

Я услышала влажный звук его тела, ударяющегося о мое, *шлеп-шлеп-шлеп!*

Чувствовала, как его яйца упираются мне в задницу, щекоча там, где я этого не ожидала.

А потом все это словно исчезло, когда я испытала оргазм, не похожий на все предыдущие.

Он пришел из *глубины* меня, взрыв и высвобождение чистого наслаждения, которое пронеслось от макушки головы до кончиков пальцев ног.

Я полностью потерялась, утонув в нем.

И закричала, кончая все сильнее и сильнее.

Вдруг Дарио зарычал мне в ухо.

А потом он тоже кончил.

Я чувствовала, как что-то горячее и влажное выплеснулось в меня, как его член пульсировал снова и снова в мелких спазмах.

Осознание того, что *он* кончает, что я *заставила* его кончить в меня — подтолкнуло меня еще выше.

Я издала один долгий, последний крик экстаза, когда мой оргазм достиг своего пика.

Его толчки стали замедляться...

И моя собственная волна наслаждения стала спадать, хотя мелкие волны блаженства все еще проносились сквозь меня.

Я чувствовала, как его член изредка вздрагивал внутри меня.

В конце концов, он перестал двигаться.

Его член по-прежнему был твердым, хотя, возможно, и не таким большим, как раньше.

Он поцеловал меня нежно, сладко.

Мы оставались в таком состоянии еще несколько мгновений...

Он все еще был во мне, целовал меня...

Пока, наконец, не покинул мое тело.

Глава 34

После этого мы лежали в объятиях друг друга. Я прижалась к нему, и его пальцы нежно касались моей обнаженной кожи.

— Как прошел твой первый раз? — спросил он.

— Рай, — пробормотала я.

Он хихикнул.

— Хорошо. А как ты чувствуешь себя *сейчас*?

— Замечательно. Но... немного болит.

Мне *было* больно, это правда... но это была восхитительная боль, потому что напоминало о нем внутри меня.

Я провела рукой по его прессу... спустилась к копне волос... и стала ласкать его тяжелый, вялый член. Даже мягкий, он казался огромным в моей руке.

От моего прикосновения он начал оживать, медленно увеличиваясь в длину с каждым ударом его сердца.

— Осторожно, — шутливо сказал он. — Не разбуди дракона.

— Чудовище... — добавила я игриво...

И тут же замерла.

Эти слова заставили меня вспомнить первую ночь, когда я увидела его — ведь именно так я называла его в своей голове:

Il Mostro.

Вдруг я вспомнила, как он наклонился и прошептал мне на ухо: «*Ты будешь моей шлюхой. Но только моей... и ничьей больше*».

Дарио почувствовал, как я напряглась.

— Что такое?

— ...ничего.

Он мягко толкнул меня на спину и заглянул мне в глаза.

— Что? — потребовал он.

В уголке моего глаза появилась слеза и медленно потекла по лицу.

— Похоже, я теперь твоя шлюха, — с горечью сказала я и отвернулась от него.

Он положил руку мне на подбородок и заставил посмотреть на него.

— Теперь ты — моя *женищина*, — прошептал он. — И только моя... и ничья больше.

Из моей груди вырвался всхлип, и я улыбнулась сквозь слезы.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня...

Я страстно поцеловала его в ответ...

И мы снова занялись любовью.

Глава 35

Всю ночь мы проспали в объятиях друг друга.

Когда сквозь стеклянные двери моей комнаты забрезжил рассвет, я приоткрыла глаза.

И улыбнулась, почувствовав позади себя его тело, прижавшееся ко мне...

Его мускулы прижимались к моему мягкому телу...

И вдруг мои глаза широко распахнулись.

— Проснись! — судорожно прошептала я, повернувшись к нему и начав трясти его.

Дарио мгновенно проснулся. Он сел в кровати и оглядел комнату в поисках какой-нибудь угрозы.

— Что?! Что такое?!

— Ты должен уйти!

Он растерянно посмотрел на меня.

— ... что? Почему?

— Потому что они узнают, где ты провел ночь!

Он ухмыльнулся.

— Уверен, что все уже знают об этом.

Я уставилась на него.

— ... почему?

— Ну, когда кончала, лицо подушкой ты накрыла только в *первый* раз.

Я вспомнила прошедшую ночь и поняла, что он был прав.

Я была настолько поглощена занятием любовью с ним, настолько переполнена наслаждением, что забыла обо всем остальном.

Поэтому закрыла лицо руками и застонала в них.

— Боже мой...

Он засмеялся и снова лег рядом со мной.

Я вдруг почувствовала его руку на своей груди.

— Мы можем их разбудить... — соблазнительно прошептал он мне на ухо.

— Ты с ума сошел?! — зашипела я, отшвырнув его руку. — Ты должен уйти! СЕЙЧАС!

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Что на тебя нашло?

— Если ты *сейчас* же не уйдешь, Филомена узнает, что ты был здесь!

Он прищурился в недоумении.

— Филомена?

— Старуха-служанка! — когда он никак не отреагировал, я воскликнула. — Ты ее не знаешь?!

— Наверное, ее наняли, пока я был в тюрьме. — Дарио зевнул, затем обхватил меня и притянул мое обнаженное тело к своему. — Будь я проклят, если позволю какой-то старухе вмешиваться в...

— УХОДИ! — громко прошептала я, вытолкнув его из постели.

Он удивленно покачал головой.

— Я глава самой могущественной семьи в Тоскане, а меня вышвыривают из постели из-за какой-то старой бабки.

— Иди, иди! — сказала я, отпихнув его.

Он вздохнул и поднял с пола свою одежду.

— Только для тебя.

Я улыбнулась...

И любовалась его обнаженным телом, пока он наклонялся, чтобы поднять свои брюки...

И на секунду подумала, что, *может быть*, мне стоило попросить его остаться...

Но тут он двинулся к двери.

Голый.

— Что ты ДЕЛАЕШЬ?! — зашипела я.

— Ухожу, — ответил он с вызовом.

— Ты не можешь уйти в *таком* виде!

— Все спят, Алессандра.

— Но если Филомена проснется и *увидит* тебя?!

— Тогда, может быть, у нее случится сердечный приступ, и она умрет, а тебе больше не придется выгонять меня из постели.

Но он шагнул к своим брюкам и натянул их.

Я вздохнула с облегчением.

— Ты понимаешь, что она все равно узнает, что именно произошло, если я выйду из твоей комнаты в шесть утра?

— Лучше *так*, чем чтобы она увидела нас в кровати, — прошептала я.

Он захихикал, надев рубашку.

— Кстати, встреча с моим дядей в десять утра.

Мое сердце замерло.

— Хорошо... Я останусь в своей комнате...

— Нет, я говорю тебе, потому что хочу, чтобы ты была там.

Я удивленно уставилась на него.

— Почему?

— В тебя стреляли так же, как в Массимо и Валентино. Ты могла увидеть что-то, о чем они забыли.

— Ох...

В этот момент я почувствовала себя причастной к происходящему так, как никогда раньше.

Он подмигнул и улыбнулся.

— К тому же, ты теперь моя женщина.

Мое сердце заколотилось.

Но он вышел за дверь и ушел, прежде чем я успела ответить.

Я снова легла в постель со счастливой улыбкой.

Приятная боль между бедер напомнила мне о том, чем мы занимались прошлой ночью...

И я начала жалеть, что выгнала его.

Глава 36

Как только пришло сообщение о том, что Фаусто на территории, все мы — Дарио, я, его братья и Ларс — вышли на ступеньки перед особняком.

Подъехал небольшой автопарк черных Мерседесов и BMW. В центре был серебристый Роллс-Ройс. Машины припарковались, и из них вышли с десятков мужчин в костюмах. В основном им было за тридцать и сорок, в отличие от людей Дарио, которым почти всем было по двадцать.

Никколо прочитал мои мысли.

— Когда наш дядя отделился от семьи, большинство наших бывших соратников ушли вместе с ним, — пояснил он.

— Видимо, поэтому нам пришлось нанять в качестве слуг надоедливых старых горничных, — пробормотал Дарио себе под нос.

— Что? — сказал Никколо. — Я не понял, что...

— Ничего, — сказала я, пнув ногой ботинок Дарио.

Он только молча ухмыльнулся.

Двери Роллс-Ройса открылись, и из него вышли двое мужчин.

Один из них был молодым, может быть, лет на пять старше меня. Он был высокий, жилистый и не такой мощный, как Дарио. Длинные черные волосы были собраны в хвост, спускавшемся на шею. Его лицо было жестоким, а глаза такими темными, что казались почти черными.

Я вздрогнула, когда он взглянул на меня, и обрадовалась, когда он отвернулся.

Второй мужчина был намного старше — ему было, наверное, около пятидесяти лет. Он был мощного телосложения, но с небольшим брюшком, которое не мог скрыть его дорогой костюм-тройка. У него были усы и козлиная бородка, а глаза озорно поблескивали под густыми бровями. Черные волосы седели с висков, часть седины также разметалась по бороде.

— Дон Розолини, — игриво произнес он, подойдя к Дарио.

— Дядя Фаусто, — ответил Дарио, обняв его. — Спасибо, что приехал.

— С удовольствием. Никколо, Адриано, Роберто — рад вас видеть. Валентино, все еще чертовски красив для своего блага. — Фаусто повернулся к Массимо. — Ты в порядке?

— Да, спасибо, *padrone*, — тепло ответил Массимо.

— Хорошо. Я рад, что ты сам расправился с несколькими ублюдками.

Затем Фаусто повернулся ко мне.

— Это Алессандра, — сказал Никколо.

— А-а-а... так *это* и есть та самая девочка, которая доставила столько хлопот.

Я удивленно повернулся к Дарио.

Однако ответил Никколо.

— Кафе твоего отца формально находится на территории дяди Фаусто. Мы должны были уведомить его о своих намерениях в ту ночь, когда расправлялись с незваным гостем.

— И вы с ним разобрались, — сказал Фаусто. Он похлопал Ларса по плечу. — Если тебе когда-нибудь надоест работать на моих племянников, приходи ко мне. Такой человек, как ты, мне всегда пригодится.

Ларс только вежливо улыбнулся.

Подошел человек с хвостиком.

— Позвольте представить вам моего сына Аурелио, — обратился ко мне Фаусто.

— Как Марк Аврелий? — спросила я, имея в виду римского императора почти двухтысячелетней давности.

— Именно.

Аурелио ничего не сказал. Он просто смотрел на меня своим холодным тяжелым взглядом.

— Пойдемте в дом? — сказал Никколо и пошел вперед.

Дарио протянул мне руку.

Я улыбнулась, взяв ее, и он провел меня внутрь.

Я не могла не заметить, что Аурелио не сводил с меня глаз.

Глава 37

Когда мы сели в гостиной, кинжалы наконец-то вырвались наружу.

— Ты поручился за Турка, — холодно сказал Дарио. — Я отклонил его деловое предложение. Не прошло и часа, как на Массимо, Валентино и Алессандру было совершено нападение.

— Прискорбно, да, — сказал Фаусто. В его голосе прозвучала боль.

— Зачем ты послал гадюку в мой дом? — спросил Дарио, его голос был сердитым, но контролируемым.

— Я не уверен, что это та гадюка, которую ты ищешь, — сказал Фаусто. — И я бы предостерег вас от предположений, что заказчиком убийства был Турок.

— Ты хочешь сказать, что это были Агрелла?

— Этого я тоже не говорил.

— Турок *работает* с Агрелла, — сказал Дарио. — Ты не думаешь, что это слишком странное совпадение, что нападение произошло на их территории?

— Кто-то, видимо, хочет, чтобы вы поверили, что за этим стоят Агрелла и Турок.

— Но ты не веришь, что это так, — презрительно сказал Дарио.

— Нет.

— И почему же?

— Потому что *мы* тоже работаем с ним, — заговорил Аурелио.

Все присутствующие удивленно посмотрели на него, а затем снова повернулись к Фаусто.

Фаусто бросил на сына укоризненный взгляд, затем вздохнул.

— Да, это правда — мы с ним работаем.

Дарио уставился на него.

— Почему ты не сказал мне об этом перед вчерашней встречей?

— Потому что я не хотел, чтобы ты чувствовал давление из-за моего решения сотрудничать с ним.

Дарио прищурился.

— Я бы не стал. Поверь мне.

— Мм, — пробормотал Фаусто неразборчиво.

— Каковы условия вашей сделки? — спросил Роберто.

— Этот всегда с головой в делах, — усмехнулся Фаусто. — Турок хочет продавать свои товары на нашей территории, и он предложил хорошую долю от прибыли. Я согласился.

Дарио бросил взгляд на дядю.

— Секс-торговля и наркотики.

Фаусто сделал лицо, похожее на «*Что я могу сделать? Бизнес есть бизнес*».

— Не все такие брезгливые, как ты, кузен, — ухмыльнулся Аурелио.

Дарио посмотрел на Аурелио.

— И не каждый позволит трахнуть себя за доллар, как *ты*... кузен.

На лице Аурелио отразилась едва сдерживаемая ярость.

В комнате мгновенно возникло напряжение.

Адриано, Ларс и Массимо наклонились вперед в своих креслах.

Люди Фаусто потянулись руками к внутренним сторонам своих пиджаков.

— Мальчики, — громко сказал Фаусто, бросив на Аурелио сердитый взгляд.

— Я не твой *мальчик*, — прорычал Дарио.

— Нет, но ты совсем недавно занял место Дона, — ответил Фаусто. — Твой отец не отказал бы Турку.

— Я не мой отец.

— Это очевидно, — пробормотал Аурелио.

Прежде чем Дарио успел ответить еще одним оскорблением, в разговор вступил Никколо.

— Мы приняли решение не заниматься впредь некоторыми вещами. Вот и все.

— Что, вы теперь кучка ангелов? — презрительно сказал Фаусто. — Насколько я знаю, власти повесили бы вас за все *остальные* преступления, которыми вы занимаетесь.

— Да, и именно поэтому власти принадлежат нам, — холодно улыбнулся Дарио.

— Именно поэтому я и послал к тебе Турка. Вам нужно укреплять свою территорию, если вы хотите выжить. Вы можете предложить ему доступ к полиции и судьям, а он обеспечит вам стабильный доход. Это беспроектное предложение.

Никколо покачал головой.

— Полиция и судьи готовы смотреть сквозь пальцы, когда речь идет об азартных играх и краденых вещах. Они не станут игнорировать торговлю женщинами и наркотиками.

— Ну так подкиньте им еще денег, — сказал Фаусто, пожав плечами.

— Позволь мне внести ясность, дядя, — сказал Дарио. — Я отказываюсь иметь дело с торговлей женщинами и наркотиками.

— Тогда тебе следует пойти в священники, — ответил Фаусто. — Может быть, ты станешь Папой Римским. Ты очень хорошо справляешься с ролью «ханжи».

— Господа, — сказал Никколо, — это не имеет никакого отношения к самому насущному вопросу. Вчера в членов нашей семьи стреляли. Мы *должны* ответить.

— Или вы будете выглядеть слабыми, — сказал Фаусто с благосклонной улыбкой.

— Именно.

Улыбка старшего мужчины исчезла.

— Вы и так выглядите слабыми. Вся Cosa Nostra знает, что ты борешься за выживание. Волки слюной исходят от мысли, что они с тобой сделают. Твоя территория поделена.

— Половина которой досталась *тебе*, — заметил Дарио.

— Именно поэтому я заключил сделку с Турком, — ответил Фаусто. — Как долго вы сможете поддерживать ваши текущие операции?

— Мы в порядке, — сказал Роберто. — Даже лучше, чем просто в порядке. Мы планируем глобально расширить свою деятельность за счет азартных игр в Интернете. Фактически, мы можем стать полностью легальными в течение двух лет.

Это был первый раз, когда я услышала о долгосрочных планах семьи.

Я удивленно посмотрела на Дарио.

Он улыбнулся и почти незаметно кивнул.

Однако Фаусто это не убедило.

— Ты уже пять лет твердишь про эту ерунду с азартными играми в Интернете, — сказал он скучающим голосом. — Говоришь, говоришь, говоришь.

— Потому что отец никогда не позволял мне заниматься этим, — раздраженно сказал Роберто. — А вот Дарио — *да*.

— Прекрасно, — усмехнулся Фаусто, — но ты сам сказал, что это может занять два года. Вам еще предстоит ежемесячно давать значительное количество взяток — множество судей и капитанов полиции, желающих получить свою долю. Откуда же возьмутся *эти* деньги?

— Об этом позаботились, — сказал Роберто, хотя его слова прозвучали не совсем убедительно.

— Не морочь мне голову, — огрызнулся Фаусто. — Я двадцать лет был консильери твоего отца — и знаю финансовые возможности всей этой деятельности как свои пять пальцев. При нынешнем уровне доходов тебе осталось жить не более шести месяцев. Я послал тебе Турка, чтобы ты мог процветать и развиваться. Сейчас же вы просто теряете свою силу.

Голос Дарио был полон презрения.

— Значит, мы должны преклонить колено перед каким-то иностранным ублюдком, который оскорбляет меня в моем собственном доме? Только потому, что старый добрый дядя Фаусто знает, как лучше?

— Еще раз, — резко сказал Никколо, — вернемся к текущему вопросу. Если мы собираемся послать сообщение, нам нужно знать, кому его отправлять.

— Это были не Агрелла и не Турок, — сказал Фаусто, фыркнув.

— И откуда ты *это* знаешь? — насмешливо спросил Дарио. — Ты их спрашивал?

— А про генуэзца ты что-нибудь узнал? — Фаусто указал на нас с Ларсом. — Того, которого твой швед убил в кафе ее отца?

Никколо сжал челюсти.

— Мы все еще работаем над этим.

— Почему она вообще *здесь*? — прорычал Аурелио, посмотрев на меня. Затем он ухмыльнулся, взглянув на Дарио. — Она теперь твоя шлюха? Может быть, ты подумал, что тебе захочется минет в середине встречи?

Я вздрогнула от его мерзких слов.

Дарио положил свою руку на мою, прежде чем ответить.

— Вчера она пережила перестрелку на улице, — холодно сказал Дарио. — Это больше, чем *ты* когда-либо делал, маленький *мальчик*.

Аурелио тут же встал, разъяренный.

И все братья Розолини тоже вскочили на ноги.

Ларс даже засунул руку в куртку.

Я была в ужасе, уверенная, что сейчас снова начнется перестрелка.

— СТОП! — прорычал Фаусто. — Аурелио, сядь на место, черт тебя побери! Мы — семья, так что, блядь, води себя соответственно!

Лицо Аурелио дернулось от ярости, но он сел обратно.

Ларс и все братья Розолини тоже сели — но медленно.

— Я говорил со Стефано Агрелла, — сказал Фаусто. — Он поклялся на могиле своей матери, что не имеет никакого отношения к вчерашнему убийству.

— И, конечно, ты ему веришь, — язвительно ответил Дарио.

— Я веду дела с Агрелла уже двадцать лет. Я бы знал, если б Стефано трахал меня. Но это не так.

— А что насчет Турка?

— Я пообщался и с ним. Он говорит, что не замешан, и я ему верю.

— Ты зарабатываешь на нем, — усмехнулся Адриано. — В твоих *интересах* верить ему. Фаусто метнул острый взгляд в Адриано.

— А в *твоих* интересах не открывать рот, раз ты не знаешь, о чем говоришь.

Прежде чем Адриано успел ответить, Фаусто снова обратился к Дарио.

— Турок ведет со мной дела, так какая у него может быть причина, чтобы разгневать *тебя*? Если он убьет Массимо или Валентино — мою *родную кровь*, то знает, что я разорву с ним все деловые отношения. Мало того, я бы присоединился к Вам и пошел против него войной. Турок — прежде всего бизнесмен. Война не приносит прибыли, и он это знает.

— Разве что он мог бы забрать нашу территорию себе, — сказал Никколо.

— Если бы он собирался вас убить, — ответил Фаусто, — он бы убил вас *всех* одновременно. А не просто напал на двоих во Флоренции, разозлил бы остальных и начал бы войну.

Все братья молчали.

Даже я была вынуждена признать, что в словах их дяди был смысл.

Фаусто покачал головой.

— Кто-то *хочет*, чтобы вы думали, что Турок и Агрелла пытаются вас убить. Кто-то *хочет* взорвать ситуацию. Узнай, кто это, и ты узнаешь, кто вчера пытался убить Массимо и Валентино.

— И Алессандру, — добавил Дарио.

— ... и Алессандру, — согласился Фаусто. Он улыбнулся мне... и по моему позвоночнику пробежала дрожь.

Глава 38

Дарио

После встречи все должны были пообедать вместе, но никому не удалось сохранять видимость «одной большой счастливой семьи».

Фаусто попрощался с нами и пообещал передавать любую информацию, которая попадет в его руки. Аурелио просто проигнорировал нас и вернулся в Роллс-Ройс вместе с отцом.

Когда они уехали, Алессандра посмотрела на меня расширенными глазами.

— Это было... нормально?

Я мрачно улыбнулся.

— При жизни отца все было по-другому.

— Хотя Аурелио *всегда* был маленьким засранцем, — сказал Адриано.

— Скорее, огромным мудаком, у которого маленький член, — пробормотал Валентино.

Когда мы отправились на обед в патио, Никколо спросил Алессандру.

— Что ты думаешь?

— Я не доверяю ни одному из них. — Она вдруг занервничала, словно боялась, что ей не следовало произносить это вслух. — Я не хочу оскорбить ни дядю, ни кузена...

— Оскорбления отбрасываем прочь, — сказал я. — Они тоже оскорбляли нас.

— *Почему* ты им не доверяешь? — спросил Никколо.

— Ну... я видела много людей, которые проходили через кафе моего отца. Большинство из них были приятными, но всегда есть трудные клиенты. Аурелио напоминает мне тех, кто никогда не бывает доволен. Они входят в дверь разъяренными, и ничто, что бы вы не сказали или не сделали, не может их переубедить. Они ищут ссоры. А Фаусто похож на чересчур дружелюбного человека, который ведет себя как лучший друг, но после его ухода вы обнаруживаете, что пропали все пакетики с сахаром и медом. А еще он обычно не доплачивает по счету.

Никколо разразился хохотом, затем повернулся ко мне.

— Не думаю, что она могла бы описать *кого-то* из них более точно.

— Верно, — согласился я.

Алессандра покраснела и улыбнулась, услышав похвалу.

— Я хочу кое-что обсудить с Дарио, — сказал ей Никколо. — Пойди пообедай вместе с остальными, мы скоро придем.

Она кивнула, улыбнулась и пошла в сторону внутреннего двора.

— В чем дело? — спросил я.

— Пришли новости об этом священнике и о том ничтожестве в церкви, — сказал Никколо. — Я получил сообщение буквально в конце встречи.

— И что?

— Связь с семьей Ольдани, — сказал Никколо.

Ольдани были самой влиятельной преступной семьей в Генуе, расположенной в ста пятидесяти милях от Флоренции. На них также работал Умберто Фумагалли, человек, которого Ларс застрелил в кафе Алессандры.

— Подозрительное совпадение, — пробормотал я, — сразу после речи Фаусто о «выяснении, кто за всем этим стоит».

— Обычно я бы согласился, но наводка поступила от старого друга, пробившегося в Интерпол, — сказал Никколо. — Даже Фаусто о нем не знает.

— Значит, генуэзцы охотятся за нашей территорией...

— Похоже, это первые волки, появившиеся после смерти папы.

— Это все равно не объясняет, почему их лейтенант был в кафе той ночью. Ты разговаривал с отцом Алесандры с тех пор?

Никколо кивнул.

— Я дважды звонил в кафе. Он по-прежнему клянется, что ничего не знает.

— Значит, либо это действительно *было* совпадение...

— ... либо старик держится в стороне, — закончил Никколо. — И его тайны хуже, чем то, что его дочь оказалась в плену.

Я покачал головой.

— Ну и дела.

— Тебе следовало бы узнать от него правду до того, как ты начал спать с его дочерью. Теперь ты эмоционально вовлечен в это.

Я нахмурился.

— Следи за собой, консильери.

— Не хочу повторять «я же тебе говорил» — но *я тебе говорил*. Не думаю, что теперь мы будем выбивать из него правду. — Никколо ухмыльнулся. — В конце концов, Алесандра может быть против.

Я лишь бросил на него взгляд, когда мы присоединились к остальным за обедом.

Глава 39

Алессандра

Этой ночью Дарио снова пришел ко мне.
К этому времени я уже жаждала его...
Жаждала его прикосновений.
Он подошел к кровати, на которой я лежала с колотящимся сердцем...
Он наклонился, обнял меня и жадно поцеловал.
Затем он встал с кровати и сорвал с себя пиджак и рубашку.
Я замороженно смотрела, как он обнажал свой накачанный пресс, татуировки, покрывающие его грудь и плечи...
Но когда он начал расстегивать брюки, я не смогла сдержаться.
И протянула руку...
Потом поняла, что сделала, и застенчиво ее отдернула.
Дарио улыбнулся.
— Давай.
Я присела на край кровати и медленно вытащила его ремень из петель.
Затем, невинно глядя на него, расстегнула молнию на его брюках и позволила им упасть на бедра.
Его член уже торчал из-под черных боксеров.
Я потрогала его сквозь ткань, сжала в руке его толщину...
А потом, облизнув губы, медленно стянула с него трусы.
Мне пришлось далеко оттянуть ткань от его тела, чтобы член вырвался на свободу.
Когда это произошло, он подпрыгнул в воздух, жесткий и твердый.
Я смотрела на него, замороженная и возбужденная...
Затем медленно взяла его в руку.
Кожа была горячая, но бархатисто-мягкая.
Я подняла глаза на его лицо.
— Давай, — пробормотал он. — Делай все, что хочешь.
Я взяла в руку толстое основание его члена...
А потом наклонилась вперед и поцеловала его.
Может быть, это было глупо или слишком невинно.
Я не знала, что делать, чтобы доставить ему удовольствие...
Но я точно знала, что мне хотелось почувствовать своими губами его член.
Я поцеловала его набухшую головку...
Потом нижнюю часть его ствола...
А потом бок...
Крошечные, нежные поцелуи с закрытыми глазами...
Чувствуя его обжигающий жар на своих губах...
Вдыхая его мужественный запах.
Потом я лизнула его.
Всего лишь маленьким, мягким, влажным движением языка.
Мне нравился его вкус: чистая кожа и крошечная капелька соли.
Я провела языком по боковой поверхности его члена...
А потом я лизнула его снизу.
Он откинул голову назад и застонал...
... наверное, ему понравилось.

Я знала, что понравилось мне.
Поэтому стала лизать его вверх и вниз, как рожок мороженого.
Его член задрожал в моей руке, и в щели на его головке появилась капелька жидкости.
Я слизала ее, она стала еще солонее.
Я медленно провела губами по его головке и полностью взяла ее в рот.
Он был *большой*.
Его было много...
Но мне нравилось держать его во рту.
Я почувствовала, как он на секунду стал еще больше, а затем ощутила вкус соли.
Я вынула его член изо рта и снова стала облизывать его...
И тут он потерял контроль над собой.
Отступил назад, грубо стянул мой пеньюар через голову, а затем подхватил меня и швырнул на кровать.
Я вскрикнула от неожиданности.
Мне нравилось чувствовать, как он обращается со мной.
А потом он сделал гораздо, гораздо *больше*.
Дарио быстро стянул с себя брюки. Потом раздвинул мои ноги и оказался сверху, целуя меня в губы и сжимая в руке мою грудь.
Я была вся мокрая от предвкушения.
Его член был уже влажным от моей слюны, и он быстро скользнул в меня.
Я вскрикнула, когда он вошел. Он заполнил меня так быстро, что у меня перехватило дыхание.
Сначала было немного больно.
Но чем глубже он входил, тем *приятнее* становилось...
Чем толще становился его член, когда он погружался в меня...
Я схватила его за мускулистую задницу и потянула на себя, желая чувствовать его еще глубже.
Он зарычал, как животное, и начал двигаться.
Я вскрикнула, когда он стал входить и выходить из меня, проникая все глубже и глубже.
Он просунул одну руку под меня и обхватил ладонью мою попку.
Затем он начал ласкать меня там, где до этого не прикасался даже *он*.
Он гладил мою попку...
В то время, как его член проникал все глубже...
Его объем заполнял меня...
Это было слишком.
Мой первый оргазм взорвался глубоко внутри меня.
Я вскрикнула и повисла на его шее, пока он продолжал двигаться во мне...
Каждое его движение отличалось — от едва проникающего до полного погружения.
Он удивлял меня каждым толчком. Я никогда не могла предположить, насколько глубоко он войдет в меня.
Он целовал мой рот, мои уши, мою шею, нежно покусывал меня...
Ласкал мою грудь и гладил соски...
И все это время он входил и выходил из меня, заставляя меня терять контроль над собой.
Второй оргазм наступил через минуту после первого.
Я обхватила его ногами за талию и прижалась к нему изо всех сил.
Время словно замедлилось, а потом и вовсе остановилось.
Я знала только, что волны наслаждения накладывались одна на другую.

Один оргазм сменялся другим...

Потом совершенно *новые* сокращения, от которых дрожь пробежала от головы до пальцев ног.

Наконец Дарио издал короткий утробный звук и зарычал.

И я почувствовала, как он кончил.

Это было непередаваемо горячо: ощущение, что его член взрывается внутри меня.

Жидкий жар, выплескивающийся изнутри.

Его вес давил на меня, и он бился, как животное.

Постепенно он замедлился и перестал двигаться.

Я прижалась к нему с огромной улыбкой на лице, просто наслаждаясь ощущением его тела на моем и его все еще твердого члена внутри меня.

Потом он поднял голову и поцеловал меня.

Сначала нежно...

Потом более жадно...

И, не отстраняясь, он начал снова покачиваться во мне...

И мы повторили все сначала.

Глава 40

Следующие несколько ночей мы провели вместе.

Дарио приходил ко мне после того, как все ложились спать.

И мы занимались безумной, страстной любовью.

Это продолжалось час или больше...

Потом мы разговаривали...

И повторяли снова. Иногда дважды.

После этого мы засыпали в объятиях друг друга до рассвета, и тогда я заставляла его уйти, пока не проснулись все остальные.

Я начала смиряться с ситуацией. И с нетерпением ждала его визитов каждую ночь, мое тело жаждало его.

Постепенно я перестала чувствовать себя виноватой за то, что делала...

Пока Филомена не разрушила все.

Я не видела ее несколько дней. Она как будто избегала меня.

Сначала меня это беспокоило... Но я была так увлечена Дарио, что забыла обо всем остальном.

Однажды утром я вернулась в свою комнату после завтрака, когда она срывала простыни с кровати.

Холодная рука страха сжала мое сердце, когда увидела ее, но заставила себя сказать «доброе утро».

Она не ответила и не посмотрела на меня.

— Я не видела тебя последние несколько дней, — сказала я.

Она по-прежнему не отвечала.

Не желая заставлять ее говорить со мной, я повернулась к двери.

— Ну, я просто дам вам закончить то, что вы делаете...

— Почему? — тихо спросила она.

Я оглянулась на нее, но она по-прежнему не смотрела на меня.

— Ну, вы заняты...

— Я не это имела в виду, и ты это знаешь, — сказала она. Когда она наконец повернулась и посмотрела на меня, в ее глазах читалось огромное разочарование. — Что бы сказала твоя святая мать, упокой Господь ее душу?

— О чем? — вздрогнув, спросила я.

— О том, что ты стала шлюхой мафиози.

Я потрясенно молчала.

— А твой отец? — продолжала она. — Как бы ему было стыдно, если бы он узнал?

Я не могла остановить воспоминания о том, как мой отец умолял Дарио.

«Дон Розолини... Алессандра — хорошая девушка... она ходит на мессу каждое воскресенье... она девственница, падроне...»

— Как ты думаешь, он хотел, чтобы ты раздвинула ноги, как шлюха? — спросила она.

— Ты не имеешь права говорить со мной в таком тоне, — огрызнулась я, мой голос дрожал.

— *Кто-то* должен это сделать. Ты отказалась от здравого смысла и отдалась убийце, который выбросит тебя, как использованную тряпку, когда закончит с тобой.

— Он не...

— *Выбросит*. Он сделает это, дитя, сделает это, — повторила она, и ее лицо внезапно наполнилось болью. — Я знаю, ты не хочешь в это верить. Ты молода, невинна и влюблена...

Я вздрогнула.

Никогда не говорила этого, даже не позволяла себе *думать* об этом.

Но это была правда.

Я была влюблена в Дарио.

Поэтому следующие слова Филомены резанули как нож.

— Но ты не знаешь мужчин так, как я, — прошептала она. — Особенно таких. Они берут то, что хотят, и им все равно, кому причинять боль. Им, конечно, нет дела до добродетели молодой женщины и до того, что они могут сделать с ее сердцем.

Слова отца эхом отдавались в моем мозгу:

«Сэр, ваша репутация опережает вас, вы мирской человек... и берете, что хотите. Моя дочь невинна...»

Голос Филомены стал зловещим.

— Или что они могут сделать с ее *душой*.

— Ничего не случится, — сказала я.

Но сама в глубине души понимала, что это может произойти.

Она горько рассмеялась.

— Я меняю тебе простыни каждое утро. Думаешь, я не могу сказать, что накануне вечером вы трахались на них как животные? И я знаю, кто этот зверь. Он охраняет свою территорию, как волк; ни одно из других чудовищ в этом доме не посмеет перечить ему. Вот такой он злобный.

Она подошла ко мне и взяла за руки, умоляя.

— Дитя... ты ему безразлична. Он будет использовать тебя ради минутного удовольствия, а когда его интерес угаснет, он изгонит тебя... или еще хуже.

— Убирайся, — сказала я, отдергивая руки. Все мое тело дрожало. — Убирайся.

Она посмотрела на меня глазами, полными боли.

— Ты можешь пожаловаться на меня своему любовнику, и тогда меня, скорее всего, убьют. В крайнем случае изгонят и оставят умирать без гроша в кармане. А мне все равно. Когда-то я была матерью. Ты мне как дочь, которой у меня никогда не было, и только из-за любви к тебе в моем сердце я говорю тебе...

— Замолчи, — прошептала я, ужаснувшись тому, что она хотела сказать дальше.

— Он никогда не женится на тебе, — тихо сказала она. — Мне очень жаль, но это правда. Ты будешь для него не более чем шлюхой. Когда он закончит с тобой, то выбросит тебя... и будет смеяться, что ты так легко отдалась ему.

Не говоря больше ни слова, она повернулась и вышла из комнаты.

Глава 41

Слова Филомены преследовали меня.

Я пыталась забыть их.

Но воспоминания нахлынули на меня, и все они были окрашены жестокостью и грехом.

Дарио, появившийся в кафе моего отца, когда кровь его врага еще была не смыта.

Как он голыми руками почти до смерти избил человека у церкви.

Как Дарио сначала «наказывал» меня, лаская, пока я не кончила...

Пристрастил меня к себе, а потом вел все дальше и дальше по греховному пути, пока я не отдала ему свою девственность...

Пока я не отдала ему свое *сердце*.

Мафиози... убийце.

Он был плохим?

Нет. Определенно нет.

В нем была доброта.

В церкви он спас меня от напавшего человека.

Но я бы никогда не оказалась в опасности, если бы Дарио не похитил меня в самом начале.

А его братья были плохими?

Нет. В них тоже была доброта.

Массимо спас мне жизнь во Флоренции.

Но разве в меня бы стреляли, если бы они не были семьей преступников?

Насилие влекло насилие.

Зло притягивало зло.

Смерть притягивала смерть.

В них было добро, да...

Но Люцифер — ангел света, самый прекрасный из небесного воинства...

И все равно дьявол.

Все вокруг Дарио было извращенным и темным.

И вот теперь он коснулся меня, оставив свои отпечатки в моей душе.

Я представила, как мой отец заходит к нам с Дарио.

И видела ужас на его лице...

Но тут я услышала насмешливый голос Дарио:

«Я дал тебе слово, старик.

Я не лишил девственности твою дочь... пока она сама не попросила меня об этом».

Меня сбил с пути грех, такой сладкий, что я забыла обо всем на свете...

Но слова Филомены заставили меня очнуться и осознать опасность, в которой я находилась.

Опасность, в которой находилась моя *душа*.

Я поняла, что должна изменить свой путь...

... или погибнуть навсегда.

Глава 42

Весь остаток дня я была тихой и замкнутой.

Дарио был занят делами. Он не спрашивал меня о моем настроении, если вообще заметил.

Зато Никколо замечал все.

— Что случилось? — спросил консьильери, отозвав меня в сторону.

— Ничего, — пробормотала я.

— Тебе надоело сидеть взаперти? Мы не можем вывезти тебя из поместья еще какое-то время, не после того, что случилось во Флоренции.

— Я в порядке. Просто... чувствую себя подавленной, вот и все.

— Хорошо, — сказал он, все еще выглядя обеспокоенным. — Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится.

Позже утром я пошла на кухню к Катерине. Если кто и мог меня подбодрить, так это она.

— Привет, Ворчун, — игриво сказала она. — Почему такая грустная?

Мне не хотелось рассказывать ей о том, что сказала Филомена, но я хотела спросить ее кое о чем.

— Когда мы только познакомились, ты сказала, что все мужчины Розолини — кобели.

Она посмотрела на меня и сердито положила руки на бедра.

— Дон Розолини изменяет тебе?!

— Нет! — сказала я в шоке.

— О, — сказала она с растерянным видом. — Тогда почему ты спрашиваешь?

— Я просто хотела узнать, что ты имела в виду.

Она рассмеялась.

— А что, по-твоему, я имела в виду? Все мужчины Розолини — кобели. Это не требует объяснений.

— Значит, все, что происходит между тобой и Валентино?..

Она пожала плечами.

— Это забавно, но да ладно — я знаю, что это такое. Никаких хрустальных туфель в конце сказки не бывает.

От ее легкомысленной манеры мне стало еще хуже.

— Значит... я и Дарио?..

— О, милая... — Катерина протянула руки и взяла меня за плечи. — Наслаждайся тем, что есть — сексом с очень горячим, сильным мужчиной и всем, что с этим связано.

Меня оттолкнули ее слова.

— Что, как в плену? — с горечью спросила я.

Она наклонила голову на одну сторону.

— Ты действительно влюбилась в него, не так ли?

Я рывком отдернула от нее руки.

— Нет!

— Тогда почему ты так расстроена?

— Я *не* расстроена!

— Могла бы меня обмануть. — Она вздохнула и улыбнулась мне полусерьезной улыбкой. — Послушай, эта история заканчивается одним из двух способов. Либо мы устаем и пытаемся двигаться дальше, и они нам позволяют, либо нет — потому что, скажем прямо, эти мужчины не любят, когда им говорят «нет».

— Либо *они* устают и идут дальше, независимо от того, как *мы* к этому относимся. И все. Так что... *carpe diem*⁴ и все такое прочее. Живи настоящим. Наслаждайся тем, что у тебя есть, пока оно у тебя есть.

Я уставилась на нее.

— А как же будущее?

— А что с ним?

— Как насчет *женитьбы*?

Кэт грустно коснулась моей щеки.

— Когда это случится... это будет не Розолини.

⁴ Лат. – лови момент, живи настоящим

Глава 43

Я попросила прислугу сообщить Никколо, что мне нездоровится, и во время ужина оставалась в своей комнате. Он велел прислать мне немного еды с кухни.

Слава Богу, Филомена не успела ее доставить.

Ближе к вечеру, лежа в постели, я услышала, как открылась дверь.

Наступил момент, которого я так боялась.

Дарио подошел к кровати, наклонился ко мне и попытался поцеловать.

Я отвернула лицо, и он поцеловал меня в щеку.

Он грубо взял меня за подбородок и повернул к себе, а затем поцеловал в губы.

Я пыталась вырваться.

— Подожди!

Он отпустил меня.

— Что случилось?

— Я не хочу этой ночи.

Он включил свет рядом с моей кроватью и сел рядом со мной.

— Ты в порядке?

Я горестно отвернулась от него. Он был так красив, что мне захотелось сдаться... поступить так, как сказала Катерина, и выбросить осторожность на ветер.

— ... нет, — пробормотала я.

Он погладил меня по руке.

— Что случилось?

Его прикосновения были такими чувственными... и я так сильно хотела его...

— Я не твоя шлюха, — прошептала я.

Он усмехнулся и наклонился, чтобы поцеловать меня в шею.

— Конечно, шлюха.

Я оттолкнула его.

— Нет, *не* шлюха!

Он встал, разъяренный и озадаченный.

— *Madonn*, что на тебя нашло?!

Я смотрела на него со слезами на глазах.

— Я *что-нибудь* для тебя значу?

Его лицо смягчилось.

— Конечно, значишь. Очень много, на самом деле.

— Ты думаешь о будущем... со мной?

Дарио прищурился.

— Ты спрашиваешь, о чем я *думаю*?

Я вдруг почувствовала себя неловко и неуверенно.

— Я не знаю... о чем, по-твоему, я спрашиваю?

— Похоже, ты говоришь о браке.

Я беспомощно подняла на него глаза.

Внезапно, без предупреждения, он рассмеялся.

Я в ужасе уставилась на него...

Затем отвернулась от него с тяжестью в сердце.

— Алессандра, мы знаем друг друга меньше двух недель, — сказал он, его голос был слегка раздраженным. Он сам и его слова становились все злее. — Я являюсь главой своей семьи

всего три. Я нахожусь в центре войны между моей семьей, турецким гангстером и различными группировками Cosa Nostra, ни одна из которых не бросает мне вызов в лицо. Они хотят уничтожить меня и моих братьев — забрать все, что у нас есть, все, что построили наши отец и дед. Вокруг меня смерть... финансовый крах... а ты спрашиваешь меня после недели траха, собираюсь ли я на тебе *жениться*?

После недели траха.

Это был весь ответ, который мне был нужен.

— Я хочу домой, — прошептала я.

— Ты *не можешь* отправиться домой, — огрызнулся он. — Мои враги там.

Я посмотрела на него, внезапно придя в ярость.

— Ты сам это сказал — они хотят уничтожить *тебя*. Они хотят уничтожить *ТВОЮ* семью.

А на меня им *наплевать*. Так что отпусти меня.

Он сел на кровать и попытался взять меня за руку. Я не позволила.

— Алессандра, — сказал он, стараясь говорить разумно, — они чуть не *убили* тебя во Флоренции...

— Они чуть не убили Массимо и Валентино. Я оказалась там случайно.

Дарио отвернулся от меня. Я видела, что он злился и пытался сдержать свой гнев.

Он заговорил, когда смог отчасти взять себя в руки.

— Послушай... это опасно. Они попытаются добраться до меня *через* тебя...

— И это все, что тебя волнует, не так ли?

— Меня волнуешь ТЫ, ЧЕРТ! — прорычал он, встав с кровати.

Я в страхе прижалась к ней, пока он сердито расхаживал взад-вперед.

Затем он снова сел рядом со мной.

— Я забочусь о тебе. Правда.

— Но ты не любишь меня, — прошептала я.

Его лицо ожесточилось.

— Хочешь сказать, что *ты меня любишь*?

Я кивнула, и слезы полились по моим щекам.

— Хотя, похоже, я была дурой.

Что-то изменилось в его выражении, чего я никогда раньше не видела на лице Дарио.

Он выглядел так, словно ему было больно.

Как будто внутри у него что-то ломалось.

— Я не могу тебя отпустить, — прошептал он.

— Я всего лишь шлюха, — с горечью сказала я, — меня достаточно для недели траха. Ты всегда можешь найти другую.

Ранимость, которая *была* на его лице, внезапно исчезла, сменившись жестокой маской.

— Пусть будет так, — холодно сказал он. — Если ты этого хочешь.

— Это не то, чего я хочу! — закричала я.

— Тогда чего же ты хочешь?! — прорычал он в ответ.

— Я хочу, чтобы ты меня любил, — всхлипывала я. — Я хочу, чтобы ты сам *захотел* на мне жениться.

Он смотрел на меня, казалось, целую вечность...

А потом сказал.

— Это единственное, чего я не могу тебе дать.

Я разрыдалась, уткнувшись в свои руки.

Наступило долгое молчание. Потом...

— Я найду кого-нибудь, кто отвезет тебя обратно, — тихо сказал он.

Я услышала его удаляющиеся шаги...

Как открылась и закрылась дверь...

И его не стало.

Я рухнула на кровать и разрыдалась...

Может быть, даже горше, чем в тот день, когда умерла моя мама.

Глава 44

Никколо пришел за мной. У него хватило ума дожидаться, пока я выплачусь, хотя прошел почти час, прежде чем я смогла остановиться.

Я была уже одета и лежала на кровати, когда услышала стук в дверь.

— Входи.

Никколо вошел и замер. Вид у него был очень грустный.

— Ты уверена? — тихо спросил он.

— ... да.

— Там опасно.

— Со мной все будет в порядке, — прошептала я.

— Алессандра...

— Я не могу оставаться здесь ни минутой больше, — сказала я, мой голос дрогнул, так как слезы были слишком близко. — Не рядом с Дарио.

— Давай я отправлю тебя в другое место, в безопасное. Швейцария, Франция — в любое место в Европе, куда ты захочешь поехать...

— Я хочу домой.

Он выдержал долгую паузу, прежде чем сказать.

— Если они придут за тобой... а это вполне возможно... я ничего не смогу сделать, чтобы спасти тебя. Ты понимаешь?

— Зачем им приходиться за мной?

Никколо вскинул руки.

— Я не знаю. Может быть, в отместку за то, что произошло тем вечером в кафе.

— Я не имею к этому никакого отношения.

— Я это знаю, но...

— Ты можешь сказать людям, что Дарио привез меня сюда, чтобы выудить из меня информацию... и можешь сказать, что он сломал меня. — Я едва сдержала рыдания, вырвавшиеся из горла. — И это будет правдой.

— Алессандра... — прошептал Никколо.

— Ты был добр ко мне, и я ценю это.

— За исключением тех угроз в первую ночь, — напомнил он мне с игривой улыбкой.

Я рассмеялась, несмотря на слезы.

— За исключением этого. Но с тех пор ты был добр ко мне. — Затем выражение моего лица изменилось, и слезы опять наполнили мои глаза. — Пожалуйста... отнесись ко мне так еще раз... и отпусти меня.

Никколо долго стоял на месте... потом кивнул.

— Ты собрала свои вещи?

Одежда, которую Массимо купил мне во Флоренции, осталась на улице, когда мы убегали от бандитов.

У меня было только несколько платьев, которые я привезла из дома. Если бы я взяла их с собой, то вспоминала бы все, что здесь произошло.

Как Дарио снимал их с меня...

И как Дарио занимался со мной любовью.

— Ты можешь сжечь их, — подавленно сказала я. — И все воспоминания, которые они хранят.

Никколо тяжело вздохнул... затем подошел к кровати, грустно улыбнулся и протянул мне руку.

Так же грустно улыбнувшись ему в ответ... взяла его руку...

И он вывел меня из комнаты.

Глава 45

Все братья ждали меня в холле.

Все, кроме Дарио.

Сначала мне было стыдно, казалось, что они меня осуждали...

А потом я увидел грусть в их глазах, когда Никколо провожал меня вниз по лестнице.

Массимо был первым.

— Спасибо, — прошептала я. — За то, что спас мне жизнь.

— Я бы сделал это еще тысячу раз. — Его улыбка была печальной. — Я надеялся... что ты будешь рядом еще долго-долго.

У меня на глазах навернулись слезы, и я улыбнулась в ответ.

— Я тоже.

Следующим был Роберто.

— Мы не успели толком поговорить, — сказал он неловко, — но ты, похоже, замечательный человек. Если я могу чем-то помочь тебе и твоему отцу в будущем... в бизнесе, в деньгах, в чем-то, что вам понадобится... пожалуйста, дай мне знать.

И он вложил мне в руку визитную карточку.

— Спасибо, — сказала я, и это было очень искренне.

Следующим был Валентино. К моему удивлению, он протянул руки и обнял меня.

— Ты замечательная девушка, — сказал он. — Замечательная женщина.

— Не окажешь ли ты мне услугу? — спросила я.

— Что?

— Постарайся не разбить сердце Катерины.

Он грустно улыбнулся.

— Я постараюсь... Обещаю.

Последним был Адриано. Один из всех братьев, он выглядел сердитым, когда я подошла к нему, но это было для него обычным делом.

Я смотрела на него, не зная, что он скажет или сделает.

И тогда он сказал просто.

— Ты заслуживаешь большего.

Я расплакалась и улыбнулась.

— Спасибо.

Ни с того ни с сего он наклонился вперед и поцеловал меня в лоб, как это мог бы сделать мой отец.

Не знаю почему, но это подействовало на меня сильнее всего. Слезы потекли по моему лицу.

Ларс стоял в конце очереди. Он ласково посмотрел на меня и сказал.

— Я отвезу тебя домой. Ты готова?

Я кивнула.

Он открыл передо мной дверь.

Я оглянулась на братьев и улыбнулась сквозь слезы.

— *Спасибо*, — тихо прошептала я...

А потом я ушла и оставила их навсегда.

Глава 46

Дарио

Я стоял в ее пустой спальне. В воздухе все еще витал ее запах.

Никколо постучал в дверь и вошел.

— Ну... она ушла.

Я просто молча кивнул.

— Почему ты ее отпустил? — спросил он.

— Она хотела уйти.

Никколо горько рассмеялся.

— Ты не был таким сговорчивым, когда она хотела пойти на исповедь неделю назад!

— Это другое дело.

— И В ЧЕМ ЖЕ РАЗНИЦА?! Объясни мне!

Я повернулся к нему лицом.

— Какое тебе дело? Ты же не хотел, чтобы я приводил ее сюда!

— Ну, это уже сделано, так какая *разница*, чего я хотел?

— Может быть, я наконец-то решил прислушаться к совету своего консьюльери, — насмешливо сказал я.

— Чушь. Почему ты не можешь просто признать, что происходит?

Я отвернулся от него и ничего не сказал.

— Это же очевидно, что ты влюблен в нее, дурак, — огрызнулся Никколо. — Я вижу это, все остальные видят это...

— В том, что мы делаем, нет места любви, — прорычал я. — Не в той жизни, которую мы ведем.

— Чушь! Ты *знаешь*, что папа любил маму...

— Это было целую жизнь назад. Теперь это другой мир.

— Нет, это не так! — кричал Никколо. — Мы унаследовали все это — риск тот же, насилие то же, выбор между жизнью и смертью тот же — ничто не отличается от того, с чем сталкивалась наша семья на протяжении многих поколений! Так чего же ты так боишься?!

Я сделал секундную паузу, а затем сказал.

— Оставив здесь, я подвергаю ее опасности.

— Слишком поздно! Она уже подвергалась опасности и вышла невредимой! Это не причина. Что, черт возьми, *на самом деле* случилось?

Я не ответил.

— ... думаешь, что это сделает тебя слабым, если ты ее полюбишь, — понял Никколо. — Ты был Доном три недели, ты и так едва держишься... и боишься, что если оступишься, если совершишь ошибку, то все, за что боролась наша семья, превратится в пыль... и во всем будешь виноват ты. В этом причина, не так ли? Так что ты будешь играть трагического героя, будешь несчастным и одиноким, и нести весь мир на своих плечах.

— Пошел ты.

— Нет, ПОШЕЛ *ТЫ* НА ХУЙ. Ты мой брат, моя семья, и забываешь, что мы *вместе* в этом деле. Мы стоим вместе, или падаем вместе — но главное, что мы делаем это *вместе*. Мы делаем это для того, чтобы семья продолжалась, а как она может продолжаться, если ты отказываешься любить? Если отказываешься взять жену и родить детей? Любовь к Алессандре сделает тебя *сильнее*, идиот. У тебя будет нечто большее, чем ты сам, за что можно бороться.

— У меня есть семья, за которую я должен бороться...

— *Нет никакой семьи, если она кончится на нас!* — прорычал Никколо. — Если мы будем последними... если мы умрем в одиночестве... то ради чего, черт возьми, мы жертвовали собой? Какого черта все это стоит, если не с кем поделиться, некому передать?

Когда я не ответил, Никколо покачал головой.

— Ты совершаешь ужасную ошибку. Надеюсь, ты вовремя это поймешь.

Затем он повернулся и вышел из комнаты.

Я долго стоял на месте...

А потом подошел к шкафу, где все еще висели ее платья.

Я снял одно из них с вешалки, поднес к лицу и глубоко вдохнул.

Оно пахло ею...

Запах сирени...

И запах ее волос, нагретых солнцем.

На секунду мне показалось, что она тут, со мной...

Что я не потерял ее...

И что все еще может быть хорошо.

Но потом я открыл глаза...

Я был одинок и несчастен.

Как и говорил Никколо.

Глава 47

Алессандра

Ларс отвез меня домой на одном из Мерседесов. Это была тридцатиминутная поездка по пустынным двухполосным дорогам, и большую часть пути он молчал.

Я просто смотрела в окно и думала о том, пройдет ли когда-нибудь эта боль.

Наконец он заговорил.

— В каком-то смысле это поэтично, не так ли?

Я повернулась к нему в замешательстве.

— Что именно?

— Наше маленькое путешествие началось в тот момент, когда мы увидели друг друга в кафе... а теперь оно заканчивается, и мы опять вдвоем.

— Наверное, это правда, — пробормотала я.

— Могу ли я попробовать переубедить тебя? Что-то сделать, чтобы ты позволила мне отвезти тебя обратно в поместье?

— Нет. Но спасибо, что спросил.

Он кивнул и продолжал ехать в молчании.

Вдруг мне пришла в голову одна мысль.

И холодный озноб прошел по моему телу.

Ларс был убийцей этой семьи...

Именно ему было поручено застрелить человека в кафе.

Что, если сегодня ему поручено сделать что-то *еще*?

— ... Ларс? — спросила я, стараясь скрыть страх в голосе.

— Да?

— Почему именно ты везешь меня домой?

— Я вызвался добровольцем.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Кто-то пытается убить Дарио и его братьев. Они — мишень. А я — нет.

— Я не думаю, что это правда.

Он улыбнулся.

— Ну... это правда, что они думают обо мне как о семье... но дело в том, что я не так важен с тактической точки зрения, как любой из них. Я просто мускулы. Силовик, если хочешь. К тому же, в перестрелке я лучше, чем кто-либо из них. Дарио, Адриано и Массимо хороши, но я — лучший.

— Ты же не станешь... вывозить меня ночью за город... чтобы избавиться от меня?

Он потрясенно посмотрел на меня.

Потом посмотрел на дорогу.

И разразился хохотом.

— Ты подумала, что я везу ТЕБЯ куда-то, чтобы УБИТЬ?! — сказал он сквозь смех.

— Ну, я имею в виду, это то, что ты обычно делаешь, не так ли?

— Нет! — сказал он с оскорбленным видом. — Я имею в виду, я убиваю, когда приходится, но делаю это, чтобы защитить семью! К тому же я *никогда* не стал бы убивать женщин или детей, ты же знаешь!

Я хотела сказать, что *знала только то, что он мне об этом говорил*, но в данный момент не сочла это разумным.

— А что насчет мужчины в кафе? — спросила я.

— Умберто Фумагалли был наемным убийцей у Ольдани — конкурирующей семьи, которая хочет убить Дарио и его братьев, чтобы захватить их территорию!

— Значит... у него была та же работа, что и у тебя?

— Да, — за исключением того, что я делаю это по необходимости. Насколько я слышал, Фумагалли получал от своей работы слишком большое удовольствие, если ты понимаешь, о чем я.

Мой желудок скрутило.

— ... ох.

Ларс с сожалением покачал головой.

— Не могу поверить, что ты подумала, что я собираюсь тебя *убить*.

— Ну, ты же в мафии.

— Да, но есть разница между теми, кто причиняет боль и страдания, не обращая внимания на невинных, и теми, кто занимается бизнесом, который, как оказалось, находится вне закона. Именно поэтому Дарио настаивал на том, чтобы они вышли из наркотиков и секс-торговли, потому что он не хочет больше быть частью этого. То, что он оставил себе — азартные игры и политическое влияние, это не то же самое, что вывозить женщин из Восточной Европы и заставлять их быть проститутками. Он не хочет участвовать в этом дерьме.

— Но его отец был вовлечен в это, — сказала я.

— А Дарио это *пресекает*. На самом деле во Флоренции в тебя, скорее всего, стреляли, потому что Дарио не позволил Турку работать на его территории. — Ларс сделал секундную паузу, затем пожал плечами. — Ну... я думаю, что так было.

— Турок... Фаусто и Дарио много говорили о нем.

— Я забыл, ты же там была. Да, это тот ублюдок, с которым мы встречались, когда ты была во Флоренции.

Наконец мы добрались до участка дороги, который я узнала даже в темноте: это была улица, ведущая к деревне Менсано.

— Дом моего отца находится здесь, справа, — сказала я.

— Я знаю, — с полуулыбкой ответил Ларс. — Я уже бывал здесь, помнишь?

— ... точно...

Он остановился рядом с кафе. Все огни были погашены — что вполне логично, ведь была уже почти полночь.

Ларс достал мой телефон, который я не видела с тех пор, как Дарио забрал его у меня в ночь, когда взял меня в плен.

— Вот, — сказал он, протянув его мне. — У тебя есть ключ, чтобы войти?

— Я знаю, где спрятан запасной.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет... я справлюсь.

Ларс посмотрел мне в глаза, словно ища там что-то.

— Ты уверена, что я не смогу уговорить тебя вернуться со мной? Я думаю, ты сможешь наладить отношения с Дарио.

Я грустно улыбнулась и покачала головой.

Он вздохнул.

— Ладно... что ж, попробовать стоило.

Он сделал секундную паузу, затем продолжил.

— Я сохранил свой личный номер в твоём телефоне. Знаю, что Роберто дал тебе свою карточку, и он может помочь с деньгами — это его специальность, но я могу помочь тебе, если

ты окажешься в опасности. Если тебе что-нибудь понадобится, что угодно — позвони мне, днем или ночью.

— Спасибо, — прошептала я.

Он протянул руку, как бы желая пожать ее.

Немного удивившись, потому что такое прощание показалось мне очень формальным, я потянулась, чтобы взять его руку.

Но он отдернул ее, превратил пальцы в пистолет и произнес «Пиу-пиу», как будто стрелял из самого тихого в мире пистолета.

Я бросил на него взгляд, похожий на «СЕРЬЕЗНО»?!

Ларс громко рассмеялся.

— Извини, не смог удержаться.

Затем он наклонился вперед и обнял меня.

— Удачи, Алессандра. Позвони, если я тебе понадоблюсь.

— Обязательно, — пообещала я.

Попрощавшись, я вышла из машины.

Ларс подождал, пока я дойду до кафе и найду запасной ключ, спрятанный в клумбе.

Я отперла дверь и помахала рукой.

Мерседес мигнул фарами, выехал на дорогу и поехал назад, в ту сторону, откуда мы приехали.

На сердце было тяжело, я смотрела, как красные задние фонари исчезают в ночи...

... затем вошла внутрь и закрыла дверь.

Я щелкнула выключателем ближайшего светильника.

И вскрикнула, увидев человека, сидящего в углу, наполовину скрытого тенью.

Он был небрит, с многодневной щетиной. Рядом с ним на столе стояла полупустая бутылка виски.

Это был мой отец.

— Папа?! — воскликнула я, обрадованная и в то же время обескураженная. — Что ты делаешь здесь так поздно?

В его глазах мелькнула искра счастья.

Но она была поглощена страданием в его глазах.

— Дорогая моя, — прошептал он с грустной улыбкой. — Лучше бы ты не возвращалась.

Из тени вышли четверо мужчин в черной одежде.

Я вскрикнула и попятилась назад.

В этот момент позади меня открылась дверь, и грубые руки схватили меня за плечи.

Один из мужчин вышел вперед на свет.

Ему было около сорока пяти лет, он был высокого роста, одет в костюм.

Он был бы красив, если бы не шрам, тянувшийся от левого уха вниз к уголку рта.

— Алессандра, — произнес мужчина с турецким акцентом. — Очень рад, что ты смогла присоединиться к нам.

Глава 48

— Садись, — сказал мужчина.

Я не собиралась подчиняться, но стоявший позади меня бандит заставил меня подойти к папиному столу и сесть на стул.

Я уже начала понимать, что была самой большой дурой на свете, раз покинула особняк и осталась без защиты Дарио.

— Папа, что происходит?! — судорожно спросила я.

Отец посмотрел на меня с таким отчаянием, что это испугало меня еще больше.

— Лучше бы ты не возвращалась, — повторил он.

— А я, например, очень рад, что ты вернулась, — сказал человек со шрамом. — Меня зовут Мехмет Эрдоган, хотя Розолини, наверное, называли меня Турком. Ах, да — я вижу по твоему лицу, что ты знаешь, кто я такой. Хорошо. Это мой солдат был застрелен в вашем кафе две недели назад. Кажется, это было так давно, не правда ли? Скажи, Алессандра, что думают Розолини о том, что произошло той ночью?

Я посмотрела на отца.

А Турок хлопнул кулаком по столу.

БАМ!

Я вздрогнула и вскрикнула.

— Смотри на *меня*, Алессандра, а не на него, — приказал Турок. — Я повторю свой вопрос еще раз: что думают Розолини о том, что произошло той ночью?

— Я... я не знаю, не уверена, но Ларс считает, что ты работаешь с какой-то семьей в Генуе.

— Ларс, — сказал Турок кивая. — Это он застрелил Умберто. Ну что ж... Берто следовало бы действовать быстрее. А как насчет священника и другого моего помощника, с которым вы столкнулись на прошлой неделе?

— Я не *знаю*, что они думают, — тихо сказала я, стараясь держать свой страх под контролем. — Я знаю, что Никколо пытался выяснить, кто они такие, но если он это и сделал, то мне никто ничего не сказал.

Пока я говорила, мой мозг работал со скоростью тысяча миль в минуту.

Откуда они узнали, что я приеду?

Или все это какое-то ужасное совпадение?!

— А как насчет нападения во Флоренции? — спросил Турок. — Что они думают по этому поводу?

— Они думают, что ты сделал это потому, что Дарио не позволил тебе провезти женщин через его территорию. Или что семья, контролирующая Флоренцию, сделала это для тебя.

Турок рассмеялся.

— Хорошо. Хорошо.

Он сел между мной и отцом и налил виски.

— Не хочешь ли выпить? Нет? А, ну да... ты же хорошая девочка, правда? — насмешливо произнес он и выпил рюмку. — Алессандра, скажи мне... что ты думаешь обо всем, что произошло за последние две недели?

— Я не знаю, — прошептала я.

— Конечно, у тебя должны быть какие-то мысли. Например, сказал ли вам что-нибудь бедный Умберто перед тем, как безвременно погибнуть?

Я вспомнила одну деталь, о которой не вспоминала с момента перестрелки.

— Он сказал... «*Передайте вашему отцу мой привет шеф-повару*». Как будто он знал папу.

— Потому что он действительно *знал* твоего отца, Алессандра, — сказал Турок. — На самом деле Умберто и твой отец были очень хорошо знакомы.

Я уставилась на папу.

Он не отвечал. Вместо этого он просто уставился на стол.

— Откуда ты его знаешь? — прошептала я.

— Это мы еще обсудим, — сказал Турок. — Но сначала... не кажется ли тебе удивительным, что ты оказалась в центре перестрелки во Флоренции, но тебя даже не ранили?

— Меня спас Массимо.

— Да... и нет. Правда в том, что *ты* спасла Массимо. Видишь ли, мои люди во Флоренции, а это *были* мои люди, хотя Агрелла дали свое согласие, мои люди старались *не* задеть *тебя*. Их первостепенной задачей было вывезти тебя целой и невредимой. Поскольку Массимо держался так близко к тебе, они не могли сосредоточить на нем всю свою огневую мощь. Они могли ранить его, да, но не могли стрелять на поражение... не подвергая *тебя* опасности.

Его слова поразили меня.

Неужели это правда?

Я не была случайным свидетелем насилия?

Но причиной, по которой оно вообще произошло?

— Почему? — спросила я в недоумении.

— Давай я расскажу тебе одну историю, — с улыбкой сказал Турок. — Жила-была девушка, выросшая в семье Cosa Nostra. Для того, чтобы заключить союз, она была обещана молодому человеку из другой семьи. Но, послушавшись родителей, она полюбила одного из слуг в доме. Он был старше ее примерно на десять лет. Их любовь была запретной. Если бы семья узнала об этом, его бы немедленно казнили.

— За месяц до назначенного брака девушка узнала, что беременна. Слуга, любивший ее больше всего на свете, рискуя жизнью, помог ей бежать из города, которым управляли ее родители. Они бежали вместе с еще нерожденным ребенком, и больше не оглядывались назад.

— Семья искала их долгие годы — в Европе, Америке, даже в России и на Дальнем Востоке, но никаких зацепок так и не обнаружила. Они и не подозревали, что их дочь исчезла, *не выходя из дома*... прямо под носом у своей семьи.

— У дочери и ее нынешнего мужа был ребенок, маленькая девочка. Они растили ее в крошечной деревушке в глуши. Они были бедны, но счастливы. Казалось, все будет хорошо, но, когда девочка ещё была подростком, ее мать умерла. Ничего зловещего, заметьте. Ни яда, ни пули, ни бомбы... Просто аневризма. Одна из тех вещей, которые могут случиться с каждым в любое время.

Я в шоке уставилась на Турка.

Он описывал, как умерла моя мать.

— Бывший слуга продолжал воспитывать свою дочь в деревушке в Тоскане. Он держал ее существование в тайне... и никогда не рассказывал ей, что на самом деле она является внучкой одной из самых могущественных преступных семей во всей Италии.

— Нет, — в ужасе прошептала я.

Я уставилась на отца, но он избегал моего взгляда.

— Да, моя дорогая, — с улыбкой сказал Турок. — Ты не Алессандра Кальвано. Вернее, именно эту фамилию выбрали твои родители, когда бежали из Генуи. На самом деле ты также

Алессандра Ольдани, наследница преступной семьи, которая контролировала Геную на протяжении многих поколений.

— Почему ты мне не сказал? — прошептала я отцу.

— Чтобы обезопасить тебя, моя дорогая, — сказал Турок. — И чтобы обезопасить *себя*. Ведь если бы семья узнала, где он находится, они бы убили его за то, что он отнял у них дочь... и еще неродившуюся внучку.

— Вот тут-то я и пришел на помощь.

— Стремясь расширить свои деловые связи за пределами Турции, я встретился с десятком мафиозных семей по всей Италии. И по мере того, как я заводил новых союзников, я собирал *множество* мелких сведений.

— Именно я узнал о таинственном человеке, который раз в несколько лет продавал во Флоренции редкие золотые монеты...

— Это я установил связь между ним и принцессой мафии Ольдани, которая сбежала со слугой после того, как украла сотню золотых монет из сейфа своего отца...

— Это я отправил сюда Умберто Фумагалли две недели назад. — Умберто был молодым пехотинцем в семье Ольдани двадцати лет назад и должен был знать твоего отца в лицо.

— Чего я *не знал*, так это масштабов соперничества между Ольдани и Розолини. Розолини были одной из немногих семей в Италии, с которыми я не связывался. Я слышал, что глава их семьи скоропостижно скончался, а его старший сын и наследник все еще находился в тюрьме. Не считал нужным обратить на них внимание, или думал, что они слабы, пока Розолини не доказали свою безжалостность и эффективность. Как только они узнали, что Умберто находится на их территории, они тут же убили его.

— Хуже того — они забрали *тебя* к себе, в недоступное для меня место. Все, что происходило с тех пор, было частью моего плана по возвращению тебя.

— Какого плана? — проговорила я, ужаснувшись. — Ты планируешь отдать меня семье Ольдани — для чего? Чтобы добиться их расположения?

— Да, таков был первоначальный план, — сказал Турок. — Но появилась другая, *гораздо* более интересная возможность.

— И что же это? — сердито спросила я.

— Когда ты сбежала из поместья и скрылась в церкви, то сделала это прямо под носом у Розолини. Как?

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица.

Я не могла сказать ему правду — *не могла*.

— Они позволили мне, — сказала я. — Они знали, что я собираюсь...

— Это ложь, — прорычал Турок. — Пока мой помощник держал тебя в переулке, священник позвал моих людей и повторил все, что ты ему сказала. Больше не лги мне. В особняке Розолини есть тайный ход, не так ли?

— Нет...

Турок ударил меня по лицу, и я вскрикнула от боли.

Отец закричал и попытался встать.

Но один из бандитов заставил его опуститься на место.

— Я сказал тебе не врать мне, — прорычал Турок. — В следующий раз, когда ты это сделаешь, я оставлю на твоём милом личике не только красную отметину. А теперь — там есть потайной ход, да?

— Да... но тебе придется убить меня, прежде чем я скажу тебе, где он, — прошептала я.

Турок долго смотрел на меня.

— Я тебе верю, — сказал он наконец. — Не думаю, что ты предашь их, даже ради спасения собственной жизни.

Затем он зловеще улыбнулся.

— ... но я думаю, что ты можешь предать их, чтобы спасти чью-то жизнь.

Турок кивнул одному из своих людей, тот достал пистолет и приставил ствол к голове моего отца.

— ПАПА! — закричала я.

Мой отец побелел как призрак.

— Теперь, — сказал Турок, — ты отведешь нас к проходу... или я прикажу Сальваторе вышибить твоему отцу мозги.

— Хорошо, только не трогайте его! — воскликнула я.

— Хорошая девочка, — с улыбкой сказал Турок. — Я знал, что ты поймешь, что к чему.

Глава 49

И я повела их обратно к тайному входу в особняк.

У меня не было выбора. Когда они привели меня к своим машинам, припаркованным в четверти мили от дома, папа был вместе с ними. Его посадили на переднее пассажирское сиденье, а нас с Турком — на заднее.

Всю дорогу Турок держал пистолет у затылка моего отца.

— Если что-то выкинешь, будешь смотреть, как он умирает, — предупредил Турок.

— Я могу привести вас к потайной двери, но она заперта изнутри, — судорожно проговорила я. — С этой стороны войти невозможно.

— Ты только приведи меня туда. Остальное я сделаю сам.

Я надеялась, что смогу отправить Ларсу смс с предупреждением, но первым делом они забрали мой телефон.

— Не хочу, чтобы ты ударила нас в спину, — ухмыльнулся Турок.

Ударил нас в спину.

Именно так я поступлю с Дарио, Массимо и всеми остальными — я приведу их главного врага прямо к ним в темноте ночи.

Я ненавидела себя за это. И отдала бы почти все, чтобы не делать этого, включая собственную жизнь.

Но я не стала бы жертвовать своим отцом.

Не могла.

Я просто молилась, чтобы Бог каким-то образом нашел способ сообщить Дарио и остальным о происходящем.

Единственная милость, которую оказал мне Турок, он позволил мне держать отца за руку через щель между передними сиденьями.

— Мне очень жаль, Алессандра, — прошептал отец.

— Все в порядке, папа, — ответила я сквозь слезы.

— Я всегда хотел признаться тебе... но еще больше хотел, чтобы ты была в безопасности...

— Все хорошо, папа. Все будет хорошо.

— Будет, — согласился Турок, прервав душевный разговор. Затем он лукаво улыбнулся.

— Если только ты дашь мне все, что я захочу.

Я ему не поверила.

Я не представляла, чем все закончится. Может быть, он отдаст меня семье Ольдани, и я стану пленницей другой мафиозной семьи.

Но не верила, что Турок отпустит моего отца на свободу.

И что что я могла сделать, когда он держал пистолет у папиной головы?

Люди Турка въехали в деревню и припарковались у подножия холма, ведущего к десятифутовой каменной стене с трещиной в ней.

Когда мы вышли из машины, Турок показал на папу.

— Свяжите его и бросьте в багажник.

Двое бандитов схватили отца и стали связывать ему руки и ноги.

— Нет! — закричала я.

— А что ты думала, произойдет? — спросил меня Турок. — Что я оставлю его здесь на произвол судьбы? Он может либо залезть в багажник, либо мы его пристрелим. Что ты предпочитаешь?

— Не трогайте его, — прошептала я.

— Все в порядке, — успокоил меня отец. — Все будет хорошо.

— Истинный оптимист, — сказал Турок.

Затем его люди закинули папу в багажник и плотно закрыли его.

— Теперь, — сказал Турок, жестикулируя пистолетом. — Веди.

Четырнадцать человек — я, Турок и двенадцать его людей — пошли вверх по склону.

У каждого, кроме Турка, был пистолет с глушителем.

Пистолет Турка был коротким и толстым, чтобы прижимать к голове жертвы.

Вот только *меня* он пустил впереди себя, как собаку.

Пистолет, направленный мне в спину, был моим поводком.

Я изо всех сил старалась вспомнить свой путь в темноте. Когда я добралась до стены, мне пришлось искать несколько минут, прежде чем я наконец нашла пролом.

— Вот он, — сказала я. — Но разве ты не боишься камер?

— Здесь *нет* камер, — уверенно сказал Турок. — Их не было последние пятьдесят лет.

Я уставилась на него.

— Откуда ты это знаешь?

Он улыбнулся.

— У меня есть свои источники.

Один из людей Турка прошел через пролом первым. Он направил свой пистолет на меня, чтобы я не убежала.

За ним один за другим последовали остальные, пока не прошли все четырнадцать.

Я думала о том, что будет, когда мы подойдем к дому.

Если я закричу, услышит ли меня Дарио или кто-нибудь еще?

Меня убьют мгновенно, я это знала, но, по крайней мере, они будут знать, что кто-то идет.

Однако Турок, скорее всего, отступит...

... а потом прострелит голову моему отцу в наказание за мое предательство.

И все же я взвешивала варианты, как мне поступить.

Пока Турок не лишил меня даже *этого* выбора.

Он оторвал кусок скотча от рулона и сказал.

— Сожми губы.

Я сделала, как было велено, и он заклеил мне рот.

— Хорошо. Теперь веди нас дальше, — приказал Турок.

Я пошла дальше по лесу, пока не дошла до опушки.

Особняк Розолини стоял в лунном свете темный и неподвижный, почти в шестистах футах...

... и я была бессильна предупредить их.

Я прошла столько, сколько считала нужным, затем опустилась на четвереньки. Я поползла, путаясь руками в папоротнике и подлеске.

Пока моя рука не проскользнула сквозь траву.

Я на секунду задумалась о том, чтобы не говорить Турку и надеяться, что его люди не заметят этого...

... но если он узнает, что я ему солгала, то со злости убьет моего отца.

Поэтому я повернулась и жестом указала на землю.

Турок кивнул, и двое его головорезов раскидали траву и палки, открыв отверстие в земле.

Другие посветили фонариками на каменные ступени, и мы вошли в подземный ход.

Когда мы подошли к железной двери, один из мужчин попробовал ручку. Она не поддавалась.

Я посмотрела на Турка и показала жестом:

— *Видишь? Я же тебе говорила!*

Он только усмехнулся.

— Если бы я позволил такой простой вещи, как эта, остановить меня, то никогда бы не добился успеха в жизни. — Затем он рывкнул. — Давай!

Двое мужчин прикрепили скотчем пакетики с темным порошком к петлям двери.

— Термитный порошок, — усмехнувшись, сказал Турок. — Союзники использовали его во Второй мировой войне, чтобы уничтожить самое большое артиллерийское орудие, когда-либо созданное нацистами. Он способен прорезать четыре дюйма стали, как будто это пустяк.

Третий мужчина зажег небольшую паяльную лампу и поджег один из пакетов.

— Отойди, — сказал Турок, оттащив меня подальше.

Вдруг он стал гореть ярко, как солнце, разбрасывая повсюду искры.

Я закричала, но скотч, заклеивший мне рот, заглушил звук.

Турок гоготал от удовольствия.

Когда искры угасли, на месте петли осталась лишь светящаяся дыра.

— Подожги другой, — приказал турок.

Они повторили процедуру. Когда все закончилось, и петли были уничтожены, бандиты с помощью лома взломали дверь. Пятеро крепких мужчин подхватили массивную металлическую плиту и опустили ее на землю.

— Продолжаем, — сказал Турок, и мы прошли через дверной проем в темноту.

Глава 50

Когда мы шли по каменному тоннелю, мне казалось, что я попала в фильм ужасов. Лучи фонариков бандитов едва освещали наш путь... Пистолет Турка упирался мне в затылок... И каждый шаг приближал меня к предательству человека, которого я любила. В его смерти и в смерти его братьев буду виновата только я. Наконец мы добрались до прохода для прислуги. Оттуда до потайной двери возле часовни было всего двадцать шагов. Как только мы оказались в коридоре, бандиты образовали защитный круг, в центре которого оказались я и Турок. Их шаги отдавались от кафельного пола, когда они двигались по темному дому.

Затем мы вышли на парадную лестницу в холл.

— Вперед, — прошептал Турок.

Шесть человек поднялись по лестнице, держа пистолеты наготове. Я поняла, что на каждого брата приходится по одному стрелку. Адриано, Массимо, Роберто, Никколо, Валентино... ... и Дарио.

Мне хотелось закричать, предупредить их, но это было бесполезно. Заклеенный рот заглушил бы любой звук, а вокруг меня и Турка было еще шесть бандитов. Любой из них убил бы меня, издай я хоть малейший звук.

Оставалось только молиться, чтобы кто-нибудь из братьев услышал убийц и предупредил остальных...

... пока не стало слишком поздно.

— Через мгновение, — прошептал мне на ухо Турок, — все шестеро Розолини будут мертвы, а их империя...

Он так и не закончил фразу, потому что его оборвали выстрелы. Я видела в темноте вокруг нас вспышки.

БАХ-БАХ-БАХ-БАХ-БАХ!

Я вскрикнула под наклеенным скотчем, уверенная, что умру. Но это люди Турка падали возле нас замертво.

— ЧТО?! — зарычал Турок.

Он прижал меня к себе, как живой щит, и приставил пистолет к моему правому виску. Из темноты вышли трое мужчин в черной одежде, их пистолеты были направлены прямо на нас.

Адриано...

Валентино...

И Дарио.

— Отпусти ее, — тихо сказал Дарио, его голос был спокойным.

— ОСТАНОВИСЬ! — закричал Турок. — ОСТАНОВИСЬ, ИЛИ Я УБЬЮ ЕЕ!

Дарио поднял руки вверх и направил пистолет в потолок.

— Адриано, Валентино... опустите оружие и отойдите.

Адриано попытался протестовать.

— Но...

— СДЕЛАЙТЕ ЭТО.

Адриано и Валентино направили свои пистолеты в пол, затем медленно отступили в тень.

— Вот так, — сказал Дарио. — Они отошли. Теперь отпусти ее.

Турок рассмеялся.

— Я так не думаю.

— Если ты отпустишь ее, я позволю тебе уйти отсюда невредимым. Даю слово.

— Твое *слово*, — усмехнулся Турок. — Ты считаешь меня глупым?

— Нет, но ты, наверное, думаешь, что я глуп. Иначе зачем бы вы тянули время?

Турок промолчал.

— Ты слышишь? — спросил Дарио.

В ответ была только тишина.

— Нечего тут слышать, — огрызнулся Турок.

— Вот именно. Все, кого ты послал наверх, мертвы, — сказал Дарио. — Мои братья убили твоих людей наверху в тот самый момент, когда мы расстреляли твоих людей здесь, внизу. Все кончено. Отпусти ее.

Турок пришел в ярость. Он крепко обхватил меня левой рукой за шею и сильнее всадил пистолет мне в череп.

— Ты, сука, предательница! — прошипел он мне в ухо.

— Она здесь ни при чем, — сказал Дарио. — Мы следили за тобой по камерам с того момента, как ты прошел через стену.

Турок захрипел, как будто его ударили.

— Но... там не должно было *быть* никаких камер...

— Неужели ты думал, что я оставлю все свое поместье без охраны? А теперь перестань направлять на нее свой пистолет... и направь его на меня.

Турок отступил назад и потащил меня за собой.

— Направь на меня свой пистолет, — спокойно повторил Дарио.

Я уже почти не видела его, глаза затуманились от слез.

— Зачем? — шипел Турок. — Ты убьешь меня, несмотря ни на что.

— Нет, не убью, как и мои братья. Клянусь могилой своего отца.

— И почему я должен тебе верить?

— Потому что я займу ее место, — спокойно сказал Дарио.

Я попыталась закричать «*НЕТ!*» под заклеенным скотчем ртом.

— Ш-ш-ш, все в порядке, — сказал он мне спокойным голосом, затем снова посмотрел на Турка. — Возьми меня в заложники, и ты выйдешь отсюда свободным человеком. Только направляй пистолет на меня, а не на нее.

Турок заколебался, а затем потребовал:

— Сначала избавься от своего пистолета.

— Хорошо... не стреляй.

Дарио медленно наклонился, положил пистолет на пол и аккуратно пинком перебросил его Турку. Затем поднял руки.

— Я беззащитен. Убери от нее свой пистолет... и направь его на меня.

Я слышала, как Турок тяжело дышит у меня за ухом.

Чувствовала, как ствол его пистолета прижимается к моей голове.

Внезапно давление ослабло, и я увидела, как пистолет перекинулся через мое плечо в сторону Дарио.

Я закричала в скотч, закрывавший мне рот.

— Дурак, — прорычал Турок.

И тут на втором этаже я увидела вспышку света, затем раздался приглушенный звук выстрела.

И Турок отлетел от меня, его рука соскользнула с моей шеи.

Я стояла и дрожала, глядя, как тело ублюдка падало на пол позади меня.

Глава 51

Дарио бросился ко мне и обхватил меня своими сильными руками.

Я прижалась к нему, почувствовав себя в безопасности.

Через секунду он отстранился, чтобы видеть мое лицо.

— Ты в порядке? — прошептал он.

Я кивнула.

Он улыбнулся мне, счастливый, как никогда раньше.

— Давай больше никогда не будем так делать.

Я засмеялась сквозь скотч.

— Все в порядке? — крикнул Дарио, нащупав край ленты на моем лице.

— Мы в порядке! — крикнул кто-то с третьего этажа, судя по звуку, Массимо.

— Будет больно, — предупредил меня Дарио, прежде чем отклеить скотч от моего лица.

Но после всего, что мне пришлось пережить, боль была пустяковой.

Как только лента была снята, он спросил.

— Ты действительно в порядке?

— Да! — счастливо воскликнула я, по щекам текли слезы.

И он страстно поцеловал меня.

Я обхватила его за шею и поцеловала в ответ так сильно, как только могла.

— Эй, снимите комнату! — раздался голос Никколо со второго этажа.

Мы с Дарио прервали поцелуй и рассмеялись.

Подняв глаза, я увидела на втором этаже сияющих Никколо, Массимо и Роберто, одетых в черное. За ними стояло еще с десятков вооруженных людей — пехотинцев семьи Розолини. Они улыбались и поздравляли друг друга.

По лестнице спускался еще один человек с мощной винтовкой через плечо. Он снял черную балаклаву, обнажив светлые волосы.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Ларс.

— Ты что, не разглядел во время поцелуя? — крикнул сверху Никколо.

— В порядке! — заверила я Ларса.

Он выглядел напряженным и изможденным.

— Это был самый сложный выстрел за всю мою жизнь.

Дарио положил руку на плечо Ларса.

— Я знал, что ты справишься. Поэтому и доверил это тебе.

Ларс кивнул, и я обняла его. Он, наконец, расслабился и засмеялся, обняв меня в ответ.

— Мы можем вывести всех? — спросил Валентино.

— Ты просто хочешь выглядеть героем, — поддразнил его Никколо.

— Эй, ты слышал ее раньше, — сказал Валентино, указав на меня. — Она сказала, чтобы я заботился о своей даме!

— Ладно, как скажешь, — сказал Никколо.

Валентино пошел по коридору и открыл дверь.

— Все в порядке, вы в безопасности, можете выходить!

В зал ввалились два десятка слуг, включая горстку вооруженных пехотинцев, которые их охраняли.

Все были одеты в пижамы, словно их только что вытащили из постели.

Среди них была и Катерина. Она бросилась в объятия Валентино, и он поцеловал ее, закружив в воздухе.

Ларс подошел к толпе.

— Что случилось? — спросила я Дарио, посмотрев на людей.

— Когда мы увидели по камерам наблюдения, что тебя ведут сюда, мы подняли всех с постели, — объяснил он. — Но мы не могли рисковать и вывести кого-то на улицу, вдруг Турок заметил бы... Поэтому мы спрятали их и оставили с ними охрану.

В одно мгновение я вспомнила о своей роли во всем этом.

— Мне жаль, Дарио, мне так жаль... У них был мой отец...

— Тише, тише, все в порядке, — прошептал он. — Ничего бы этого не случилось, если бы я не был дураком и не отпустил тебя.

Я разрыдалась, обняв его, он прижал меня к себе.

— Все в порядке, — прошептал он мне на ухо. — Я больше никогда тебя не отпущу.

Потом я вспомнила еще кое-что.

— Мой отец в багажнике одной из машин у подножия холма!

— Мы сейчас же отправим кого-нибудь, — пообещал Дарио, затем обернулся. — Адриано, ее отец в одной из машин Турка — возьми несколько человек и освободи его.

— Может, мне обыскать тела здесь, чтобы найти ключи? — спросил Адриано.

Дарио отошел от меня, пока они с Адриано обсуждали, как обыскать людей Турка в поисках ключей.

В этот момент я увидела ее.

Филомена.

Старуха, как сомнамбула, двигалась из толпы прислуги, ее хрупкое тело было одето в белую ночную рубашку до щиколоток.

Я подумала, что она может посмотреть на меня, и ужаснулась возможности встретиться с ней взглядом.

Но что-то было не так.

Ее взгляд был прикован к Дарио и ни к кому больше.

Мой взгляд упал на ее руку, опущенную вдоль тела.

Это было трудно разглядеть из-за людей, снующих между нами.

Но наконец я рассмотрела в ее руке что-то маленькое и черное.

Пистолет.

Она была в двенадцати футах от Дарио и подходила все ближе.

Если бы я закричала, не было бы никакой гарантии, что они поймут, в кого стрелять.

А если я выкрикну ее имя, это ее насторожит.

И она может выстрелить.

У меня была всего секунда, чтобы действовать.

И я сделала свой выбор.

Нагнулась и схватила пистолет, который Дарио отбросил к Турку.

Я молилась, чтобы все было не сложнее, чем в кино.

И я стала приближаться к ней так быстро, как только могла.

Филомена начала поднимать руку.

Никто не видел, кроме меня.

Потому что никто не подозревал, что старая женщина может кого-то убить.

Никколо увидел, но было уже поздно.

— ОРУЖИЕ! — закричал он, потянувшись за пистолетом в кобуре.

Но в это время Филомена была уже в шести футах от Дарио. Ее рука подняла пистолет к его голове.

И тогда я выстрелила.

БАХ!

Она покачнулась и упала на пол.

Дарио в шоке посмотрел на нее, затем на меня, широко раскрыв глаза.

Я стояла, глядя на ее тело, пистолет дрожал в моих руках, а дым поднимался в воздух.

Воцарился хаос.

Люди с криками выбежали из комнаты.

Ларс подбежал и отшвырнул маленький пистолет, выпавший из руки Филомены.

Пока я продолжала смотреть на нее, Дарио осторожно забрал у меня пистолет.

Затем он прошептал мне на ухо.

— Спасибо тебе, *amore mio*⁵. Ты спасла мне жизнь.

Я разрыдалась, и он обнял меня, прижав к себе.

Все это время Филомена с ненавистью смотрела на нас.

Она была еще жива. Ее грудь медленно поднималась и опускалась, а на полу под ней растекалась красная лужа.

Валентино подтолкнул Катерину к безопасному месту в другой комнате, а затем повернулся к нам.

— Что, блядь, только что произошло?! — крикнул Адриано, подбежав к нам.

— Я думаю, это наш крот, — крикнул Никколо, когда он, Массимо и Роберто сбежали вниз по лестнице.

— ... крот? — спросила я в шоке.

— Она сказала тебе, как выбраться из дома, не так ли? — спросил Никколо.

Я кивнула и зарыдала.

— Мне так жаль... Я должна была сказать тебе...

— Эх... мы все сильны задним умом, — мрачно сказал он. — Я должен был бы злиться на тебя, но это обнажило зияющую дыру в нашей обороне. Мы думали, что о проходе знает только семья. Глупо с нашей стороны. Поэтому мы установили камеры, чтобы никто не смог застать нас врасплох... и вот так мы увидели вас и Турка.

— Он ждал меня у отца, — сказала я.

— Наверное, она позвонила ему, как только ты ушла, — сказал Дарио, посмотрев на Филомену.

Внезапно на меня снизошло озарение. *Все* стало ясно в одно мгновение.

— Это *она* заставила меня захотеть уйти! — воскликнула я. — Она сказала мне, что я шлюха, и что мои мать и отец стыдились бы меня! Она все это спланировала — ВСЕ это!

В тот момент я возненавидела ее.

Но не так, как возненавидел ее Дарио.

Я никогда не видела такой ярости на его лице, когда он смотрел на Филомену.

— Клянусь Богом, — прорычал он, — если бы ты не была старухой, я бы разнес твои мозги по полу.

— Не останавливай себя, ты, *pezzo di merda*⁶, — шипела она, пуская кровь изо рта.

— О-хо, бабуля разинула рот! — сказал Никколо, присев на корточки рядом с ней. — Ты все это время была в сговоре с Турком, не так ли?

Филомена вскинула на него глаза, пылая ненавистью, как солнце.

— Конечно, была.

— Почему же ты просто не *сказала* ему, как войти? Зачем привлекать Алессандру?

— Кто-то должен был показать им дорогу, — усмехнулась она.

⁵ Ит. – любовь моя

⁶ Ит. – кусок дерьма

Это была правда. Я нашла тайный вход в темноте только потому, что уже пользовалась им ранее.

— Зачем ты это сделала? — сердито спросил Дарио. — Ради денег?

— Нет.

— Тогда *почему*?

— Потому что твой отец убил моего мужа и сына, — прорычала она... а потом начала смеяться. — Поэтому я *его* и убила. — В комнате воцарилась тишина, только слышалось неровное дыхание старухи.

— ... что? — прошептал Никколо.

— Ты лжешь, — сказал Дарио, его голос дрожал.

Филомена усмехнулась, ее зубы окрасились в пунцовый цвет.

— Я ввела ему нитрат натрия... а вы, дураки, подумали, что у него сердечный приступ. Ну... наверное, так и было. Только не естественный.

— Ты, блядь... — прорычал Адриано, выхватив пистолет, чтобы выстрелить в нее.

Но Дарио схватил его за руку и остановил.

— Почему мой отец убил твоего мужа и сына? — спросил он старуху.

— Почему люди твоего сорта делают что-либо? Ради денег. Ради власти. Долгие годы я оплакивала их смерть... а потом решила что-то предпринять. Я устроилась на службу к твоему отцу... и стала доверенным лицом. Когда я убила его, то прошептала ему на ухо... — Ради моей семьи, ты, сын шлюхи.

— Ты получила работу здесь не без чьей-то помощи, — сказал Дарио. — И Турок не мог сделать ничего подобного, так кто же это был?

Филомена только рассмеялась и сплюнула кровь ему на ноги.

Дарио опустился рядом с ней на корточки.

— Ты скажешь мне, кто тебе помог... или я обещаю, что ты еще долго будешь жалеть об этом.

— Единственное, о чем я жалею, — прорычала она, — так это о том, что не успела убить и *тебя*.

Затем она прикусила что-то во рту.

С ее губ потекла кровавая пена.

Точно так же, как у священника и бандита, напавших на меня у церкви.

— Остановите ее! — крикнул Дарио.

Он сунул палец ей в рот и попытался вытащить капсулу с цианидом.

Но было уже поздно.

Ее тело дернулось несколько раз... и затем ее не стало.

Глава 53

После шокирующей смерти Филомены охранники вынесли из дома все тела, а слуги принялись убирать кровь.

Пока они занимались этим, Адриано с полудюжиной человек пошел освобождать моего отца.

Меня там не было, я осталась в доме по настоянию Дарио, но папа потом рассказывал, что чуть не умер от испуга, когда открылся багажник.

Адриано успокоил его и сказал, что все в порядке, а я жива и невредима.

Когда он добрался до дома, папа обнял меня и зарыдал.

— Мне так жаль, Алессандра... Я должен был тебе сказать...

— Все в порядке, — утешала я его, а затем познакомила с шестью братьями и Ларсом. — Они спасли мне жизнь — много раз.

Отец горячо благодарил их всех. Все были добры к нему, что я ценила больше, чем могла бы сказать.

Тем более что именно из-за нас с папой в их дом посреди ночи ворвались убийцы.

После того как отец поблагодарил их, Никколо спросил:

— О чем ты говорил раньше? О том, что ты должен был ей сказать?

— О, — сказала я. — Об этом...

Я повторила все, что рассказал мне Турок: как мои отец и мать сбежали двадцать лет назад...

И как Турок планировал использовать меня в качестве пешки, чтобы заполучить Ольдани в союзники.

Мой отец подтвердил все, что касалось его самого, в том числе и то, как он и моя мать бежали из Генуи.

Все были поражены.

Но Дарио отреагировал не так.

— Так ты — принцесса мафии? — спросил он весело.

— Я бы себя *так* не называла, — с отвращением сказала я.

— Думаю, твои бабушка и дедушка могли бы.

Бабушка и дедушка...

Я никогда не была с ними знакома. Папа говорил мне, что и его родители, и родители моей матери умерли до моего рождения.

Мысль о том, что кто-то из них еще жив, но состоит в Cosa Nostra...

Я не знала, как к этому относиться.

— Подожди... Значит, генуэзцы никогда не хотели нас убить? — удивленно спросил Валентино.

— Давайте не будем торопиться с выводами, — предостерег Никколо. — Мы понятия не имеем, насколько то, что сказал Турок, было правдой. Его открытие о наследии Алессандры могло удачно совпасть с желанием Ольдани уничтожить нас.

— Пожалуйста, сэр, — умолял Дарио мой отец, — вы должны защитить меня — Ольдани убьют меня за то, что я сделал!

Дарио обнял меня за плечи.

— Ваша дочь находится под моей защитой, а значит, и вы тоже. Я обещаю, что вам не причинят вреда.

Я прижалась к Дарио. Для меня это было самое безопасное место в мире.

Отец, похоже, не был *так* рад нашей близости.

Наверное, из-за того, что Дарио сказал в кафе.

Ну, знаете...

О том, что он не лишит меня девственности, пока я не начну умолять его об этом.

Но тут Дарио удивил нас обоих.

— Я хочу тебя кое о чем попросить, — обратился он к моему отцу, который побелел, как полотно.

Наверное, он думал, что Дарио потребует от него какой-нибудь мафиозной услуги, например, закопать трупы на его территории.

Честно говоря, я подумала точно так же.

Но Дарио сказал моему отцу:

— Я хотел бы получить твоё благословение на брак с Алессандрой.

Почти все присутствующие в комнате задохнулись, как и я.

Кроме Дарио и Никколо.

Никколо усмехнулся и протянул Дарио крошечный предмет, который я не могла разглядеть.

— Я... я... — заикнулся отец, затем повернулся ко мне. — Если она хочет выйти за тебя замуж, то да, я даю своё благословение!

Я в недоумении повернулась к Дарио.

В этот момент он опустился передо мной на колени и взял меня за руку.

— Алессандра... когда ты ушла... тогда я впервые понял, что люблю тебя. Безумно... страстно... глубоко. Ты — единственное, что принесло мне настоящее счастье. И когда я чуть не потерял тебя сегодня ночью... то понял, что не могу жить без тебя. Я люблю тебя и никогда больше не хочу расставаться с тобой. Ты выйдешь за меня замуж?

Я разрыдалась, на этот раз слезами счастья, улыбнулась и засмеялась, кивнув в согласии. Братья зааплодировали.

Адриано, Массимо, Роберто, Никколо, Валентино...

И Ларс. К этому времени я уже тоже считала его одним из братьев.

Дарио усмехнулся и протянул мне кольцо с бриллиантом. Оно выглядело старомодным, с крошечными рубинами и жемчугом в оправе вокруг бриллианта.

Я задохнулась от восторга и поняла, что это тот самый предмет, который несколько минут назад передал ему Никколо.

— Это кольцо нашей матери, — сказал Дарио и посмотрел на своих братьев. — Надеюсь, вы не против?

Они снова зааплодировали и начали выкрикивать слова одобрения.

— Ты знаешь, что у тебя есть *мое* благословение, — сказал Никколо.

Адриано усмехнулся, впервые за все время я увидела на его лице улыбку.

— Не могу представить, на ком бы ещё я хотел бы видеть это кольцо.

Я заплакала ещё сильнее от его слов.

Дарио надел кольцо на мой палец, встал и поцеловал меня.

На мгновение мир замер... и мне показалось, что я попала в сказку.

Потом меня вернули в реальность — все зааплодировало: и братья, и солдаты семьи, и прислуга, которые слышали шум и пришли посмотреть, что происходит.

Дарио улыбнулся мне, а я ему.

Все братья собрались вокруг, чтобы поздравить нас. Они обнимали меня и хлопали Дарио по плечу.

Последним выступил Никколо.

— Как хорошо, что ты стала моей сестрой, — сказал он, обняв меня. — Я всегда хотел иметь такую сестру... и теперь она у меня есть.

Я обняла его в ответ.

— Я всегда хотела брата... а теперь у меня их шесть!

Валентино засмеялся.

— Слышал это, Ларс? Ты — почетный брат!

— Лучше бы я стал им не сегодняшним вечером, — пошутил Ларс.

Никколо театрально вздохнул:

— Настоящая помолвка Cosa Nostra — любовь и смерть в равной степени. Все мужчины, кроме отца Алессандры, следуйте за мной — нам нужно вырыть несколько могил во фруктовых садах!

Затем мой будущий шурин посмотрел на меня и подмигнул.

— Не волнуйся — я обещаю, что свадьба будет более традиционной.

Глава 54

Пока Дарио, Никколо и другие мужчины трудились при свете луны, я сидела в гостиной с отцом. У меня было очень много вопросов.

Ответив на все, папа спросил:

— Я должен знать... ты уверена, что это та жизнь, которую ты хочешь?

Я поняла, что он имел в виду — *Cosa Nostra*.

Мой отец бежал от мафии, чтобы быть с любимой женщиной...

А теперь я выхожу замуж за мафию, чтобы быть с мужчиной, которого люблю.

— Не знаю, как насчет самой жизни... но я хочу Дарио, — сказала я. — И готова на все, чтобы быть с ним.

Папа улыбнулся.

— Я чувствовал то же самое по отношению к твоей матери. Знал, что это будет означать жизнь в тайне и скрытности... но я не мог жить без нее.

Дарио передал в дом, что пройдет еще несколько часов, прежде чем они закончат, и что нам с отцом лучше ложиться спать.

Пришла горничная, чтобы отвести папу в его собственную комнату в противоположном конце дома.

— Почему так далеко от моей?

— Чтобы он не слышал тебя, когда ты будешь с Доном Розолини, — улыбнувшись, прошептала она в ответ.

Я покраснела.

Но должна была признать, что это было очень предусмотрительно с ее стороны.

Обняв папу на ночь, я вернулась в свою комнату и приняла душ. Затем легла в постель и уснула, полностью обессиленная.

Я проснулась на рассвете, когда Дарио скользнул под простыню рядом со мной.

Он тоже принял душ, но его волосы были еще влажными. На нем были только черные трусы.

— Все в порядке? — сонно пробормотала я.

— Да. Обо всем позаботились. — Он улыбнулся, любуясь на кольцо, сияющее в лучах утреннего солнца. — Мне нравится видеть его на твоей руке.

— Хорошо... потому что это единственное, что есть на мне, — озорно сказала я.

Он поднял одну бровь.

— Правда?

Его руки забрались под простыни, и я почувствовала, как он пальцами коснулся моей груди.

От его прикосновения мои соски сразу же стали твердыми.

Он двинулся, чтобы поцеловать меня.

Но я остановила его, приложив палец к его губам.

— Я хочу попросить тебя об одной вещи, — прошептала я.

Он заглянул мне в глаза.

— Что?

— Наши дети...

Он усмехнулся.

— Мне нравится, как это звучит.

— Мне тоже, — улыбнулась я в ответ.

Затем стала серьезней.

— Я не хочу, чтобы их отец вручил пистолет моему сыну, когда ему исполнится пятнадцать. Я не хочу этого *ни для кого* из них. Когда Фаусто был здесь, Роберто сказал, что семья станет законной через два года. Можешь ли ты пообещать мне, что нашим детям не придется подвергаться опасности, как тебе и твоим братьям? Что они будут защищены?

Дарио мрачно кивнул.

— Я клянусь именем моей семьи, что они не пойдут по моим стопам. А унаследуют совершенно новую жизнь... в которой они смогут стать врачами, или адвокатами, или актерами, или художниками, или кем угодно еще, кем они захотят стать... но только не мафиози.

— Спасибо.

Он нежно поцеловал меня...

А я потянулась к его боксерам и начала их снимать.

— Мне нравится твоя новая сторона, — сказал он с ухмылкой.

— Я хочу много детей, поэтому тебе придется *часто* заниматься со мной любовью.

Он засмеялся.

— Конечно. Начнем *прямо сейчас*.

Глава 55

Говоря о детях: первый появился раньше, чем я ожидала.

Не волнуйтесь, я все объясню.

Мы назначили день свадьбы всего через две недели после того, как Дарио сделал мне предложение. Мой будущий муж сказал, что ему не нужна долгая помолвка, только чтобы хватило времени все устроить. Я с радостью согласилась.

Хотя, возможно, я попросила бы больше времени, если бы знала, насколько безумными окажутся приготовления.

С большей частью справились наши слуги. Катерина была просто находкой: она фактически взяла на себя роль организатора свадьбы. А Никколо отвечал за приглашения, поскольку там будет присутствовать много родственников и деловых партнеров семьи, а у меня, кроме отца, практически никого не было.

Но мне *все равно* предстояло принять десятки решений: какие блюда будут поданы. Какой будет торт и как он должен выглядеть. Мое платье. Какие я хочу цветы. И так далее, и так далее, и так далее.

Для человека, который в детстве редко покидал отцовское кафе, это было сложно.

Тем более, что я хотела, чтобы мой жених и его братья гордились мной. На празднике будет присутствовать много очень богатых, очень влиятельных людей, и я не хотела никого подвести.

И все же я наслаждалась подготовкой, несмотря на то что все проходило очень суматошно.

Но испытывая волнение, предшествующее этому дню, я кое-что поняла:

Мои месячные задерживались как минимум на неделю. А ведь обычно они были регулярными, как часы.

Как только я догадалась о *причине*, я замерла.

Я начала считать в обратном порядке до того момента, когда встретила Дарио...

Да, все сходилось.

Я была доброй католичкой, и мы никогда не предохранялись.

И он никогда не прерывал акт.

Поначалу, благодаря своему религиозному воспитанию, я испытала непреодолимое чувство вины.

Ребенок, зачатый вне брака!

Но я быстро напомнила себе, что через неделю выйду замуж за отца, и успокоилась.

Однако я все еще не знала наверняка — и *хотела* быть уверенной, прежде чем кому-то сообщить.

Я понятия не имела, как это сделать... поэтому обратилась к человеку, которому доверяла.

Катерина была одна на кухне, когда я спустилась к ней.

— Привет, невеста! — поприветствовала она меня, когда я вошла. — Как ты сегодня утром?

— Я... мне нужно спросить тебя кое о чем.

Она нахмурилась.

— Что-то не так?

— Нет... нет, может, все и хорошо, но... у меня задержка.

— Задержка чего...

И тут до нее дошло.

Ее глаза стали широкими, как блюдца.

И она закричала.

Да, закричала *от счастья*, но все равно закричала.

— Ш-ш-ш! — сказала я, волнуясь, но тут же рассмеялась.

Катерина прикрыла рот и перестала так громко кричать, но начала прыгать от радости.

Затем она схватила обе мои руки в свои и засияла.

— Он уже знает?!

— Нет, я...

Она задохнулась, и ее глаза наполнились слезами.

— Ты... ты сказала *мне* первой? О, Алессандра, это большая честь для меня!
Я сжала ее руки и улыбнулась, чувствуя, что мои собственные глаза наполняются слезами.
— Ты была рядом со мной с самого начала. Без тебя я бы пропала.
Она разрыдалась и крепко обняла меня, а потом отстранилась.
— Но подожди, если дон Розолини не знает, а я знаю, что ты еще не ходила к врачу, ты уверена?!

— Вот почему мне нужна твоя помощь. Я понятия не имею, что мне делать — моя мама не рассказывала мне об этом, когда я была маленькой, и у меня нет других друзей, кроме тебя, которых я могла бы спросить.
Кэт одарила меня огромной улыбкой.
— Просто дай мне час, и я обо всем позабочусь.
Верная своему слову, Кэт появилась в моей спальне через час с бумажным пакетом, на котором было напечатано название аптеки.

— Как тебе удалось достать его так быстро? — спросила я, потрясенная.
— Я попросила Валентино подвезти меня, — сказала она и подмигнула. — Не волнуйся, он не знает, что это для тебя. Я сказала ему, что немного нервничаю и хочу сделать тест. Он сразу же согласился. Ты бы видела его по дороге — это было забавно и мило. Он счастливо ухмылялся и потел по очереди.
— Эм... где он?
— Он ждет на кухне. Я сказала ему, что слишком нервничаю, чтобы делать это с ним рядом, поэтому пойду к тебе.
— Что мне делать?
Кэт достала из коробки бумажную инструкцию, и мы прочитали ее. Потом я пошла в ванную одна.
Закончив, я позвала Катерину, и мы молча уставились на маленький пластиковый прямоугольник...
Пока рядом с первой не появилась вторая розовая линия.
Катерина закричала от радости и снова начала прыгать вверх-вниз.
На этот раз я даже не стала ее останавливать, настолько меня захлестнули эмоции.
Радость...
Шок...
И немного страха.
Мой разговор с Дарио о будущем наших детей больше не был гипотетическим.
Внезапно в дверь спальни постучали.
Катерина замерла, и мы уставились друг на друга.
— Эй, — раздался приглушенный голос Валентино, — все в порядке? Я слышал, как ты кричала, и...
— Все в порядке! — воскликнула Катерина. — Я НЕ беременна!
— ...ох, — сказал Валентино. Его голос звучал почти грустно. — Ладно, хорошо... круто... я могу войти?
— Я выйду через секунду! — сказала Кэт, затем повернулась ко мне и прошептала:
— Ты должна сказать дону Розолини.
— Но... разве я не должна подождать, прежде чем рассказать всем? — спросила я.
— Ты можешь сказать своему мужу, глупышка, — сказала она с огромной улыбкой.
Моему мужу.
Я должна сказать своему мужу, что у нас будет ребенок.
Она поцеловала меня в щеку и засияла.

— Иди. Скажи ему.
Затем она вышла из комнаты и попала в объятия Валентино.
Валентино увидел меня и поднял брови.
— Ты ведь не расскажешь моим братьям?
Я улыбнулась и покачала головой:
— Нет.
— Спасибо, — сказал он с облегчением.
Затем он подхватил Кэт на руки, как жених переносит невесту через порог. Она радостно взвизгнула.
— Раз уж ты не беременна... пойдём повеселимся, — поддразнил он и понес её прочь по коридору.

Глава 56

Я искала Дарио по всему дому и наконец нашла его одного в кабинете: он сидел за письменным столом и просматривал какие-то бумаги.
Я легонько постучала в приоткрытую дверь.
Как только он увидел меня, он улыбнулся, встал, обошел стол и поцеловал меня.
— Как поживает моя прекрасная невеста? — спросил он, отстранившись.
Теперь, когда момент настал, мой язык словно приклеился к нёбу.
— Хорошо... Я... Я просто...
Он слегка нахмурился.
— Что-то не так, *amore mio*?
— Нет, я... у меня просто есть новости, вот и все.
— Какие новости?
— Хорошие новости... Я надеюсь...
Я достала пластиковый предмет, который прятала в руке, и протянула ему. Две розовые линии были хорошо видны в крошечном окошке.
— Это положительный результат, — тихо сказала я.
Дарио в шоке уставился на тест, потом на меня.
— Ты уверена?
Я нерешительно улыбнулась.
— Мне нужно поговорить с врачом, чтобы быть уверенной, но... думаю, да.
Я начала беспокоиться из-за отсутствия его реакции.
Что, возможно, это не очень хорошие новости.
И тут он откинул голову назад и разразился счастливым смехом.
Это была самая бурная радость, которую я когда-либо видела.
Ну... когда мы не занимались любовью, конечно.
Он обхватил меня за талию, страстно поцеловал, а потом приподнял и несколько раз покружил.
Я взвизгнула от смеха.
— Опусть меня!
Он мягко опустил меня на землю, а затем снова поцеловал.
Но вдруг он в ужасе отпрянул.
— Подожди... это значит...
— Что? — спросила я, внезапно испугавшись.
Я ужаснулась, что он скажет что-нибудь о том, что наш ребенок незаконный, неправильный или еще что-нибудь столь же ужасное.
Дарио выглядел так, будто испытывал муки.

— В ту ночь, когда я отослал тебя... ты, скорее всего, уже была беременна.

У меня перехватило дыхание. Я не подумала об этом.

А ведь это было всего неделю назад...

Мне пришла в голову мысль, которая пробрала меня до костей: когда Турок приставил пистолет к моей голове, он угрожал еще одной жизни.

— *Amore mio*, — прошептал Дарио, его глаза были полны боли. — Мне так жаль...

— Но ты же спас нас, — прошептала я в ответ, улыбаясь.

— Но... я отослал тебя... а ты была беременна моим ребенком...

На глаза навернулись слезы — счастливые слезы — и я погладила его по лицу рукой.

— Ты бы никогда не отпустил меня, если бы знал.

Он схватил мою руку и прижался губами к моей ладони, его лицо все еще было искажено чувством вины.

— Я вообще не должен был тебя отпускать. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

— Прощать нечего. Но... — Я приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала его в губы. — ...да, я прощаю тебя.

Боль на его лице превратилась в смесь серьезности и радости.

— Я обещаю тебе — клянусь душами моих матери и отца, — что пока я жив, ничто и никогда больше не разлучит нас.

А затем он заключил меня в объятия и страстно поцеловал.

Когда он отстранился, его глаза были нежными и добрыми.

— Мы можем рассказать моим братьям? — спросил он.

Я вспомнила слова Катерины: *Ты можешь рассказать своему мужу, глупышка.*

Я решила, что это относится и к моим новым деверям.

Я засияла.

— Да, давай.

Он подошел к двери и крикнул в фойе:

— АДРИАНО, НИККОЛО, РОБЕРТО, МАССИМО, ВАЛЕНТИНО, ЛАРС — ИДИТЕ СЮДА!

Я подняла одну бровь.

— Это было довольно громко, но ты действительно думаешь, что все они тебя услышали?

— Не волнуйся, — сказал Дарио с ухмылкой. — Слуги сообщат тем, кто не услышал. Затем он взял себя в руки и напустил на лицо хмурое выражение.

— Давай сделаем им сюрприз, — сказал он.

Я кивнул, изо всех сил стараясь подавить улыбку.

Никколо появился первым.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он. Увидев наши мрачные лица, он бросил на меня бешеный взгляд. — Ты же не отказываешься от свадьбы?!

— *НЕТ!* — возмущенно сказала я.

— Тогда в чем дело?!

— У меня просто есть новости, вот и все, — сказал Дарио.

— Так ты что, просто так кричишь во всю мощь своих легких?! Ты чуть не довел меня до сердечного приступа! Не делай этого больше! — огрызнулся Никколо.

И тут он вспомнил, с кем разговаривает: не просто с братом, а со своим Доном.

— ...пожалуйста, — добавил он примирительным тоном.

Уголок рта Дарио слегка приподнялся.

— Я постараюсь запомнить это на будущее, консилиери.

Вскоре подошли Ларс и братья.

Было интересно наблюдать за реакцией каждого из них. Адриано и Ларс выглядели встревоженными; Массимо и Роберто были спокойны и просто испытывали любопытство.

Валентино вошел последним. Его волосы и одежда были в беспорядке, как будто его прервали на середине какого-то дела.

Прости, Катерина, подумала я, а потом сообразила, что она, вероятно, знает, зачем его вызвали, и поэтому не будет возражать.

— Ничего страшного, — язвительно сообщил Никколо остальным. — Наш новый Дон просто решил потренировать свои голосовые связки.

— Я бы не сказал, что это — ничего, — упрекнул его Дарио. — Далеко не так.

— Тогда в чем дело? — потребовал Никколо. — Хватит держать нас в напряжении!

Дарио посмотрел на меня, улыбнулся и наклонил голову.

Ты им расскажешь.

Я кивнула ему, затем повернулась.

— Вы все станете дядями.

Их взгляды были бесценны.

Сначала недоумение.

Затем шок, когда они поняли.

И через долю секунды — радость.

Каждый из них громко зааплодировал.

Никколо подошел и первым обнял меня. Остальные мужчины собрались вокруг Дарио, хлопали его по спине и поздравляли.

— Теперь ты не сможешь отказаться от свадьбы, — поддразнил меня Никколо.

— Я и не собиралась, — сказала я, ткнув его в грудь.

— Хорошо, что предупредили, — сказал он, — теперь я могу заменить твое шампанское на игристый виноградный сок.

Вечный планировщик, Никколо.

Следующим был Массимо, который заключил меня в медвежьи объятия.

— Я так рад за тебя!

Роберто сердечно поздравил меня:

— Поздравляю!

Когда подошел Валентино, он настороженно посмотрел на меня.

— Так это... в ванной... это было не для...?

— Нет, — сказала я с ухмылкой.

— Вы двое, — сказал он в отчаянии, затем обнял меня и засмеялся.

Ларс улыбнулся.

— Я очень, очень рад за вас.

Я заглянула ему в глаза.

— Ты ведь знаешь, что тоже станешь его или ее дядей? Ребенок никогда бы не появился на свет, если бы ты не сделал для меня все, что мог.

Ларс выглядел потрясенным.

— Я...

Дарио хлопнул Ларса по спине и улыбнулся ему.

— Более правильных слов не говорил никто. Ты — наша *семья*.

Остальные братья одобрительно закивали. Ларс ничего не ответил, он был ошеломлен, но он улыбнулся.

Адриано обнял меня последним. Он был самым счастливым из всех, кого я когда-либо видела.

— Не могу дождаться, когда смогу поиграть со своей племянницей или племянником.

— Но ты не можешь на них кричать, — пошутил Массимо.

— ЗАТКНИСЬ! — Адриано прикрикнул на брата, но, обернувшись ко мне, подмигнул и улыбнулся. — Обещаю, я буду самым добрым дядей на свете.

Я рассмеялась.

— Я знаю, что будешь.

И мы крепко обнялись.

Свадьба состоялась через неделю.

Охрана была на высоте, каждый солдат Розолини патрулировал территорию. Массимо и Валентино прогуливались, одетые в смокинги и с пистолетами. Даже Роберто, который больше похож на бухгалтера, был вооружен.

Ларс наблюдал за происходящим с крыши особняка из своей снайперской винтовки. Он спас меня от Турка в ту ужасную ночь, когда Дарио выступил в роли приманки и подверг свою жизнь опасности; мне нравилась мысль о том, что Ларс снова следит за нами при гораздо более счастливых обстоятельствах.

Фаусто и Аурелио прибыли с огромной колонной машин, и десятки их солдат помогали людям Дарио охранять территорию.

Никколо заключил перемирие с семьей Ольдани в Генуе. Я встретила со своими давно потерянными родственниками под руку с Никколо, поскольку Дарио не мог видеть меня до того, как я пойду к алтарю.

Спустившись по лестнице в холл, я задохнулась, увидев пожилую женщину с белыми волосами в красивом голубом платье. Она была так похожа на мою маму, что это поражало.

При виде меня у женщины открылся рот.

— *È un miracolo*⁷!

— Синьора Ольдани, — с улыбкой сказал Никколо, — позвольте представить вам вашу внучку... Алессандру.

Женщина нежно прикоснулась одной рукой к моей щеке и заплакала.

— Ты так похожа на свою мать — я не могу в это поверить!

Я крепко обняла ее.

— Спасибо, что пришли... это так много для меня значит...

— Конечно, я бы ни за что не пропустила это событие! — Затем ее голос стал строгим. — Хотя я собираюсь перекинуться парой слов с твоим отцом...

— Синьора, — мягко сказал Никколо, — помните: это день ее свадьбы. Ведите себя прилично.

Пожилая женщина бросила на Никколо неприязненный взгляд, но, встретившись с папой после этого, была вежлива.

На территории поместья толпились десятки представительных мужчин и их прекрасных жен... но я никого из них раньше не видела.

— Кто все эти люди? — спросила я шепотом у Никколо.

— *Cosa Nostra*, — прошептал он в ответ. — Главы самых влиятельных семей Италии.

Я нахмурилась.

— Я думала, у вас много врагов.

— О, не заблуждайся, большинство из этих людей желают нам смерти, — сказал Никколо, помахав рукой и фальшиво улыбнувшись кому-то вдалеке. — Но мы *должны* были их пригласить. В нашем бизнесе нужно сохранять видимость, ты же знаешь, что говорят о том, что друзей нужно держать близко, а врагов — еще ближе.

Увидев мое лицо, Никколо захихикал.

— Не волнуйся, они *никогда* не сделают ничего в день твоей свадьбы. Это будет *infamia*⁸.

— К тому же, мы не разрешили их охранникам проносить оружие... так что мы их просто убьем, — весело сказал Никколо, маша кому-то рукой.

— Замечательно, — пробормотала я.

Катерина была не только организатором моей свадьбы, но я также попросила ее быть подружкой невесты на следующее утро после того, как Дарио сделал мне предложение. Она сразу же согласилась.

⁷ Ит. - Это чудо!

⁸ Ит. - позор

Теперь она сияла, глядя, как визажист из Рима наносит на меня последние штрихи перед церемонией.

— Ты выглядишь прекрасно, — вздохнула Кэт. — Как сказочная принцесса.

— Может, у тебя появится *свой* сказочный принц!

— Не буду врать — ты вселила в меня надежду, — усмехнулась она. — Если *тебе* удалось заполучить Розолини...

Наконец настало время церемонии, которая была организована на лужайке за особняком. Великолепные цветочные композиции выстроились вдоль белых стульев, расставленных для присутствующих.

Но пока мой сияющий отец вел меня к алтарю, я смотрела только на Дарио.

Он стоял там в смокинге с маленькой белой розой, приколотой к лацкану.

Он улыбался, пока я шла к нему. Я никогда не видела его таким красивым — и единственный раз, когда я видела его более счастливым, был тот, когда я сказала ему, что у нас будет ребенок.

Адриано был его шафером. Остальные братья могли бы тоже стать шаферами, но у меня была только одна подружка невесты. Все остальные согласились, что хотят сделать свадьбу максимально безопасной.

— Это будет наш подарок тебе, — пошутил Массимо накануне свадьбы.

Для меня это не было шуткой. Их забота была признаком их любви ко мне.

Священник — кардинал из Ватикана — вел церемонию.

Когда он сказал:

— Теперь вы можете поцеловать невесту, — Дарио обнял меня и поцеловал так, что все присутствующие приветствовали это громкими возгласами и аплодисментами.

Глава 58

Как ни прекрасна была свадьба, но ужин после нее был еще лучше. Столы были установлены на улице, и мы наслаждались угасающими сумерками, когда великолепные холмы Тосканы озарились фиолетовым и янтарным светом.

Люди пили, смеялись и угощались. Дети играли и бегали друг за другом в садах.

Я еще немного поговорила с бабушкой, которая рассказала мне истории о моей матери, когда она была ребенком.

Мой отец выпил и общался с Массимо и Никколо. Они все весело смеялись.

Единственной немного кислой нотой было то, что Фаусто подошел поздравить нас. К счастью, Аурелио держался в стороне.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал мне Фаусто, целуя меня в щеки.

— Спасибо, — как можно вежливее ответила я.

Я слишком хорошо помнила его последний визит в поместье, чтобы быть с ним излишне дружелюбной.

— И тебя поздравляю, племянник, — обратился он к Дарио.

— Я думаю, ты имеешь в виду — *Дон Розолини*, — сказал Никколо с укором.

— Он — Дон Розолини, я — Дон Розолини — все это нивелируется, — добродушно сказал Фаусто.

— Только не тогда, когда кто-то раздает такие плохие советы, как *ты*, — фыркнул Никколо.

Фаусто вздохнул с сожалением.

— То, что я сказал, что за этим не стоит Турок?

— Именно так.

— Ты никогда не простишь мне это, не так ли?

— Нет, *не прощу*.

— Нам всем позволено ошибаться время от времени.

— Только не тогда, когда на кону стоит жизнь моей жены, — холодно сказал Дарио.

Мне нравилось, когда Дарио говорил «*моя жена*».

— Ну, теперь она, кажется, в порядке, — самодовольно сказал Фаусто. — Обычно я бы сказал, что она заключила выгодную партию — от официантки в кафе до жены в *Cosa Nostra*. Но поскольку она внучка Ольдани, то, возможно, это тебе повезло, мой мальчик. Заключить *такой* союз...

— Фаусто? — прервал его Дарио.

— Да?

— Был рад тебя видеть, — сказал Дарио. Он похлопал дядю по плечу, а затем отвернулся, резко отстранившись от него.

Фаусто хихикнул.

— Будь осторожен, Дарио. Когда-нибудь тебе может понадобиться моя помощь.

— Но не сегодня, — сказал Никколо. — Передай от нас привет Аурелио. Или знаешь, что? ...не надо.

Фаусто бросил взгляд на Никколо и Дарио, но ушел, не сказав больше ни слова.

— Разумно ли это было? — спросила я Дарио.

— Смотрите у кого новый *консильери*! — сказал Никколо со смехом. — Может быть, ты будешь слушать *ее* больше, чем когда-либо слушал *меня*!

Я бросила на мужа укоризненный взгляд.

— Умно ли так грубо обращаться с дядей?

— Лучше спросить, любовь моя, — сказал Дарио, целуя меня в щеку, — разумно ли ему было так грубо обращаться с *нами*?

— Мы больше не его малолетние племянники, — сказал Никколо. — Чем скорее он с этим смирится, тем лучше.

Глава 59

Ближе к вечеру Дарио, Никколо и Адриано ушли поговорить наедине. Пока они уединились, мы с остальными болтали.

— Ты готова к медовому месяцу? — спросил Ларс.

— Не могу дождаться! — сказала я. — А вы с Массимо все еще едете с нами?

— Конечно.

Массимо улыбнулся.

— Кто-то должен охранять Дона и его румяную невесту, чтобы они могли расслабиться.

— Не волнуйся, они будут держаться достаточно далеко, чтобы не слышать тебя ночью, — поддразнил Валентино.

Я шлепнула его своим букетом цветов.

— Это вообще возможно? — спросил Роберто. — Они должны быть на расстоянии *многих миль!*

Я ударила Роберто еще сильнее, и они с Валентино засмеялись.

Я оглянулась и увидела, что Дарио, Никколо и Адриано все еще тихо разговаривают между собой.

Я не все уловила, но услышала что-то о Флоренции и Агрелла.

Когда они втроем вернулись, я спросила Дарио:

— Все в порядке?

— Да.

— О чем вы говорили?

Прежде чем он успел ответить, Никколо сказал:

— Послушайте, братья. Планы немного изменились.

Ларс и остальные мужчины замолчали.

— Как вы знаете, Агрелла — наши партнеры во Флоренции — сегодня не приехали, — сказал Никколо. Он натянул фальшивую приторную улыбку. — Хотя они и передали нам самые добрые пожелания.

Следующим заговорил Дарио.

— Агрелла либо вступили в сговор с Турком, который подверг опасности Алессандру, либо допустили стрельбу во Флоренции. Что бы это ни было, ни то, ни другое не может остаться безнаказанным.

— Сегодня они не приехали, чтобы попытаться исправить ситуацию, что само по себе является оскорблением. Любое промедление с нашей стороны будет истолковано как слабость, поэтому Адриано завтра уезжает, чтобы восстановить контроль над нашей территорией. Как Дон, я официально назначаю его саро⁹ Флоренции.

Это означало, что Адриано станет представителем семьи во Флоренции... кем-то вроде генерала.

А генералы ведут войну.

Я в страхе уставилась на Адриано.

Он ободряюще посмотрел на меня:

— Не волнуйся, — и перевел взгляд на Дарио, который продолжал говорить.

— Ларс и Массимо не будут сопровождать нас с Алессандрой в поездке. Вместо этого они отправятся с Адриано во Флоренцию и будут работать под его началом. Я поручил Адриано по возможности избегать конфликтов, но первоочередной задачей является обеспечение безопасности бизнеса нашей семьи — и сохранение нашего семейного влияния.

Остальные мужчины одобрительно заворчали... но все, что я чувствовала, — это страх.

В конце концов, это были мои новые девери.

Я повернулась к Адриано и взмолилась:

— Обещай мне, что будешь осторожен.

— Буду, — успокаивающе сказал он. — Но теперь у меня есть обязанности... обязанности, порученные мне твоим мужем.

⁹ Ит. – капо, сокращение от *sarogegime*, глава группы бойцов мафии, ответственный за определенную территорию или направление бизнеса, подчиняется Дону.

Перед глазами промелькнула вся моя история с Адриано.

Но я вспоминала только хорошее.

Я вспомнила выражение его лица в тот вечер, когда я покинула особняк, и он сказал «*Ты заслуживаешь большего*»...

И как он нежно поцеловал меня в лоб.

Я вспомнила, что он сказал, когда Дарио сделал мне предложение: «*Я не могу придумать, кого еще я бы хотел видеть носящим мамино кольцо*».

И я вспомнила, что он сказал мне, когда узнал, что я беременна: «*Обещаю, я буду самым добрым дядей на свете*».

Я абсолютно точно знала, что он будет нежным и добрым с моим ребенком...

Но я также знала, что он был самым свирепым из всех братьев.

Защитник, да...

Но также темная и яростная сила природы.

Гневный, мстящий ангел.

Именно *таким* я видела Адриано, когда он сказал:

— Агрелла причастны к тому, что в тебя стреляли во Флоренции. Они подставили тебя под удар — и подвергли опасности твоего не рождённого ребенка. Я собираюсь выяснить, как *именно* они замешаны... Я собираюсь выяснить, *почему*... и я заставлю их *заплатить*.

Эпилог

Алессандра

После известия о том, что Адриано, Ларс и Массимо утром уезжают во Флоренцию, все испытывали тревогу.

— Никаких деловых разговоров сегодня! — сказал Никколо. — Тост — за жениха и невесту!

— За жениха и невесту! — поддержали все братья.

Мы разговаривали, смеялись, обходили каждый стол, чтобы Дарио мог поприветствовать и друзей, и врагов.

Случайно мы заметили, как Валентино с хихикающей Катериной ускользнули в соседний сад.

— Вот теперь у *них* правильная идея, — пробормотал Дарио мне на ухо.

— Разве тебе не нужно поздороваться с большим количеством людей?

— Я думаю, что лучше начать медовый месяц пораньше.

Он привел меня обратно в дом, где мы поднялись наверх в его спальню.

Я начала раздеваться...

— Нет, — сказал он голосом, полным похоти, — я хочу трахнуть тебя в свадебном платье.

Я засмеялась.

— Стоя?!

— Стоя, — прорычал он.

Я задохнулась, когда он залез под мое платье и стянул мои трусики до щиколоток. Остались чулки и пояс с подвязками.

Я быстро расстегнула молнию на его брюках и вытащила член, который был твердым только наполовину...

Но я чувствовала, как с каждой секундой его мужское достоинство становится все толще и длиннее в моей руке.

Это ощущение было непередаваемо сексуальным...

И я с наслаждением поглаживала его до полной твердости, пока мы целовались.

Я не могла долго терпеть это предвкушение.

— Ты нужен мне внутри, — прошептала я.

— И мне *нужно* быть в тебе, — прошептал он мне на ухо.

Он собрал в кучу мое свадебное платье...

И легко поднял меня в воздух, просунув одну руку под мою голую попку, а другой обхватив за талию.

Я застонала, обняв его ногами.

Он прижал меня к стене...

И целовал меня, медленно вводя набухшую головку своего члена в мою киску.

Я застонала, когда он вошел на дюйм, а затем вышел.

Теперь его ствол был мокрым от моих соков, он вошел еще немного и снова отстранился.

Дюйм за дюймом он погружался в меня все глубже и глубже...

Пока не заполнил меня полностью.

Мы никогда не занимались этим стоя, хотя он так легко поднимал меня в воздух.

И уж точно не в свадебном платье и смокинге.

Мы целовались по-французски, пока он входил и выходил из меня.

Удовольствие медленно нарастало во мне с каждым толчком.

Он прижимался ко мне тазом, и это создавало восхитительное трение о мой клитор...

И при этом его член двигался глубоко внутри меня.

И он был таким большим...

Я стонала, все ближе и ближе к оргазму, когда он отстранился, чтобы посмотреть на меня.

— Ты уже близко? — спросил он, покачиваясь взад-вперед внутри меня.

Мои глаза почти закрылись, но я заставила себя посмотреть на него.

— Очень близко, — простонала я.

— Не кончай пока.

— Охxxx, — простонала я.

— *Не кончай пока.*

Его глубокий голос был настолько властным, что мне *пришлось* подчиниться.

— Хорошо, — задыхалась я, стараясь не переступить через край.

— Ты сделаешь что-то для меня, *amore mio*? Для дня нашей свадьбы?

— Все, что угодно, — стонала я. — Все, что угодно...

Я была так близка.

Прямо на грани.

Было так трудно сдерживаться...

Тогда он наклонился и прошептал мне на ухо:

— Ты кончишь для меня... *синьора* Розолини?

С этими словами он заставил меня кончить сильнее и закричать громче, чем когда-либо прежде.

На следующее утро мы позавтракали с моим отцом, Ларсом и всеми братьями.

А потом мы отправились в медовый месяц.

Мы остановились на частной вилле на Амальфитанском побережье, расположенном на западном берегу Италии.

Дарио объяснил, что мы *могли* бы поехать в другую страну, но там было бы гораздо сложнее обеспечить безопасность.

Вилла, на которой мы остановились, принадлежала семье мафиози из Рима. Они уже десятки раз доказывали свою преданность Розолини, и их вилла была самым безопасным местом.

Мне было все равно, что это не в другой стране. Я никогда не была за пределами Тосканы и очень редко выезжала из маленькой деревушки Менсано.

Я даже никогда не видела вживую Средиземное море!

Для меня наш медовый месяц был сказочным раем.

Это был бывший монастырь времен Средневековья, стоявший на высоком утесе и смотревший на море. Снаружи все было выложено старинным камнем и увито пышным зеленым виноградом. Красивые цветочные клумбы добавляли красок. Внутреннее убранство — верх роскоши: мраморные полы, высокие арочные потолки, много солнечного света, льющегося на мягкие белые диваны и кресла.

В одной из скал был высечен бассейн-инфинити, создающий оптическую иллюзию безбрежности водной глади с видом на Средиземное море. Далеко внизу находился частный пляж с белым песком. Здесь же находился причал с яхтой, которую мы могли использовать в любое удобное время.

За время нашего пребывания здесь произошло столько всего, что я даже не знаю, с чего начать.

Поэтому я начну с самого начала.

Я не знала, что у семьи Дарио есть собственный аэродром, расположенный среди виноградников и фруктовых садов. На следующее утро после свадьбы мы вылетели на небольшом частном самолете. С нами отправились Валентино, Роберто и два десятка доверенных людей, которые работали на семью в качестве прислуги. Никколо остался, чтобы уладить деловые вопросы.

Я извинилась перед Катериной за то, что забрала у нее Валентино, но она лишь обняла меня.

— Разлука укрепляет чувства... Когда он вернется, это будет наш собственный маленький медовый месяц!

Адриано, Ларс и Массимо выразили свои сожаления по поводу того, что не смогли поехать, но у них была работа. Они должны быть во Флоренции, чтобы разобраться с Агрелла и вернуть власть над городом семье.

После того как мы вылетели из Тосканы, наш самолет через час приземлился на другом частном аэродроме на Амальфитанском побережье. Небольшой парк Бентли ждал, чтобы отвезти нас в поместье.

Все время в пути я прижималась носом к окну машины, глядя на сапфировое море и великолепные пейзажи.

Дарио и его братья были гораздо более спокойны. Они отдыхали на вилле каждые несколько лет с самого детства.

— Если ей *это* нравится, — пошутил Валентино, — то тебе, Дарио, стоит взять ее в кругосветное путешествие. Покататься на лыжах в Швейцарии, поплавать с маской и трубкой на Карибах...

— Мне не нужно ничего, кроме этого, — мечтательно сказала я.

Дарио только рассмеялся и с любовью погладил меня по спине, пока я смотрела в окно.

Когда мы приехали на виллу, Роберто и Валентино согласовали свои действия с персоналом и организовали охрану.

Солдаты нашей семьи охраняли нас незаметно. За все время пребывания я всего пару раз видела их.

Создавалось впечатление, что мы были предоставлены сами себе.

Как только приехали, мы с Дарио переоделись в купальники. Мы нырнули в кристальную воду бассейна-инфинити, поплавали немного... затем спустились по каменным ступеням, высеченным в скале, и дошли до частного пляжа.

Мы зашли достаточно далеко, чтобы вода была мне по грудь. Дарио обнимал меня, пока волны накатывали на нас.

— Я не могу поверить, что это происходит на самом деле, — прошептала я.

— Стоять здесь, в море, или...

— Все. Встреча с тобой... влюбленность... свадьба... этот момент сейчас... все это похоже на прекрасный сон.

— Ты заслуживаешь этого. Тебе пришлось пройти через ад, чтобы попасть сюда.

— Я *так* не думаю. Я не представляю, что нужно сделать, чтобы заслужить такое счастье, какое я испытываю сейчас.

Он улыбнулся.

— Я часто думаю о том же самом. Я не знаю, что я мог сделать, чтобы заслужить такую потрясающую женщину, как ты.

Мы поцеловались... и я почувствовала, как его член начал увеличиваться под тканью плавок.

Я робко прошептала ему на ухо:

— Мы можем заняться любовью на пляже?

— Я бы *с радостью*... но сейчас за нами наблюдают по крайней мере трое моих солдат.

— О! — воскликнула я. — Плохая идея! Забудь, что я сказала!

Он засмеялся.

— Мы могли бы подняться в дом и опробовать кровать.

— *Эта* идея мне нравится, — прошептала я.

Он вывел меня из воды, взяв за руку, и мы вернулись в дом.

Спальня была огромной. Стены были выложены из оригинальных камней монастыря, а двуспальная кровать выходила на балкон со стеклянными дверями, откуда открывался вид на Средиземное море.

Мы открыли двери, чтобы с моря дул теплый бриз. Все это время мы слышали, как волны разбиваются о берег далеко внизу.

Затем мы занялись любовью.

Сначала мы приняли душ в роскошной ванной комнате, чтобы смыть с себя соленую воду.

Пока мы снимали друг с друга одежду, руки Дарио блуждали по всему моему телу — хватали за попу, сжимали грудь, ласкали каждый сантиметр моей обнаженной кожи.

Я наслаждалась этими ощущениями... и еще больше мне нравилось гладить его член, поддерживая его в твердом состоянии.

Он хотел заняться сексом в душе, но у меня были другие планы.

Вытершись полотенцем, я подвела его к кровати и уложила на спину.

— Хммм, что ты задумала? — пошутил он.

— Я просто хотела попробовать это с прошлой ночи, — сказала я с улыбкой. — Я мечтала об этом.

Я забралась на него сверху, облокотилась на его мускулистое тело и рукой провела его членом между своих ног.

Затем... медленно... я опустила на его головку. Я уже была мокрой и возбужденной от прелюдии в душе, и легко приняла первые несколько сантиметров его члена в себя.

— Ухх, — выдохнул он и начал ласкать мою грудь. Мои груди не самые большие... но мне нравилось, что они кажутся более полными, когда я сижу на нем.

Дарио это тоже очень понравилось. Он приподнялся настолько, что достал ртом до одного из моих сосков и начал сосать.

— О, — простонала я. От ощущения его языка на моем твердом соске по телу пробежала дрожь удовольствия.

Я немного приподнялась на его члене, затем снова опустила и приняла его в себя...

Потом приподнялась и опустила еще на пару сантиметров...

Пока он не оказался во мне полностью, заполнив меня до отказа.

Я застонала от удовольствия, поднимаясь и опускаясь по его стволу. Мне нравилось контролировать, насколько глубоко он вошел в меня...

Чувствовать, как моя мягкая, влажная киска принимает его толстый ствол...

Чувствовать, как он достает до тех мест внутри меня, которые доставляют мне невероятное удовольствие.

Я двигалась на его члене вверх-вниз, все быстрее и быстрее...

И тут я почувствовала, как его большой палец коснулся моего клитора.

Я замедлила темп, чтобы он мог нежно помассировать его.

Сочетание того, что он так глубоко вошел в меня...

Наполняя меня...

И удовольствие от того, что он ласкает мой клитор...

Это отправило меня за край.

Я вскрикнула от удовольствия, и мои бедра задрожали, когда я кончила.

Я больше не могла двигаться вверх и вниз. Казалось, что все силы покинули меня.

Тогда Дарио грубо перевернул меня на спину и стал входить в меня как сумасшедший.

— О БОЖЕ! — воскликнула я, смеясь от интенсивности происходящего.

И закричала от того, что очередной оргазм накрыл меня прямо поверх предыдущего.

Но эта волна сокращений была *еще* более приятной, когда он сильно и глубоко вошел в меня.

Я гортанно вскрикнула и провела ногтями по его спине.

Вдруг он тоже вскрикнул.

И я почувствовала, как он извергается в меня.

Я стонала, пока его член пульсировал снова и снова, то увеличиваясь, то уменьшаясь, посылая толчки удовольствия в мою киску.

Когда все закончилось, он был внутри меня, все еще твердый, и нежно целовал меня.

— Это было... замечательно, — пробормотала я.

— Ты ведь не думаешь, что это конец? — спросил он с озорной ухмылкой...

...и снова начал медленно входить и выходить из меня.

Томительное послевкусие становилось все более приятным, и я чувствовала, что приближаюсь к очередному оргазму.

— Ты сделаешь для меня кое-что? — спросила я.

— Что угодно.

Я стеснялась произнести эти слова, но все же прошептала ему на ухо:

— ...трахни меня жестко.

Он хмыкнул от удовольствия...

...и сделал то, что я просила.

Я потерял счет тому, сколько раз я кончила, но знаю, что очень много.

Не спеша приняв душ, мы оделись и присоединились к Роберто и Валентино на крыльце, чтобы поужинать.

Семья, владевшая домом, имела замечательную кухню, и мы наслаждались блюдами, приготовленными одним из лучших поваров Италии.

Мы начали с нежных морских гребешков с игристым белым вином...

Затем свежее выловленный лобстер с маслянистой пастой, которая таяла во рту.

Была рыба, приготовленная с лимоном, и картофелем с травами...

Приправленная зеленью...

А на десерт – самое вкусное джелато, которое я когда-либо пробовала.

— Хорошо быть в команде охраны на медовом месяце, — пошутил Валентино.

— Очень приятно, что ты с нами, — ответила я с огромной улыбкой.

— Чем вы двое хотите заняться завтра? — спросил Роберто.

— Мы можем покататься на яхте? — взволнованно спросила я Дарио.

Он улыбнулся и поцеловал мне руку.

— Для моей невесты... все что угодно.

Мы отплыли на яхте рано утром. Команда из семи мужчин и женщин занималась всем на судне, а Валентино, Роберто и шесть наших охранников охраняли нас.

Но даже с 15 другими людьми на борту яхта была настолько огромной, что казалось, будто мы с Дарио предоставлены сами себе.

Я с восхищением наблюдала, как мы удаляемся от берега. Особняк, в котором мы жили, превратился в кукольный домик... а затем в крошечный прямоугольник, расположенный на вершине скалы.

Вокруг нас расстиралось побережье. Я видел курортные городки с сотнями, а может быть, и тысячами людей на пляжах, крошечных, как муравьи.

Ряды вилл ярусами уходили вверх по скалам...

Другие парусники и яхты на воде...

И все это под идеально голубым небом без единого облачка.

Когда я стояла на самой высокой палубе яхты, Дарио подошел ко мне сзади. Он обхватил мою талию руками и поцеловал меня в шею.

— Тебе нравится?

— Мне нравится, — прошептала я.

Он почувствовал, что что-то не так, и повернул меня к себе.

— Что случилось?

— За последний месяц столько всего произошло, а теперь... еще и ребенок на подходе...

Он погладил меня по щеке.

— Это немного через чур?

Я кивнула.

— Я не хочу, чтобы ты думал, что я не благодарна за все, или что я не слишком счастлива...

— Но с этим трудно справиться, — закончил он за меня.

Я снова кивнула.

— Я боюсь, что не буду знать, что делать, когда родится ребенок. Я боюсь наделать ошибок. Я боюсь всего на свете.

Он улыбнулся.

— Я тоже.

— Правда? — удивленно спросила я. Он всегда казался образцом уверенности в себе.

— Я боюсь, что не буду таким хорошим отцом, какого заслуживает наш ребенок... что буду совершать ошибки на этом пути... Но знаешь, что я вспоминаю всякий раз, когда чувствую это?

— Что?

— Что ты всегда будешь рядом со мной. А у тебя всегда буду я. И что бы ни случилось... какие бы ошибки мы ни совершали, какие бы испытания ни выпадали на нашу долю... мы будем преодолевать их вместе. И что бы ни случилось... я знаю, что это будет *прекрасно*.

Слезы навернулись мне на глаза.

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — прошептал он в ответ, улыбаясь. — *Madre dei miei figli*¹⁰.

Мы смеялись и целовались — и все было прекрасно под голубым итальянским небом.

¹⁰ Ит. - Мать моих детей.